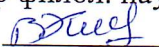

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)

Филологический факультет
Кафедра русской и зарубежной литературы

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП
д-р филол. наук, профессор
 В.С. Киселёв

« 10 » июня 20__ г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е.П. КОВАЛЕВСКОГО

по основной образовательной программе подготовки магистра
направление подготовки 45.04.01 – Филология

Александрова Елена Владимировна

Руководитель ВКР
д-р филол. наук, профессор
 Э.М. Жилиякова
подпись
« 13 » июля 2019 г.

Автор работы
студент группы № 13781
 Е.В. Александрова
подпись

Томск–2019 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)

Филологический факультет
Кафедра русской и зарубежной литературы

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

« 10 » июл 2016 г.

ЗАДАНИЕ

по подготовке ВКР магистра

студенту **Александровой Елене Владимировне**, группа 13781

1. Тема ВКР: «**Жанровое своеобразие произведений Е.П.Ковалевского**»

2. Срок сдачи студентом выполненной ВКР:

а) на кафедре 10 июня

б) в ГАК 10 июня

3. Исходные данные к работе

Цель работы: выявить и проанализировать жанровые особенности произведений Ковалевского в 40- годы 19 века.

Задачи:

Обозначить основные аспекты, характеризующие тему «Жанровое своеобразие произведений Е.П. Ковалевского»;

Произвести отбор исследовательского материала и распределить его в соответствии с выделенными аспектами;

Определить методологические принципы анализа текстов Е.П.Ковалевского с точки зрения содержания и поэтики;

Проанализировать материал в соответствии с избранными методами;

Охарактеризовать на основании анализа текстов художественные особенности произведений разных жанров.

Объектом исследования являются произведения разных жанров творчества Е.П.Ковалевского 1840-х годов.

Предметом исследования являются отношения Ковалевского к традициям русской и зарубежной литературы как культурного феномена с точки зрения основных аспектов, их характеризующих.

4. Краткое содержание работы:

Во введении рассматривается история изучения вопроса современниками Ковалевского и современной наукой. Представлен краткий биографический очерк писателя.

Глава I. Представлен анализ очерков-путешествий, в котором отразились впечатления писателя от азиатского и славянского мира (разделы 1.1. и 1.2). В разделе 1.3. рассматривается натурфилософия Ковалевского, что проявляется в изображении природы. В разделе 1.4 выявляются основные константы, которыми характеризуется поэтика Ковалевского в создании очерков.

Глава II. Предметом исследования становятся повести Ковалевского и их жанровые разновидности: историческая повесть (2.1), светская повесть (2.2), повесть как нравоописательный очерк (2.3), поиски психологической и социальной достоверности в повести (2.4)

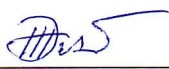
Глава III. Рассматривается жанр романа-фельетона с точки зрения поэтики контрастов(3.1), системы образов (3.2), проблемы повествователя(3.3) и места фельетонного романа в истории русской и зарубежной литературы

5. Указать предприятие, организацию по заданию которого выполняется работа:

НИ ТГУ

6. Дата выдачи задания «п» мая 2019 г.

Руководитель ВКР

Э.М.Жилякова, доктор фил. наук, проф.

подпись

Задание принял к исполнению

дата, подпись студента

Введение

«Имя это теперь забытое, пользовалось, между концом тридцатых и шестидесятых годов, известностью в высшем служебном, литературном и одно время дипломатическом мире. Может быть, таким успехом оно отчасти было обязано счастливой случайности, подобно тому, как актёр благодарной роли»¹. Первыми, выходящими из ряда обыкновенных, назвал воспоминания о своём дяде П.М. Ковалевский.

Творчество Е.П. Ковалевского, известного путешественника, учёного, государственного и общественного деятеля, создателя Общества литературного фонда «для пособия нуждающимся литераторам и учёным»² сегодня мало кому известно. Наиболее полная работа о жизни и творчестве Е.П. Ковалевского принадлежит Б.А. Вальской.³ В монографии представлена подробная биография, описание его путешествий с точки зрения научных географических изысканий, обзорно даётся творчество Ковалевского. В подобном же контексте рассматривает жизнь и творчество писателя Виленкин В.Л. в работе «Странствователь по суше и морям». Имя Ковалевского упоминается в связи с литературой путешествий в диссертации Проценко Е.Г. «Литература «путешествий» в России в 1840-1850 годы».⁴ Среди современных исследователей представляет интерес работа О.А. Фарафоновой «Странствователь по суше и морям» Е. П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога».⁵ Ковалевскому посвящена большая статья в Биографическом словаре «Русские писатели 1800-1917».⁶ Все эти авторы рассматривают творчество Ковалевского только через призму его путешествий, хотя современники высоко ценили талант писателя, понимали оригинальность и необычность его творчества.

Отзывы В.Г. Белинского, П.А. Плетнёва, А.В. Дружинина, П.В. Анненкова, В.Н. Майкова, О.И. Сенковского свидетельствуют о несомненном интересе к личности писателя. В.Г. Белинский высоко оценил первую книгу очерков Ковалевского «Странствователь по суше и морям», отметил «занимательность», «сметливую

¹ Ковалевский П.М.. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 291.

² Русские писатели, Русские писатели 1800-1917.М.: научное издательство «Большая Российская энциклопедия» Фианит, 1992, т.2 С. 577

³ Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. Геогрфгиз, М., 1956г.

⁴ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984.

⁵ Фарафонова О.А. «Странствователь по суше и морям» Е,П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога //Критика и семиотика. 2018. №2. С.10-24

⁶ Русские писатели 1800-1917.М.: научное издательство «Большая Российская энциклопедия» Фианит, 1992, т.2. С. 577-578

наблюдательность», «лёгкость романического повествования».⁷ «Наш любимый автор-странник», - называет Ковалевского О.И. Сенковский, – он имеет «особенную способность не только путешествовать, но и мастерски передавать другим свои наблюдения, замечания, впечатления».⁸ Соединение художественных и научных достоинств отмечает Плетнёв: «многие из этой книги почерпнут более для мысли, нежели из самых подробных топографий и статистических таблиц».⁹ «После обеда читал «Путешествие в Китай» Ковалевского, - книга мне очень понравилась», - читаем у А.В. Дружинина.¹⁰ П.В. Анненков называет Ковалевского «литератором в полном смысле слова. Авторская деятельность представлялась ему не как легкое развлечение, не как приятное наполнение досуга, <...> он смотрел на все, как на важное призвание в жизни, стоящее того, чтоб, при случае, отдать ему всё свои силы без раздела».¹¹

Ковалевский «был дружен с поэтами-петрашевцами А.И.Пальмом и С.Ф.Дуровым, в конце 40–начале 50-х годов сблизился с И.С.Тургеневым, Н.А.Некрасовым, Н.Г.Чернышевским, Л.Н.Толстым».¹² Современники, откликаясь на очерки-путешествия Ковалевского, отдавали должное его таланту. Наименее исследованы беллетристические произведения, которые были не настолько популярны, как очерки, но сыграли важную роль в формировании жанра повести в 40-е годы 19 века, пролагали путь к созданию социального романа и становлению реалистического метода. В этой связи представляет интерес исследование творчества Ковалевского с точки зрения жанрового своеобразия и его влияния на развитие русской литературы.

Е.П. Ковалевский, закончив в 1828 г. Харьковский университет со званием «действительного студента», прослушав курс на отделении нравственно-политических наук (хотя в формулярном списке указано, что он знал естественные, математические, горные, политические науки и новые языки), на следующий год «бросил Петербург, где

⁷ Белинский В.Г. Странствователь по суше и морям // Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С.610

⁸ Сенковский О.И. Путешествие во внутреннюю Африку Ковалевского // Библиотека для чтения, 1849, т. 95. С.83-115

⁹ П.А. Плетнёв. Мелкие критические разборы // Сочинения и переписка П.А. Плетнёва. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1885. Т.2, с.407-408

¹⁰ Дружинин А.В.. Повести. Дневник. Москва. «Наука».1986. С. 234. Отзыв Дружинина на книгу Ковалевского опубликован в Библиотеке для чтения (1853, № 12)

¹¹ Анненков П.В. Егор Петрович Ковалевский // Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова 1849-1868. Санкт-Петербург, 1877. С.243

¹² Егор Петрович Ковалевский. Биографический указатель. [Электронный ресурс]
http://www.hrono.info/biograf/bio_k/kovalevski_ep.php (дата обращения: 13.06.2019)

нашёл себе место в департаменте горных дел и уехал в Сибирь»¹³. Что послужило настоящей причиной отъезда в далёкие края – приглашение брата, который был на 20 лет старше и занимался научными исследованиям горных наук, или грустная сентиментальная история, о которой упоминается в первой книжке стихов, изданной в 1832 г., в предисловии Издателя, неизвестно.

“...Добровольно покинув родину, покинув тебя, мой единственный Друг, я удалился в необитаемый край Сибири; седьмой месяц я не вижу человека, ничто даже не напоминает мне о нем... И недуг сердца заживает, тихая, кроткая грусть сменила убийственную тоску. Мое бытие слилось с воспоминанием о ней, и то, что мечталось в зыбком, неверном сновидении осуществилось, Ея призрак... Нет, она — мой идеал, мой Ангел-хранитель, она сама навещает уединенную обитель мою и вливает на растравленные раны бальзам сладкого утешения. Когда невзгодные тучи заслоняли мою душу, тогда я старался пробудить восторги созерцанием величественной природы. Знаю, что исполинские картины Сибири выше всяких описаний... Сорвите с главы этакого гордого утеса бурное облако, начертите на нем стрелю молнии... и если эти письма будут доступны смертным, тогда свет узнает Сибирь!.. Перед тобою сжималась моих чувствований – не более!»

*Вот извлечение из письма, при котором я получил эти стихотворения и несколько видов Сибири, снятых автором с натуры. Если эти поэтические описания обратят на себя внимание образованной публики, то я издам и рисунки. Издатель 1832 г.*¹⁴

Ни в одном из известных нам воспоминаний не упоминается больше данный факт биографии. Была ли это выдуманная история, чтобы привлечь внимание к стихам неизвестного поэта, или действительно автор пережил личную трагедию? Но в стиле этого письма («необитаемый край», «недуг сердца», «кроткая грусть», «убийственная тоска», «уединённая обитель», «растравленные раны») преувеличенная чувствительность, мир личных переживаний, соединение сентименталистских и романтических мотивов. И по контрасту – противопоставление сердечным ранам красоты и величия природы Сибири. И если стихи о любви насквозь пронизаны штампами: «истлевал над прахом я священным»,

Как часто в ночь меж звезд звезда одна

Лучистее, яснее мне светила.

Как часто в высь безбрежную она

Приветливым лучом меня манила.

¹³ Анненков П. Егор Петрович Ковалевский. С.Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1868 г. С.4.

¹⁴ Егор Ковалевский. Сибирь. Думы. Стихи. Предисловие Александра Родионова.[Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2010/8/ko12.html> (дата обращения: 12.06.2019)

Мой вольный дух оковы персти рвал,
Парил туда, далеко в беспредельность,
Где всё любовь и Бог, где время — вечность,
И там, с тобой в восторге утопал. (Дума 1. Праху Н.), -

то в описании природы видна «незаурядная наблюдательность и талант»¹⁵. Умелое использование сравнений, ярких образов именно в прозаическом тексте, предшествующем Думам, проявляется уже в первом литературном опыте «**Сибирь. Думы. Стихи**»

«На пространстве необозримом, между Обью и Иртышем, от Колывани до Тары, Ишима и моря Ледовитого, лежит одна равнина — степь Барабинская: совершенно безлюдная, везде покрытая болотами и тундрами, почти необитаемая. К морю она усеяна мамонтовыми костями и представляет обширное кладбище, на коем изредка, как тени, исшедшие из могил, мелькают изгнанники, заклеянные преступлением. Летом она покрывается непроницаемым туманом, но горе страннику, который остановится полюбоваться волшебной его игрою, не предохранив своего лица: миллионы насекомых, ползающих и летающих, покрывают его!...»¹⁶

Книга, изданная в 1832 г., осталась незамеченной в литературных кругах, к поэтическим экспериментам Ковалевский больше не возвращался, но некоторые из Дум были опубликованы в журнале «[Сибирские огни](#)» 2010, №8 с комментарием Александра Родионова: «Сибирь в “Думах” высвечивается душевной лампадой Егора Ковалевского в красках романтических, восторженных, что внутренне мотивировано — он разглядывал новую для себя страну столичным глазом, и отразилась она в стихах сообразно литературной традиции тех лет»¹⁷.

Но романтическое присутствовало не только на страницах первых произведений Ковалевского.¹⁸ Горный инженер на золотых приисках и заводах Сибири, «он вёл разведку золота в Восточном Саяне по притокам Ангары и в других местах. При переходе через Восточный Саян Ковалевский чуть не свалился в бездну, так как вожатый привёл его вечером в непогоду на вершину, окружённую «снежными утёсистыми пиками». Во

¹⁵ Вальская Б.А.. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. Географиз, М., 1956 г. С. 10.

¹⁶ Егор Ковалевский. Сибирь. Думы. Стихи. Предисловие Александра Родионова. [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2010/8/ko12.html> (дата обращения: 12.06.2019)

¹⁷ Егор Ковалевский. Сибирь. Думы. Стихи. Предисловие Александра Родионова. [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2010/8/ko12.html> (дата обращения: 12.06.2019)

¹⁸ На студенческой скамейке, задумана и начата целая трагедия, оконченная впоследствии и напечатанная под названием «Марфа, посадница Новгородская, или Славянские жены». Единственные экземпляры этой библиографической редкости сохранились в семействе автора. Небольшая книжка, писанная белыми стихами, с посвящением трагедии, прозою, памяти Озерова, интересна только как первый опыт будущего писателя и иного значения не имеет. - Собрание сочинений. Том 1. Странствователь по суше и морям (Е. П. Ковалевский, 1843). Егор Петрович Ковалевский. Биографический очерк.

время путешествий по Саянам ему нередко приходилось иметь «по одну сторону неприступные скалы, а по другую бездну»¹⁹. Об этой стороне своей жизни Ковалевский поведал в очерке «Искатели золота».

Цепь случайностей кардинально меняет жизнь горного инженера. Приехав в Черногорию в 1837 г. в качестве «мирного искателя золотой руды»,²⁰ хотя уже и в чине капитана²¹, оказывается невольно участником военного конфликта. «Байроновски романтично было приключение»²², о котором поведал П.М. Ковалевский в воспоминаниях. Но это приключение могло стоить ему не только карьеры, но и жизни.

Вторжение австрийцев в Черногорию заставило геолога прервать занятия. Видя в нём представителя великой славянской державы и посланца царя, черногорцы просят возглавить поход капитана Ковалевского. «И русский горный инженер возглавляет черногорцев, вставших на защиту свободы. Триста плохо вооружённых воинов под начальством русского капитана отбили нападение четырёхтысячного отряда австрийских захватчиков. В бою пригодилась и карта, составленная Ковалевским»²³. И хотя капитан «не позволил вешать пленных австрийцев и не повёл дальше»²⁴, даже подписал мирный договор двух государств, не имея на то никаких полномочий, он понимал, что вызовет гнев государя, ведь Австрия в то время была союзницей России. Не имея возможности объяснить свой поступок напрямую, Е.П.Ковалевский обращается к находившемуся тогда за границей А.М. Горчакову, только благодаря его вмешательству, император узнал истинные причины поступка русского капитана (*«Попробуйте быть на моём месте, когда целый народ вам говорит: «Тебя послал русский царь; мы его дети, он нас защитит, а ты защитить не хочешь»*»), и опальный горный инженер был не только оправдан, но и оказался на новом для себя поприще – дипломатическом²⁵.

Об этой истории не будет упомянуто в российских газетах, не напишет о ней и сам Ковалевский. Предметом его описаний станет сама Черногория, её быт и нравы, природа и

¹⁹ Вальская Б.А.. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. Географиз, М., 1956 г. С. 15

²⁰ Ковалевский П.М.. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 296.

²¹ В 1836 г. при поставлении всего горного ведомства на военную ногу, переименован из горного чина в капитана. – Анненков, Егор Петрович Ковалевский. 1868 г. С. 4-5

²² Ковалевский П.М.. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 295.

²³ Виленкин В.Л.. Странствователь по суше и морям. (Егор Петрович Ковалевский), М.: Издательство «Мысль», 1969. С. 18-19

²⁴ Ковалевский П.М. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 301

²⁵ Резолюция Николая Павловича «Le capitaine Kowalewsky a agi en vrai russe» Капитан Ковалевский поступил как истинный русский. В кн.: П.М. Ковалевский. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 301

люди. И очерки, названные «Четыре месяца в Черногории»²⁶, снискали ему славу Колумба Черногории и открыли читателям Ковалевского-писателя.

В этих очерках наряду с традициями Марлинского уже очевидна тенденция объективного изображения быта, нравов, природы Черногории, неизвестной до того русскому читателю. Вот как описывает Ковалевский Скадарское озеро. *«Наконец река становилась всё шире и слилась в одну обширную равнину вод – озеро Скутари! Видно, весело стремился вдаль мой взор утомлённый до того непрерывными преградами!.. Скутари виднелся весь в золоте, словно чертог русалок, погружённый в водную пучину»*²⁷ Описывая Зетскую равнину, расположенную между Спужем и Подгорицей, не может удержаться от сентенций в духе Карамзина. *«Как прекрасна и роскошна она! Как живописно это волнуемое златом плесо пшеницы! Как отрадна для глаза зелень винограда! Но, горе! Здесь земледелец, оросив потом свою ниву, должен оросить её кровью, чтобы собрать плоды трудов своих»*²⁸. И в то же время установка на реалистичность просматривается во многих отрывках текста. *«Какой прекрасный край! Картина совершенно в новом роде: узор ярок и пёстр, он напомнил мне живо тот, по которому расположены татарские улусы на Алтае: те же шалаши, толпа полунагих ребятишек, толпа женщин, тьма собак той же самой породы, как у татар, и этот шум, и эти огоньки, мелькающие далеко за полночь, стада овец, звон колокольчиков – всё на прекрасной горной долине, местами ещё покрытой снегом, окружено трущобой, прикрито облачным небом, наконец, эта прохлада днём и холод ночью, всё живо, с малейшими подробностями и оттенками напомнило мне тот самый улус, который был некогда моим жилищем»*.²⁹

Но по-настоящему имя Е.П.Ковалевского сделалось литературным именем после публикации очерков, которые он объединил в книгу «Странствователь по суше и морям». Это произведение, писал П.В.Анненков, «в форме до того времени небывалой, в изложении лёгком и живописном, трепетавшее образностью, юмором и меткой наблюдательностью» доставило Ковалевскому «почётное имя в литературе» и в нём он проявил «настоящие свойства своего таланта».³⁰

В основе очерков - путешествия Ковалевского по Ташкенту, Хиве и Бухаре. Но драматического напряжения Ковалевскому хватало и в реальной жизни. После столь неожиданного Черногорского приключения, Ковалевский принял участие в походе в Хиву

²⁶ Книга «Четыре месяца в Черногории» отдельным изданием вышла в 1841 г.

²⁷ Ковалевский Е.П.. Собрание сочинений, СПб., 1871-1872, т. IV. С. 29-30

²⁸ Ковалевский Е.П.. Собрание сочинений, СПб., 1871-1872, т. IV. С. 78

²⁹ Ковалевский Е.П.. Собрание сочинений, СПб., 1871-1872, т. IV. С. 105

³⁰ Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. Географгиз, М., 1956 г. С. 162-163

зимой 1839-1840 г. «...в странах полудиких, ...в свите поднявшегося войною, на верблюдах и казацких скакунах, графа В.А. Перовского, на Хивинские ханства, он уже гораздо более в качестве дипломатического чиновника, чем горного инженера, голодает и мёрзнет вместе с верблюдами и казаками и в степи; отбивается самолично в дрянном земляном укреплении от нападающих дикарей и отсиживается на конине до подоспевшей выручки».³¹ Проявив незаурядное мужество в военных сражениях, Ковалевский был представлен к Георгию, но награды не получил, так как был всё-таки на гражданской службе и мог получать знаки отличия, соответствующие его званию.

Перерыв в жизни дипломатического агента, начиная с 1840 г., когда он возвратился из экспедиции в Хиву, и до 1846 г., когда будет сопровождать на уральские золотые прииски египетских инженеров, наполняется литературной работой. В журналах «Библиотека для чтения», «Журнал для чтения воспитанникам военных заведений», «Горный журнал» печатает как научные статьи, так и очерки, роман «Петербург днём и ночью» 1845-1846, повести «Любовь и эгоизм» 1846, «Люди странствующие, люди страждущие» 1848-1849.

Ещё одна страница биографии Ковалевского связана с именем Петрашевского. Б.А. Вальская приводит выдержки из документов, подтверждающих участие в кружке Петрашевского. «Осенью 1844 г. Ковалевский возвратился в Петербург из путешествия по Карпатам и Балканам и здесь близко сошёлся с петрашевцами А.И. Пальмом и С.Ф. Дуровым. Пальм показал на следствии по делу петрашевцев «каждое почти воскресенье я проводил в доме сенатора Е(вг). П. Ковалевского, где был принят как родной. Был в весьма коротких отношениях с братом его полковником горных инженеров Ковалевским». (Дело петрашевцев, т. III, М., 1951, с. 269). Дуров тоже показал на следствии, что бывал у Егора Петровича»³². Почему судьба Ковалевского оказалась более счастливой, чем у Ф.М. Достоевского, можно объяснить воспоминаниями П.М.Ковалевского: «Сколько так называемых «петрашевцев» собиралось у него по вечерам и какая совершалась тут уголовщина, вроде чтения известного письма Белинского к Гоголю.... Тогда это было преступно вообще; но если подпоручикам и коллежским регистраторам оно было просто преступно, то украшенному орденами штаб-офицеру, каким был Е.П., сугубо преступно. И, конечно, одна счастливая случайность борьбы двух соперничавших ведомств, - из которых одно, по обязанности своей доносящее, не успело донести, а другое донесло из любви к искусству, - спасла нашего путешественника от поездки на ту сторону Невы, в

³¹ Ковалевский П.М. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 306

³² Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. Географиз, М., 1956 г. С. 164

место покрепче его киргизского укрепления... Шеф жандармов (граф Орлов) пообещал «Согнуть в бараний рог» всякого, кто посмеет раздуть дело, открытое министром внутренних дел (Перовским); никто не усомнился, что обещание будет исполнено, и дело раздуто не было»³³. Ещё одно обстоятельство счастливой участи Ковалевского объясняется поспешным отъездом в Китай в 1849 году, что тоже не могло произойти без вмешательства покровителей.

Два факта биографии Е.П.Ковалевского не должны остаться без внимания. Первое – участие в Крымской войне и знакомство с Л. Н. Толстым. Его статья «Бомбардирование Севастополя» будет опубликована в Современнике 1856, т. 57. «Я чувствую всю немощь свою перед величием той страшной драмы, которая разыгралась в глазах мира, и оставляю свой слабый труд». «Под стенами Севастополя, - писал Ковалевский, - битвы почти не умолкают, с переменным счастьем, не верьте, если вам скажут, что Севастополь взят: его не возьмут все вражеские силы, пока там останется хоть одна русская душа»³⁴. И хотя очерки Ковалевского не стали столь знамениты, как «Севастопольские рассказы» Толстого, в них та же правда очевидца и участника военных событий. 21 декабря 1855 г. Егор Петрович был награждён медалью за защиту Севастополя.

Второй факт – последнее дело жизни Ковалевского – общество Литературного фонда. Если идея его создания принадлежала Дружинину, то её воплощение целиком легло на плечи Егора Петровича. Общество вспомоществования нуждающимся литераторам оказывало помощь вдовам писателей, их детям; создан фонд был исключительно на пожертвования. Средства поступали и через благотворительные мероприятия – чтение произведений знаменитых писателей, постановки спектаклей. Ковалевский не только был почти постоянно председателем общества (за исключением того года, когда выбывал по жребию), но и инициатором многих предложений в Устав фонда. Так, именно он предложил принимать в общество дам «по одобрению комитета и открытому согласию Общества». Когда возникли разногласия по поводу анонимности распределения взносов (не оглашать имена нуждающихся), Ковалевский писал Теккерю, в то время возглавлявшему подобный фонд в Англии, и подтвердил правоту своего убеждения. Его речь, произнесённая 2 февраля 1861 г. на первом годовом общем собрании, не только отчёт о проделанной работе, но и блестящий образец очерка в духе фельетонных романов Эжена Сю, только повествующий не о парижском дне, а о реальности петербургских углов, правда, уже не 40-х, а 60-х годов.

³³ Ковалевский П.М. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 323

³⁴ Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. Географиз, М., 1956 г. С. 162

«Общество образовалось не вследствие каких-либо случайностей или временного увлечения, но было вызвано крайнею потребностью, обуславливалось расширившимся кругом литераторов. Те, которым громкая литературная известность даёт возможность более, чем безбедного состояния, не могут себе представить, в каком положении находится меньшая их братия, эти труженики второстепенных и мелких журналов, и с какими усилиями зарабатывается ими скудная плата. Мы видели между ними нищету потрясающую. Один из наших сочленов, которому пришлось посетить просившего о вспомоществовании, нашёл его помещающимся, с женою и семилетней дочерью, в чулане, на лестнице, где прежде складывались дрова. За эту квартиру он платил 3 рубля. Если прибавить, что наскоро поставленная печь не нагревала чулана и до 7 градусов, и что это семейство целый год не употребляло мясной пищи, то это ещё малейшие лишения, которым оно подвергалось. Может быть, некоторые возразят: каким образом человек развитой, более или менее образованный, может у нас, на Руси, дойти до такого состояния? Не спешите осуждать его; процесс обнищания совершается очень естественно и довольно быстро: достаточно заболеть главе семейства, жившего изо дня в день. Невозможность работать лишает последних средств; продаётся всё, что можно продать – мебель, самая одежда; потом семейство живёт, несколько времени, в долг; наконец, истощается кредит, и тогда начинается самое отчаянное положение. Протяните этому страдальцу руку помощи вовремя, дайте возможность оправиться от болезни, и он спасён из того безвыходного положения, которое, большею частью, извергает его в могилу»³⁵.

В начале 60-х Ковалевский познакомился с Достоевским. Ковалевский давал читать писателю свои Путевые заметки, оказывал помощь в получении ссуды. Известно о его помощи через Фонд.

30 сентября 1868 г. друг писателя поэт А.Н. Майков сообщил Достоевскому в Милан о смерти Ковалевского: «Очень жаль этой потери; конечно, не для Литер<атурного> фонда только, но по влиянию его на нашу славянскую и азиатскую политику, по влиянию на общественные высокие сферы, где он сильно ратовал в прояснении русской идеи...». Достоевский ответил письмом от 26 октября (7 ноября) 1868 г.: «...Мне жаль Ковалевского, — добрый и *полезнейший* был человек, — так полезен, что, может быть, только по смерти его это совершенно почувствуется...»³⁶.

³⁵ ХХVлет.1859-1884. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным. С.-Петербург, 1884г. С. 15-16

³⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л., Наука. 1980.- т.28, кн.2. с. 325

Некролог в «Отечественных записках» написал М.Е.Салтыков-Щедрин, он заканчивался такими словами: «Несомненная даровитость, многостороннее образование, меткий практический такт, приобретенный долгим опытом в многообразных сферах деятельности, неистощимая энергия и то серьезное, присущее самой натуре гуманное чувство, которое выражается не на словах, а на деле, — вот черты, характеризующие личность Е. П. Ковалевского, за которые многие любили его, уважали все».³⁷

Работа посвящена исследованию творчества Е.П. Ковалевского как автора очерков, повестей и фельетонного романа в 40-е годы 19 века.

Актуальность представленной темы заключается в отсутствии серьёзного научного труда о творчестве Ковалевского. Исследование беллетристических произведений Ковалевского даёт богатый материал для возрождения незаслуженно забытого писателя.

Цель исследования — выявить и проанализировать жанровые особенности произведений Ковалевского в 40-е годы 19 века.

Задачи исследования —

1. Обозначить основные параметры изучения жанровой специфики произведений.
2. Определить круг исследуемых произведений в соответствии с их жанровой принадлежностью.
3. Определить степень взаимовлияний русской и зарубежной литератур на формирование жанра.
4. Охарактеризовать роль писателя в формировании творческого метода

Основным материалом исследования являются очерки-путешествия Ковалевского «Странствователь по суше и морям», «Карпаты»; историческая повесть «Фанариот», светская повесть «Любовь и эгоизм», нравоописательный очерк «Майорша», повесть «Люди странствующие, люди страждущие», роман-фельетон «Петербург днём и ночью».

Объектом исследования является жанровая специфика произведений Е.П. Ковалевского

Методология исследования основана на сравнительно-сопоставительном, культурно-историческом и структурном изучении

³⁷ Из некролога М.Е. Салтыкова-Щедрина. «Отечественные записки», 1868, № 10. [Электронный ресурс] <https://lit.wikireading.ru/29931> (дата обращения: 12.06.2019)

1. Очерки-путешествия Е.П. Ковалевского 1840-х годов

Е.П. Ковалевский – один из создателей нового жанра «путешествий».

В начале 40-х годов одно за другим появляются в печати произведения, большая часть из которых связана с его профессиональной деятельностью – геолога, горного инженера. Но от научных публикаций их отличала «несомненная даровитость, многостороннее образование»³⁸ автора. Перечень произведений, опубликованных Ковалевским с начала 40-х годов в периодических изданиях, свидетельствует не только о разносторонних интересах плодотворно пишущего литератора (одновременно с путешествиями Ковалевский публикует роман и повести), но и очевидное желание попробовать выразить себя в разных жанрах³⁹. Неизданные записки, воспоминания, исторические обозрения, дневники, путевые записки, мемуары – такие определения либо даёт сам автор в подзаголовках, либо они прочитываются в тексте путешествий. В 40-е годы XIX века путешествие чёткого определения не имело. А.М. Скабичевский отметил, что «никогда не процветали у нас в такой степени путевые очерки, письма и впечатления, как в сороковые и пятидесятые годы».⁴⁰ В.Г. Белинский воспринимает литературу путешествий с точки зрения физиологического очерка, при этом не отказывая ей в занимательности. В 50-е годы Н.Г. Чернышевский сделает попытку определить путешествие как жанр, который, *«соединяя в себе элементы истории, статистики, государственных наук, естествознания и приближаясь к так называемой легкой*

³⁸ Из некролога М.Е. Салтыкова-Щедрина. «Отечественные записки», 1868, № 10. [Электронный ресурс] <https://lit.wikireading.ru/29931> (дата обращения: 12.06.2019)

³⁹ «Четыре месяца в Черногории», 1841 г. СПб (с рисунками и картой)

«Кульджа, Чугучак и города западной границы Китайской империи (из неизданных записок)».

Мануфактурные и горнозаводские известия. 1842, №1, № 2

«Странствователь по суше и морям», кн. I и II. СПб, 1843

«Арнаут, Яссы и Молдавия». Библиотека для чтения. 1844, т.62

«Карпатские горы зимой». Библиотека для чтения. 1844, т.63

«Воспоминания о берегах Нижнего Дуная». Библиотека для чтения. 1844, т.65

«Историческое обозрение открытия золота в Старом и Новом свете». Библиотека для чтения. 1844, т.62

«Фанариот». Историческая повесть. Библиотека для чтения. 1844, т.67

«Странствователь по суше и морям», кн. III. Карпаты, СПб, 1845

«Путь каравана (из дневника русского офицера при переезде из Семипалатинска в пределы китайских владений)». Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 62, № 245. 1846 г.

«Нападение хивинцев на укрепление Ак-Булак в ноябре 1839 г. (из дневника Русского офицера)». Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 62, № 246. 1846 г.

«Балканы. Ниш». Библиотека для чтения. 1847, т.80

«Из путешествия во Внутреннюю Африку. Большая Нубийская пустыня». «Современник», 1848. т. XII

«Странствователь по суше и морям», кн. IV. Библиотека для чтения. 1849, т. 94

«Экспедиция к золотоносным россыпям в верховьях Нила, отправленная египетским пашою под начальством русской службы подполковника Ковалевского». «Известия русского географического общества». 1849, вып. 1

О путешествии в Африку. Записка Ковалевского, читанная на общем собрании Географического общества 12 января 1849 г. «Географические известия» 1849 г., вып. 1

«Негриция». «Отечественные записки», 1849, т. 62

⁴⁰ Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. – 7 изд.- СПб, 1909, с. 146

литературе своею формою, как рассказ о личных приключениях, чувствах и мыслях отдельного человека в столкновениях его с другими людьми, <...> Путешествие - это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествознание. Каждому читателю дает оно всё, что только хочет найти он»⁴¹.

В современном литературоведении жанр путешествия становится предметом исследования и в работах В.Шачковой, В. Гуминского, В. Михайлова, М. Шадринной, Е. Стеценко, Н. Масловой.⁴²

Проценко Е.Г. в диссертации «Литература «путешествий» в России в 1840-1850 годы» отмечает «формирование в 1840-1850-е годы новой жанровой формы литературных "путешествий", особенностью которой являются отличия как «от научной, и от собственно очерковой литературы», так и от «жанров художественной сюжетной прозы».⁴³ В качестве отличительных признаков называются «циклизация путевых очерков», «относительно развитое (по критериям и меркам 40-х годов) художественное (образное) начало», «описание <...> существенно отличается от любых форм сюжетной прозы, использующих фабулу и композицию "путешествия" в рамках творческого вымысла»⁴⁴.

В числе авторов, рассматриваемых исследователем, и Е.П. Ковалевский, которого по праву можно считать одним из создателей новой жанровой формы путешествия⁴⁵. Называя Ковалевского представителем «среднего» слоя массовой литературы «путешествий» этого времени, автор выделяет сущностные черты жанра – «оптимальное соединение научных и художественных способов познания действительности», «влияние

⁴¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ, 1948. Т. IV. С. 978

⁴² Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 314-354; Михайлов В. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII-XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 501-578.; Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. М.: Знание, 1980. 116 с.; Скибина О.М. Творчество В.Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика. Оренбург, 2003. 214 с.; Стеценко Е.А. История, написанная в пути. (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII-XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, 1999. 312 с.; Шадрин М.Г. Эволюция языка «путешествий»: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 394 с.; Гуминский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 184 с.

⁴³ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий» в России в 1840-1850-е гг. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984. С.16

⁴⁴ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий» в России в 1840-1850-е гг. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984. С.16

⁴⁵ Творчество Ковалевского в контексте «литературы путешествий» XIX века исследовано мало. Представляет интерес работа О.А. Фарафоновой «Странствователь по суше и морям» Е. П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога», в которой анализируется издание «Странствователя по суше и морям» 1843 г. с точки зрения «взаимодействия автора и читателя», анализируется путешествие в Среднюю Азию. (Фарафонова О.А. «Странствователь по суше и морям» Е.П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога //Критика и семиотика. 2018. №2. С.10-24)

некоторых традиционных особенностей «сентиментального путешествия», «неограниченная композиционная свобода», «влияние традиции романтического «путешествия» и «очерково-документальные принципы изложения»⁴⁶.

Характерно, что противопоставляя Ковалевского «таким мастерам жанра»⁴⁷, как П.В. Анненков, А.И. Герцен, В.П. Боткин, автор отмечает те же особенности - «широкое проникновение иронии и самоиронии в повествование автора-путешественника», «романтическая поэтика контрастов», «синтез объективно-информативного и субъективно-лирического начал»⁴⁸. Учитывая, что произведения Ковалевского появились в печати раньше⁴⁹, чем произведения названных авторов, представляется возможным рассмотреть творчество Ковалевского как одного из первооткрывателей нового жанра.

Появление в печати первых путешествий Е.П. Ковалевского вызвало положительный отклик у критики. Особый интерес вызвала публикация первых трёх частей книги «Странствователь по суше и морям». 1 и 2 книги были опубликованы в 1843 г., 3 книга в 1845. *«Это отрывистые, легкие, оживленные бойким рассказом очерки, вроде путевых впечатлений Александра Дюма»*,⁵⁰ - читаем у Белинского. *«Он не подражает путешественникам, которые заботятся, как бы поболее совместить положительных известий в своём сочинении. Его стихия – случайные события, которые впрочем, действуя на воображение читателя, совершенно переносят его на сцену происшествий и тем знакомят вполне с жизнью обитателей описываемых стран»*⁵¹- П.А. Плетнёв.

Ковалевский называет себя не путешественником, а **странствователем**. В предисловии к изданию 1843 г. читаем: *«Издаю свои путевые записки выпусками для того, чтобы иметь возможность прекратить их во всякое время, и если первая книжка вам не понравится, то вы не увидите второй, хотя она уже в станках типографии. Описываю только то, что видел сам, или слышал от очевидцев. Судьба кидала меня*

⁴⁶ Проценко Е.Г. Литература «путешествий» в России в 1840-1850 годы. Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Ленинград – 1984. С.6-7

⁴⁷ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984. С. 36

⁴⁸ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984. С. 36

⁴⁹ «Письма об Испании» В.П.Боткина опубликованы в 1847 г. в номерах 3, 8 «Современника», 1848, № 11, 1849 №№ 1, 11; «Письма из Италии и Франции» А.И. Герцена писались в канун революции 1848 года на протяжении 7 лет, первые 4 письма были опубликованы в «Современнике» в 1847 г.; «Письма из-за границы» П.А. Анненкова были впервые опубликованы в «Отечественных записках» 1842 г., но по форме они принадлежат к эпистолярному жанру, поэтому, скорее продолжают традицию Карамзина.

⁵⁰ Белинский В.Г. Странствователь по суше и морям//Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С.610

⁵¹ П.А. Плетнёв. Мелкие критические разборы// Сочинения и переписка П.А. Плетнёва. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1885. Т.2, с. 407-408

большей частью в страны малоизвестные и почти недоступные для европейцев; на долю мою всегда доставались труд и лишения; тем не менее, участники в моих странствованиях, в моих тяжких экспедициях, с сердечным трепетом вспомнят былое, читая эти страницы: былое всегда так отрадно в воспоминании!»⁵²

В словаре Даля слово «странствователь» - производное от слова «страна», все значения которого «распадаются на два понятия: о чужбине, о дальнем пути, и о чужом, чудном, необычайном».⁵³

Ключевым в таком выборе названия Ковалевского становится образ чужой страны, незнакомой читателю, да и самому путешественнику зачастую ещё неизвестной. Поэтому так свежи впечатления от азиатских и балканских стран, представленных в первых трёх частях «Странствователя...». Быт, нравы, обычаи народа, рассказанные очевидцем событий или их участником, являются характерной чертой повествования. В первых двух книгах мы погружаемся в «восточный мир», в третьей книге – «в славянский».⁵⁴

Ориентируясь на традиции русской (Н.М.Карамзин, А.С.Пушкин, Бестужев-Марлинский, М.Ю. Лермонтов) и европейской литературы (А.Дюма, Жорж Санд, Шиллер, Томас Мур), находясь в эпицентре ключевых событий эпохи (спор западников-славянофилов, участие в кружке Петрашевцев), «умный и занимательный *«Странствователь»*⁵⁵ предлагает читателю свой вариант травелога, основанный на личных впечатлениях, в которых удачно сочеталось *«научно-познавательное содержание с лёгкостью и художественностью рассказа»*.⁵⁶

Ключ к пониманию философии Ковалевского находим в особенностях переходной эпохи 30-40-х г.г. Россия расставалась с романтизмом как творческим методом, впитывала реализм Пушкина, воспринимала искания «натуральной школы». Ковалевский, будучи ярким представителем своего времени, реалистически изображает описываемые события. при этом романтически воспринимает процесс путешествия, в котором жизнь человеческая сродни вечному странствованию, а судьба его зависит от той цели, которую он перед собой ставит. Счастье – в познании судьбы, постижении случайности или закономерности её существования. Странствователь-повествователь не просто описывает увиденное, он сам активный, страстный участник. Странник, странствование, страсть – в

⁵² Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С. 3

⁵³ Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 4- М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994., С. 566

⁵⁴ Анненков П.В. Егор Петрович Ковалевский// Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова 1849-1868. Санкт-Петербург, 1877 С. 242

⁵⁵ Белинский В.Г. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. Санкт-Петербург. 1843//Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. С.15

⁵⁶ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984. С. 31

контексте этого рассуждения становятся родственными. Страсть к путешествиям, несмотря ни на какие опасности и лишения, уже стала частью жизни Ковалевского. И это отличает Ковалевского, например, от А.Дюма, романтизированные репортажи которого ("Путешествие в Египет", 1839 г.) были написаны на основе записок Адриана Доза. Сам Дюма в Египте не был.

Этические воззрения Ковалевского проявляются в гуманном отношении к разным народностям, населяющим как Среднюю Азию, так и Балканы. Описывая их нравы и обычаи, рассказывая историю одного из представителей того или иного народа, повествователь фактически определяет типические черты всей нации, используя традиции просветителей и романтиков. Как и у Дюма, присутствует контрастная характеристика в изображении европейца и магометанина, подробно описываются географические и исторические реалии, но при этом очевиден гуманизм Ковалевского, сочувствие к угнетённым и порабощённым, возмущение их угнетателями, господами-фанариотами, гордости за их свободолюбие и героизм в борьбе с турецкими захватчиками («Балканы»). Эту особенность Ковалевского отметил П.В. Анненков: *«Он старался иметь дело преимущественно с народными массами — везде, где ни был, и в изучении их свойств и природы почерпнул много важных уроков. Следы такого искреннего, любовного изучения народностей видимы в печатных его отчетах о своих странствованиях»*⁵⁷

*«В Азии две породы людей, совершенно отличных одна от другой в нравственном отношении: это люди оседлые и люди кочевые. Человек оседлый — раб безусловный своего властителя; в нем только и чувства, только и страсти, что стремление к барышу, к наживе. Человек кочевой свободен, как птица поднебесная: удальство, баранта, вот сфера, в которой он обращается; отсюда вечная борьба этих двух народов между собой. Окружите их природой, находящейся также во вражде с людьми; сосредоточьте страсти людей в одну, которая, вследствие того, превращается в исступление; накиньте на все это мрачный покров фатализма, — и вот вам нравственный мир среднеазиатской пустыни, на горизонте, которого, яркой звездочкой блещет любовь женщины, та дикая, заменяющая все чувства, все страсти, всесокрушающая, всеоживляющая любовь, о которой мы не имеем понятия»,*⁵⁸ - читаем в первой главе 1 книги «Странствования по суше и морям». Очевидно, что наблюдения Ковалевского об азиатском мире основаны не на сиюминутном впечатлении. Ему удалось выразить самую

⁵⁷ Анненков П.В. Егор Петрович Ковалевский//Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова. 1849-1868 гг.: С.-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1877-1881. С. 242

⁵⁸ Ковалевский Е.П. Странствования по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С. 11-12

суть, по справедливому замечанию Белинского, «*двумя, тремя резкими чертами*»⁵⁹, основываясь на длительном пребывании в Средней Азии. Вступление лаконично, и в то же время очень динамично предвосхищает развитие событий не только в первой главе «Зюльма, или женщина на востоке» (Ташкент), интригуя читателя историей любви азиатской женщины, но и намечает линию повествования, в котором обязательно должны будут появиться как кочевники, так и оседлые люди. Упоминание природы, всегда враждебной по отношению, прежде всего, к кочевнику, делает её неотъемлемой частью повествования, одним из действующих лиц, в чём мы убедимся, читая книгу далее. Страсть, фатализм – не исключает философское осмысление описываемых событий. Но наиболее интересен стиль Ковалевского. Основанный на поэтике контраста, он использует как образные сравнения (*как птица поднебесная*), так и градацию эпитетов (*та дикая, заменяющая все чувства, все страсти, всеожиивляющая, всеожиивляющая*). Постоянное использование инверсии делает повествование поэтическим. Ритм его, меняющийся во второй части – перечисление особенностей азиатского человека конкретно и лаконично, отсюда двоеточие и тире как вывод и следствие в первой части, и одно большое сложное предложение, построенное на параллелизме простых предложений, во второй части (*Окружите их природой,...; сосредоточьте страсти людей в одну...; накиньте на все это мрачный покров фатализма...*), тоже подчёркивает некий контраст в описании реалистического – особенностей жизни азиатов, и романтического – истории любви азиатских женщин.

Все перечисленные особенности, отмеченные в приведённом тексте, позволяют говорить о предмете данного исследования: индивидуальность Ковалевского как создателя новой разновидности жанра путешествия проявляется в его **этике** – восприятии народов разных стран, **натурфилософии** – особом отношении к природе, и **поэтике** – узнаваемом стиле, который превращает чтение в увлекательный процесс, что отмечали как современники Ковалевского, так и последующие исследователи его творчества.

1.1. Изображение народов. Средняя Азия

Восприятие и интерпретация образов «другого» и «чужого» - основные в имагологии, современной науке, которая является одним из направлений компаративистики. Эти термины не были известны Ковалевскому, но, по сути, вся литература путешествий подчиняется именно этому постулату. В 40-е годы 19 века

⁵⁹ Белинский В.Г. Странствователь по суше и морям//Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С.610

русский читатель был, в-основном, знаком с путешествиями по Европе, Средняя Азия представлялась страной экзотической и мало известной⁶⁰.

Разные азиатские народы предстают перед читателями - Туркмены, Узбеки, Киргизы, Афганцы, Евреи, Арабы, Бухарцы, Персияне, Коканцы, Хивинцы. Такое разграничение связано не только с национальными особенностями, но и с разделением на Среднеазиатские Ханства, принадлежность к которым определяла и название народов. В каждой народности Ковалевский отмечает как отличительные черты, так и нечто общее для всех азиатов.

*«Бухарцы отзываются о Хивинцах как о варварах. Правда, Хивинцы мало чему учатся; не слишком строго соблюдают религиозные обряды, грубы в обращении; зато характер их открытый, **хитрость** и обман недоведены до той утонченности, как в Бухаре; более склонны к общественной жизни и гостеприимны, а потому с ними легче ужиться, чем с другими Средне-азиатскими народами»⁶¹.*

⁶⁰Фарафонова О.А.(Фарафонова О.А. «Странствователь по суше и морям» Е.П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога //Критика и семиотика. 2018. №2. С.10-24), анализируя путешествия Ковалевского в среднюю Азию, приводит ряд произведений, знакомых Ковалевскому и опубликованных в России и Европе в 20-30 годы. «...готовясь к поездке в «Бухарию», которая состоялась в 1839 г., Ковалевский много читает, всерьез занимаясь изучением ее истории, географии, этнографической и политической специфики. Собственный читательский опыт он систематизирует в опубликованном в 1834 г. в «Библиотеке для чтения» очерке «Средняя Азия. Путешествие Муравьева, Мейндорфа, Конолли и Борнса» [Ковалевский, 1834]. Здесь Ковалевский обобщает, как бы реферирует несколько текстов, написанных непосредственными участниками разного рода экспедиций в Хиву и Бухару 1820–1830-х гг. Обращает на себя внимание список имен путешественников, о которых рассказывает Ковалевский в этом очерке. Первый – Николай Николаевич Муравьев (Карский) – совершил экспедицию в Хиву в 1819–1820 гг. [Муравьев-Карский, 1822] и описал свое путешествие в двухтомном сочинении. Второй – Егор Казимирович Мейндорф, посланный с дипломатической миссией в Бухару в 1820 г. Сначала в «Северном архиве» было опубликовано его «Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухарию в 1820 году» [Мейндорф,1822], а потом – в 1826 г. – в Париже выходит объемное сочинение Мейндорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухарию в 1820 году, через степи, простирающиеся на восток от моря Аральского и древнего Яксарта», отрывки из которого на русском языке публикует все тот же «Северный архив» [Мейндорф, 1824]. Что касается еще двух авторов, сочинения которых о Средней Азии привлекли внимание Ковалевского, то это английские подданные Артур Конолли и Александр Бернс, побывавшие в Азии в 1829–1830 гг. Ковалевский переводит с английского и цитирует их путевые журналы, изданные в Лондоне в 1834 г.: «Путешествие в Северную Индию сухопутным путем из Британии через Россию, Персию и Афганистан» Конолли [Conolly, 1834] и «Путешествие в Бухару» Бернса [Burnes,1834]. Кроме отмеченных в этом обзоре, в круг источников предварительных знаний Ковалевского о Средней Азии следует отнести и «Описание киргиз-казачьих орд и степей» А. И. Левшина, изданное в Петербурге в 1832 г., более ранний текст Филиппа Ефремова «Десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии» (издано в 1811 г.), а также отчеты о поездках в «Бухарское ханство» П. И. Демезона и И. В. Виткевича (1832 г.). Б. А. Вальская указывает на то, что «до отъезда в Бухару Ковалевский познакомился с материалами русских путешественников в Бухару – Демезона и Виткевича – и лично встретился с посланником Бухары в России Балтакули Чиготай Бек Рахимбековым» [Вальская, 1956, с. 47]. В. Л. Виленкин в качестве возможных источников называет еще работы Э. А. Эверсмана и Х. И. Пандера, побывавших в Центральной и Средней Азии в 1820-х гг. [Виленкин, 1969, с. 21].

Письма В.И. Даля к друзьям из похода в Хиву будут опубликованы в «Русском архиве» в 1867. Кн. I.

⁶¹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С. 203-204

Называя киргиза «хитрым»,⁶² Ковалевский в то же время отдаёт должное его выносливости: *«Какая бесконечная пустыня! Горе страннику без путеводителя: ни холма, по которому бы он заметил направление пути, ни ручья, где бы утолить жажду, ни приюта от бури, ни защиты от зверя. Один Киргиз усвоил себе это безбрежное пространство степи, здесь он дома, <...> всё служит ему указателем пути: звезда, направление ветра, наклонение травы<...>. Пищей для него служат в случае нужды коренья, кусок кожи, лоскут его сальной одежды; воду Киргиз находит в известных ему местах, углубившись не более как на пол-аршина от поверхности, а нет, он обойдётся и без нея; ни одно животное не в состоянии перенести того, что может перенести Киргиз».*⁶³ При этом воспринимая всех азиатов как чуждых нам (*«я слишком привык видеть обман и корысть во всех поступках и словах Азиатцев»*),⁶⁴ он в то же время объясняет их характер объективными причинами: *«...от этой – то непрерывной борьбы с внешним миром происходит та скрытность и подозрительность, из которых исключительно составлен характер Киргиза».*⁶⁵

Рассказывая историю одного из представителей того или иного народа, Ковалевский фактически определяет типические черты всей нации. Так, история Туркменца Рахмана – Аяза, для которого *«Свобода и степь, степь и свобода»*, были *«его роскошью, его счастьем»*,⁶⁶ вызывает восхищение повествователя не только красотой его тела, но и силой духа, верностью любимой и целеустремлённостью, с которой он пытается добыть нужное количество денег для выкупа своей возлюбленной. В устах Рахман-Аяза слова *«...я честный Туркменец, а не таджик какой-нибудь»*⁶⁷ звучит как гордость за свою нацию. И в подтверждение этого утверждения – история таджика Рахим Бая, отца возлюбленной Рахмана-Аяза. *«Рахим-бай был по преимуществу караван-баши, по преимуществу таджик* (В сноске Ковалевский даёт пояснение: *Таджики коренные обитатели Бухарского ханства; они занимаются почти исключительно торговлею; скупы, лживы, трусливы в высочайшей степени. Как бы для противоположности, маленькая и чёрствая душонка их находится в прекрасном теле. Таджики высоки, стройны, с прекрасными, полными выражения чёрными глазами, римским носом и правильными чертами лица*) человек, у которого вместо души были счёты, и он при всяком случае поверял на них свои барыши и убытки, или безмен, на котором он

⁶² Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. с. 82

⁶³ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. с. 120-121

⁶⁴ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С. 83

⁶⁵ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.103

⁶⁶ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. Вторая книжка. С. 73

⁶⁷ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. Вторая книжка. С. 83

взвешивал отношения свои к людям». ⁶⁸ Иронична оценка Ковалевским жажды наживы таджика, яркое образное сравнение души со счётами или с безменом – показатель отношения к подобного рода людям. Он не только лишает свою дочь счастья быть с любимым человеком, но и обрекает её на мученическую смерть (месть за казнённого возлюбленного обрекла её на растерзание в буквальном смысле слова родственниками убитого ей мужа, палача). Являясь свидетелем этой сцены, с которой начинается глава «Туркменец. Рахман – Аяз», повествователь в очередной раз противопоставляет позицию европейца и азиата – «...явления подобного рода не редки на востоке» ⁶⁹.

Неоднозначное отношение Ковалевского к евреям. С одной стороны, сочувствие к тем, кого можно узнать в Бухаре уже по внешнему виду: *«в засалённом алачёвом халате, подпоясанном верёвкой, вместо пояса, ... в чёрной суконной шапочке, опушённой мерлушкой, вместо чалмы, всегда пешего, хоть грязь по колено, ... робко прокрадывающегося по улице с опущенной головой, с редкою чёрной бородой, с блестящими глазами, человека, которого толкает кто хочет, в которого мальчишки, забавы ради, кидают камнями и грязью, - этот человек верно жид»*. ⁷⁰ С другой стороны, в бухарских евреях, отмечает повествователь, лишь одна отличительная черта характера, «оставшаяся от всего хорошего родового в народе»: *«Евреи, рассеянные по всей земле, более или менее гонимые всюду, тем теснее жмутся друг к другу, если сойдётся их несколько на чужбине, - а для них всюду чужбина, - тем крепче связаны духом единства, духом братства»*. ⁷¹ Размышления о еврейской нации проникнуты гуманизмом и сочувствием: «Грустное зрелище представляет человек, повсюду преследуемый людьми, без родины, без веры, без защиты от правительства. Надобно сознаться, что христианские правительства, в средние века, преследовали Иудейское племя ещё с большим ожесточением: известен Толедский эдит в Испании, которым Евреи подвергались совершенному рабству, лишению всех прав гражданства, и дети их, старше семи лет, исторгались из семей своих. <...> Ещё в наше время один из представителей конституционного правительства сказал во всеуслышание. «Я ненавижу угнетение, под каким бы видом оно не проявлялось; я друг человечества (выделено Ковалевским); но первый скажу, жгите жида, где встретите в государстве; жгите его живого!» Это очень по-человечески и по-дружески!» ⁷² Отсутствие симпатии к этому народу не означает, что он заслуживает такого отношения. Любопытно, что все перечисленные ранее народности

⁶⁸ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. Вторая книжка. С.75

⁶⁹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. Вторая книжка. С. 72

⁷⁰ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. Вторая книжка. С. 78

⁷¹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. Вторая книжка. С. 79-80

⁷² Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. Вторая книжка. С. 81-82

пишутся Ковалевским с заглавной буквы, и лишь евреи (жиды) – с маленькой. Это неуважение не к народу – а к поступкам того, кто ради денег и наживы продаёт тех, кому помог ранее. Описывая Сауль-Качкадана, повествователь обращает внимание на выразительную деталь: «Глаза жиды засверкали, как у кошки, почуявшей близость добычи, улыбка показалась на бледных и иссохших устах, а эта улыбка являлась только при виде светлых очей визиря, и то по заказу»⁷³.

Кого бы не описывал Ковалевский – простого Сипая (Рассказ Сипая. Афганистан) или пленного Персиянина (Пленный персиянин (Хива), Яксарт-Хана и его возлюбленную Фатьму (Землетрясение в Кашемире (1828 года) - *«...каждая страница его занимательной книжки обнаруживает в нем сметливую наблюдательность, умение обрисовать... быт и характер народа, среди которого он жил, или замечательного лица, с которым он встречался»*.⁷⁴ Но занимательность повествования не становится определяющей в книгах Ковалевского. Следуя традициям А.С. Пушкина, в произведении которого «Путешествие в Арзрум» «сквозной» ...становится тема народной нищеты»,⁷⁵ «Странствователь...» описывает, например, жилище простого киргиза. *«На этой-то пустынной равнине встретили мы признаки человеческой жизни: две три кибитки, низкие, закоптелые, ветхие, стлались в уровень с землёй, под защитой тощих кустарников»*; *«В ней было пусто и холодно. Единственный жилец её, старик, лежавший на невыделанных шкурах и ими же закутанный, приподнял голову и обнажил часть своего тела, покрытого струпом и язвами: увидев нас, он опять закутался и уснул. Совершенная апатия в его взорах и поступках показывали ясно, что для него жизнь и смерть – слова ничего не выражающие, ничего не обещающие, и что в нынешнем своём положении он столько же принадлежал первой, как и последней. Грустное, стесняющее сердце зрелище: я поспешил его оставить»*.⁷⁶ Описание в традициях натуральной школы и в главе «Нессер-улла. Хан и куч-беги. Бухара» замерзающего киргиза, оставленного из «мнимо-человеколюбия» замерзать в степи. *«Сколько раз встречали мы полунагих, отощавших, избитых и изнурённых Киргизов, скрывавшихся от холода в сугробах снега, от неприятеля в камышах, и питавшихся лоскутом найденной им шкуры или с трудом добываемыми кореньями»*.⁷⁷ Картины бедственного положения народа даны сквозь призму философского восприятия своей судьбы. Покорность судьбе, *«составляющей для магометанина и тяжёлый камень, навалившийся на его волю и утешение в несчастье,*

⁷³ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. Вторая книжка. С. 89

⁷⁴ Белинский В.Г. Странствователь по суше и морям//Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С.610

⁷⁵ Михельсон В.А. «Путешествие в русской литературе». Издательство Ростовского университета. 1974. С. 25

⁷⁶ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.116-117

⁷⁷ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.100

которое для него предопределено свыше и следственно неотвратимо»⁷⁸ - отличительная особенность азиатов. И в первой, и во второй книжке эта тема проходит через всё повествование. «Ага уныло покачал головой, ... и сел у порога своего дома, ожидая, что случится, с равнодушием и презрением к жизни истинного мусульманина. – Судьба не обойдёт меня, ни я её, сказал он, и закурил кальян!»⁷⁹

Михельсон отмечает и ещё одну особенность творчества пушкинского путешествия, которую можно увидеть и в очерках Ковалевского: «Мотивы свободы и красоты, вначале романтические, в сочетании с мотивами бедности, портретами нищей красоты приобретают реалистический характер»⁸⁰. Восхищаясь Кашмирской долиной, «странствователь» отмечает страдания народа. *«Здесь всё не так как у нас: вечер не следует за днём, мрак ночи ниспадает непосредственно, как бы силою волшебства, и новый мир очарований настаёт. Увы! теперь не услышите более голосов кашмирских красавиц, воспевающих любовь Андама и Дурчины. Нет! человек здесь угнетён и уныл»⁸¹. «Кашмирская долина, скрывавшаяся от завоеваний древних победителей своей недоступностью, привлекала постоянно алчность новых соседей <...>. Можно только одно сказать положительно. Что уже нельзя довести её до состояния более жалкого, как то, в котором она находится»⁸².*

Любовь и ненависть народа к своим правителям – ещё одна особенность азиатского мира. Дост-Мухамет, «изгнанный из своего отечества, где властвовал так долго, где был любим народом, которого спокойствие и мир упрочил правдивым судом и оружием»⁸³, казнённый Фет-Хан, смерть которого вызвала месть и народную войну, Яксарт-Хан – лишь некоторые из справедливых правителей, описанных Ковалевским. Междоусобицы, борьба за власть приводят к распаду Афганистана на части и как следствие – «Явилось индийско-британское войско».⁸⁴ Прямых оценок присутствию англичан в Афганистане повествователь не даёт, но по его ироничным репликам политическую позицию понять можно: «...Нам собственно до Англичан дела нет, и мы бы не упомянули о них, если бы то мог допустить наш рассказ. Не хотим знать, зачем пришли они в Афганистан! Пусть их пришли затем, чтобы восстановить законную династию на троне (здесь и далее выделено

⁷⁸ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.77

⁷⁹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.30-31

⁸⁰ Михельсон В.А. «Путешествие в русской литературе». Издательство Ростовского университета. 1974. С.25

⁸¹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С. 47

⁸² Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.53

⁸³ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.77

⁸⁴ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С. 14

К.), или чтобы обеспечить предполагаемое плавание по Инду или наконец за тем, чтобы восстановить порядок в стране, - пожалуй, я и этому верю.»⁸⁵

«В таком раздробленном виде застали Англичане Афганистан...и, изгнав местные власти, засели в крепостях, в городах посадили своих людей, а в Кабуле, главою всего Афганистана, шаха Шуджу – и образовалось три разнородные власти: английская, народная и шаха Шуджи, из которых одна не признавала другой и не имела сознания в собственном своём влиянии; всякая действовала отдельно, сама по себе»⁸⁶. И хотя среди части населения были верные англичанам (Рассказ Сипая), большинство испытывало ненависть к «кяфирам, белоглазым Инглезам».⁸⁷ Расправа над англичанами – одна из самых жестоких сцен в «Путешествии». «Везде картина народного восстания ужасна; но в Азии, где фанатизм не знает границ, но в Кабуле, где ненависть к Англичанам, долгое время сжималась, притаившись под личиной покорности, и наконец разорвала преграды, и яростная, кипя и бушующая, изринулась на свет, - о, тут эта картина была невыразимо ужасна! Не было пощады никому. Младенцев, для потехи, кидали вверх и потом подхватывали остриём пики; женщины спасались от позора только тем, что ярость Авганов трепетала за каждое мгновение их жизни...».⁸⁸ Эмоциональность восклицания усиливается экспрессивными повторами (ужасна, невыразимо ужасна), инверсией, параллелизмом предложений.

Противопоставление европеец – магометанин «является одним из ключевых в нарративной структуре «Странствователя»,⁸⁹ - пишет О.А.Фарафонова. Позиция Ковалевского высказана прямо: «Да, жизнь европейца-немагометанина не завидна в Средней Азии. Редкий из тех немногих, которые вернулись оттуда, может похвалиться, что он не отведал яда, не испытал побоев, или по крайней мере не посидел в яме, что заменяет там наше тюремное заключение»⁹⁰. «Замечательно, что Шакспир, отправляясь в путь из Герата, рассчитывал, кажется, на гостеприимство Туркменов, и удивляется, что не нашёл его; это гостеприимство кочевых народов существует только в воображении поэтов; ещё оно соблюдается в отношении к магометанам единоверцам; но посещение чужезерца уже считается осквернением веры, и должно быть окуплено или дорогою платою или нередко пленом непрошенного гостя»⁹¹.

⁸⁵ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.14-15

⁸⁶ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.20

⁸⁷ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.79

⁸⁸ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.22-23

⁸⁹ Фарафонова О.А. «Странствователь по суше и морям» Е. П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога// Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 10–24.

⁹⁰ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.17

⁹¹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.169

Поступки европейца никогда не будут понятны магометанину. Отказ помогать жене Хана Зюльме в устранении соперницы не может восприниматься никак иначе - «что может быть презреннее трусости в глазах женщины и особенно азиатки, незнакомой с высокими добродетелями Европы, где поступок мой назвали бы великим *гражданским героизмом*».⁹² Отказ принять магометанскую веру или защищаться от традиционного «приёма гостеприимства» с оружием в руках одному против всех – величайшая пошлость. *«А кто узнает о твоём поведении, которое будет стоить тебе жизни, кто одобрит его?» Моё собственное, внутреннее убеждение! – Хан долго смеялся над этим ответом и несколько раз повторял его своим приближённым, как отличную пошлость, сказанную Европейцем»*⁹³.

Истина, от которой не отступает Ковалевский в своём повествовании, заключается в непонятной европейцу жестокости - изощрённые пытки, мученическая смерть, казни; контраст, который возникает с первых же страниц повествования между красотой Востока и его реальностью. *«Ташкент спал под сенью Каратау, который, как верный пестун, берёг его от песчаных ураганов степи. Сады, обнимающие отовсюду город, навевали прохладу и благоухание. На душе было легко и весело; но это отрадное чувство беспрестанно возмущается в городах Востока; мы коснулись главной площади, на которой возвышались пирамиды из голов человеческих, недавний трофей, приобретённый в победе над коканцами; таких пирамид несколько за городом; они составлены из голов киргизских, которым нет того почёта, как коканским; далее, мы едва не задели за ноги ташкентца, торчащего на колу: выкатившиеся глаза его сверкали страшно и искажённое судорогами лицо навевало бы ужас на непривыкшего к подобного рода зрелищам»*⁹⁴. Контраст в описании благоухающих садов, лёгкого и весёлого чувства и натуралистических подробностей передаёт реальную картину Азии.

*«Вы видите, я поведу вас опять путём мрачным. Заваленным трупами людей и верблюдов: картина уже вам знакомая; что делать! такова эта картина, и я не отступлю от истины. На востоке только и светлого, что небо»*⁹⁵, - тональность второй книжки не меняется. Испытав на собственном опыте, что значит азиатские степи и азиатские города, «тут он окончательно сознаёт в себе странствующего».⁹⁶

*«...кто такой же **странник** среди бесприютных степей, кто испытал и кому суждено часто испытывать зной и стужу, голод и жажду, буран песчаный и снежный*

⁹² Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.27-28

⁹³ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.150

⁹⁴ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.20-21

⁹⁵ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С. 8

⁹⁶ П.М. Ковалевский. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 306

и всё терпеть и всё **страдать**... Но для меня было ещё больнее, ещё грустнее после того состояния одиночества, с которым совершенно свыкаешься во время долгого **странствования** в степи, вдруг перенестись в азиатский город, шумный и грязный; возвратиться к жизни, исполненной тревог и **страстей**; вступить в борьбу с людьми... льстить визирю и окружающим его... и быть вечно настороже, на каждом шагу остерегаться удара ножом из-за угла или доброго приёма яда в присланном в подарок плове...». ⁹⁷ Страсть к путешествиям, несмотря ни на какие опасности и лишения, уже стала частью жизни Ковалевского, и нашла отражение в следующей части – «Балканы»

1.2. Изображение народа. Славянский мир

«Интерес к образу жизни, социально-историческому устройству «братьев – Славян» отразился в книгах Ковалевского «Четыре месяца в Черногории» и «Странствователь по суше и морям» (3-4 ч.). ⁹⁸ Отличие 3 книги «Странствования...» от двух первых проявляется «в очерково-документальном, детализированном описании карпатских городов, образа жизни местного населения», ⁹⁹ что проявляется уже на уровне композиции – отсутствие названия глав, соответствие повествования маршруту путешествия. Главное внимание повествователя сосредоточено именно на описании своих впечатлений о стране, народе, природе этого края. И в них Ковалевский, как всегда, точен, его наблюдения ярки и образны. Перед нами предстают жители разных мест, мы слышим их истории, мы видим их образ жизни и быт.

В описании быта путешественник точен, замечает детали жилья, одежды, некоторые его наблюдения объективны и беспристрастны, например, деревни Кумарник (1 глава). *«Сотни три чистеньких, беленьких домиков, с деревянными кровлями, рассеяны на большом пространстве в горах; почти каждый домик стоит особняком, каждый обнесён садиком, состоящим преимущественно из деревьев сливных и волошских орехов, немного груш и яблонь, с грядами кукурузы, иногда и ячменя; в домике чистота и довольство».* ¹⁰⁰

«Мужчины в белых свитках; только лапти, вместо сапогов, да подбритые спереди волосы, как у Сербов и Черногорцев, отличают их от Малороссиян. Грудь их, мощная,

⁹⁷ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Санкт-Петербург, 1843. С.201-202

⁹⁸ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984. С.8

⁹⁹ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984. С. 110

¹⁰⁰ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 245

обросшая волосами, всегда обнажена в стужу и жару: ей так легко дышать горным воздухом!»¹⁰¹

По некоторым описаниям этнограф может составить представление и о занятиях жителей Балкан, их промысле, образе их жизни. Подробно описал Ковалевский интерьер одного домика. (2 глава).

«Мы остановились у постельника. Постельник – род наших однодворцев; но хозяин наш был постельник и макан, то есть, обладатель стада, и стада довольно больших. Домик его состоял из трёх комнат. ... В комнате, все стены были покрыты тонкими шерстяными ковриками, большую часть ярких цветов; ...у карниза ...висели фестонами пёстрые и шитые полотенцы, вроде наших ручников, и шёлковые платки; ...кругом - лавки; на лавках «петуры» и «сарики», одеяла и бурки из мягко выделанных овечьих шкур с длиною, волнистою шерстью; сарики, то есть бурки, здесь носят все: мужчины и женщины, богатые и бедные ; только качество сарика определяет различие пола и достояния; бурки эти ценою от 7 до 50 рублей»¹⁰².

Вместе с тем Ковалевского по-прежнему интересуют народности Балкан, среди которых Славяне – болгары, Сербы, Черногорцы, Греки – Фанариоты, Валахи (молдоване, румыны), Турки. При этом особое отношение у повествователя к цыганам. Этот интерес проявится во многих произведениях – «Фанариот», «Люди странствующие, люди страждущие». Традиция восприятия цыган, связанная с «живописностью образов, которые появились в литературе как составная часть романтического стиля», «берёт своё начало от Пушкина».¹⁰³ Но уже у Пушкина «цыгане становятся не этнографической экзотикой, а наиболее полным выражением самой сущности народа. Не случайно народность воспринимается Пушкиным в эти годы, в частности, как страстность, способность к полноте сердечной жизни».¹⁰⁴ Эта идея трансформируется у Ковалевского в синтез романтического и реалистического, который проявляется в описании цыган. История любви Радавана к цыганке – типично романтическая история: *«А, теперь ты говоришь, что я цыганка; а что говорил когда я жила в Бухаресте? И ясной лебедицей, и горлицей, и ненаглядной своей и неразлучницей величал меня, теперь я тебе собака, хуже, - постылая Цыганка; а что говорил, когда над тобой, больным, просиживала я бессонные ночи.... И*

¹⁰¹ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.246

¹⁰² Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 278-279

¹⁰³ Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – С.- Петербург: Искусство – СПб», 1996. С. 600

¹⁰⁴ Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – С.- Петербург: Искусство – СПб», 1996. С. 608

*скулистое, смуглое лицо её выражало то отчаяние, то мольбу, то надежду».*¹⁰⁵ Интрига заявлена с момента первого знакомства с Радаваном – случайная встреча, о которой путешественник заявляет следующее: *«Странным случаем достался мне этот Радован и много горя перенесли мы из-за него».*¹⁰⁶ Таинственный крик женщины, диалог двух арнаутов – только позже станет понятен его смысл. И первая встреча с цыганкой описана Ковалевским в лучших романтических традициях:

*«Таинственное существо, стоявшее на вершине утёса, спустилось с него с лёгкостью лани и через пашины и кустарник и по глубокому снегу неслось прямо на встречу нам. Полунагая, дикая, гибкая, быстрая, вся огонь, вся отчаяние, с глазами искромётными, с распущенными волосами, истерзанная. Окровавленная, предстала перед нами женщина и припала к руке Радована».*¹⁰⁷

Градация эпитетов, подчёркивающая всю степень её страданий, парцелляция, усиливающая восприятие читателя, вызывающая сочувствие к бедной цыганке (в отличие от отношения к цыганам арнаутов, которые не считали их за людей: *«Надобно знать всё омерзение здешних людей к цыганам»*¹⁰⁸), не оставляет сомнения в позиции автора. А воспоминание о женщине светской, *«небрежно раскинувшаяся в своём кабинете, окружённая зеленью среди зимы, роскошью, в благоухающей атмосфере, сияющая при обманчивом свете большого китайского фонаря, вздетого на жале змеи или на клыкe носорога, пластической, холодной, полуискусственной красотой, женщина, высказывающая избраннику своего сердца, - положим хоть и не мужу, тайну своей любви, так осторожно, так прилично, что не знаешь чему больше удивляться, её уму или скромности...»*¹⁰⁹, - иронично, естественность чувств и страданий простой цыганки контрастно «полуискусственности» светской дамы. *«Цыганка своей дикою любовью напомнила мне эту женщину; значит, самые крайние противоположности имеют в себе точки сближения: так два минуса дают плюс»*¹¹⁰.

И в то же время присутствует описание быта цыган в традициях натуральной школы: *«...три, четыре цыганские землянки, как заброшенные могилы, и было душно и*

¹⁰⁵ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 260

¹⁰⁶ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 254

¹⁰⁷ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 258-259

¹⁰⁸ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 260

¹⁰⁹ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 260

¹¹⁰ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 260

темно в них, как в могилах: там обитала нагая нищета, а тупая, бессмысленная покорность нищете ужаснее самой отчаянной борьбы с нею»¹¹¹.

А последняя история смерти старого цыгана и его дочери, вынужденной обречь себя на жизнь с безобразным цыганом, «старым мучителем» только потому, что не в силах вырыть могилу и похоронить отца – очень реалистична, лишена сентиментально-романтических комментариев. Лишь фразы, произнесённые сторонним наблюдателем, выражают отношение повествователя:

- Есть люди несчастнее нас, сказал кто-то сзади меня.

- Ты думаешь! Отвечал другой, к которому относились эти слова.¹¹²

Гуманизм Ковалевского проявляется в сочувственном описании бедствий народа, возмущении их угнетателями, господами-фанариотами, гордости за их свободолюбие и героизм в борьбе с турецкими захватчиками.

«Валахия представляла самое жалкое зрелище. Везде слышен был звук оружия и вопль отчаяния; сегодня грабили именем этерии, завтра именем защитников прав; не было никому покоя, ни селянину, ни горожанину; негде было затаиться, ни в городе, ни в долинах. В таком жалком положении нагрянули Турки, **для восстановления порядка** (выделено К.), и меч опустошения прошёл по Валахии...»¹¹³

Обладая хорошим чувством юмора, путешественник словно помогает читателю пережить драматические страницы, напоминающие об истории народа, долгое время находившегося под турецким игом. Ставучанское сражение, предание об отступлении отряда Фролова, подвиг взорвавшего себя вместе с турками Иордаки, история макана Михалицы, оставшегося верным своим хозяевам даже в плену. Ковалевский постоянно подчёркивает патриотизм жителей Балкан, презрение к угнетателям, фанариотам. В его размышлениях звучит гордость за Россию, он часто сравнивает реалии Карпат с петербургскими и малороссийскими.

«...как высоко ценит здешний житель эту волю, как благословляет Русских, своею кровью искупивших ему свободу, как благоволяет перед именем Русского Царя, освободившего его от чужеземного ига и даровавшего ему «Органический регламент», на котором опираются все права края»¹¹⁴.

¹¹¹ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 261

¹¹² Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 370

¹¹³ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.270

¹¹⁴ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 246

Отношение к туркам-мусульманам отлично от отношения к магометанам Средней Азии. Воспринимая чуждый менталитет, Ковалевский понимает, что это он находится на чужой территории, он сочувствует угнетённым, но не вправе вмешиваться в установленный веками порядок. В Карпатах он на территории, долгое время находившейся под турецким игом. И здесь его отношение высказывается прямо (сравните с отношением к англичанам во 2 части).

Восхищение поступком Иордаки, его последними словами: *«Коли кто останется в живых, пусть отпишет к сестре моей, передаст ей моё благословение и скажет, что я умер за веру и отечество»*,¹¹⁵ история монастырей, их бедственное состояние и верность христианству,¹¹⁶ воспоминание о сражении с турками очевидца события в стенах монастыря, даже невольное богохульство, - всё объясняется ненавистью к захватчикам. *«Турки как муравьи облепили монастырские стены; сначала нам то было и по руке; били их да били, не стало свинцу, - заряжали серебром, а у кого было золото, тот и золота не жалел, только, чтобы в Турка вlepить; на том свете десятирицей отдастся»*¹¹⁷.

Анализ «Странствователя...» интересен и с точки зрения насущных споров времени между западниками и славянофилами. И хотя Ковалевский, по воспоминаниям Анненкова, «лично не принимал участия в знаменитом споре; нет ни одной печатной строчки, которая показала бы его отношения к обоим враждебным лагерям, делившим на два стана всю тогдашнюю публику; тем не менее, он переживал весь вопрос, как и многие другие общественные вопросы, всей своей мыслью и сознанием, о чём мы можем судить по образу его поведения, когда дело представилось ему в очень реальной форме борьбы славян с равнодушием и презрением Европы»¹¹⁸.

Во всех очерках Ковалевского проявляется личностная позиция автора. Это тот стержень, на котором держится всё повествование. Натурфилософское осмысление жизни проявляется в неразрывной связи народа с природным существованием. *«Но чем далее от Плозшти в горы, тем народ крепче, ловче; довольство, как мы заметили, развивается по мере повышения горной полосы»*¹¹⁹. Улучшение благосостояния объясняется Ковалевским не только постижением *«инстинктом всего величия окружающей их природы»*, но и

¹¹⁵ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 187. 1С. 271

¹¹⁶ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.265

¹¹⁷ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.270

¹¹⁸ Анненков П.В. Егор Петрович Ковалевский// Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова 1849-1868. Санкт-Петербург, 1877 С. 244

¹¹⁹ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 244

*«благославляющими её за то, что она оградаила их от влияния валахских земских властей».*¹²⁰

Характеризуя массы, сочувствуя им, Ковалевский точен в исторических деталях, но, передавая истории, показывает, прежде всего, историю души, борьбу страстей, чувств, романтический конфликт. В этом особенность этики «странствователя».

1.3. Натурфилософия. Изображение природы.

Анализируя 1 часть «Странствователя...», Белинский в качестве достоинств Ковалевского называл умение автора обрисовать быт и характеры народа. Рецензия на 3 часть уже была не столь восторженной. «Третья книжка «Странствователя» далеко уступает в достоинстве двум первым. Это произошло сколько оттого, что здесь описывается страна, интересная больше **со стороны природы**, нежели со стороны людей, столько и оттого, что автор, как видно, не совсем забыл слог Марлинского. Вследствие этого книжка усеяна рассуждениями о том, о сём, а больше ни о чём, и фразами, вроде следующей: «Его леса темны, как ночь, и девственны, как новорождённая луна».¹²¹ Белинский точно подметил пристальное внимание Ковалевского к восприятию природы. Это связано с проблемой личности самого повествователя – геолога, географа, натуралиста и романтика.

В произведениях Ковалевского можно отметить синтез романтического и реалистического в описании природы. Есть страницы, написанные просто и лаконично. Например, описание ноябрьской ночи и её сравнение с петербургской июльской (*«А на дворе стояла ночь ноябрьская, которая здесь не многим уступает петербургской июльской ночи; мелкий, но спорый дождик дребезжал в окна и плескался в лужах, которые уже стояли на улицах и наводили особенное уныние; сырой ветер проникал до костей, грязь приставала комьями к ногам, уже истомлённым долгим шествием»*).¹²² В традициях натуральной школы даже описание серных источников. *«На пути деревня Калиманешти; тут серные и железистые ключи; при них нет почти никакого устройства; люди, ищущие исцеления, помещаются в крестьянских избах и некоем здании, которому нет имени, хотя назначение его, именно, служить помещением для посетителей источников; в нём находятся и сами ванны, - грязные ямы, очень похожие на помойные ямы, или тесные ванны, в которые едва может поместиться ребёнок.*

¹²⁰Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 244

¹²¹ Белинский В.Г. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. Санкт-Петербург. 1843//Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. С. 642

¹²² Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 254

Нужно много решимости и много уверенности в исцелении, чтобы подвергать себя тем лишениям, которые здесь неизбежны; и точно, источники, говорят, целебны»¹²³.

Романические пейзажи в духе Марлинского, с яркими эпитетами и необычными сравнениями: *«высилась грозным великаном покрытая снегом, как гробовым саваном, конусообразная гора Плешува и шумела и качалась покрытая инеем дубовая трещина, сверкая кристаллами снега и переливаясь лучами месяца»¹²⁴; «Там ущелье чёрной змеей лежало на белой равнине. Тут обнажённая от своей зелени дубрава казалась синим озером; туманы плавали то в разрезе горы, венчаясь её лучезарной главой, то поверх её, свиваясь и развиваясь по воле ветров. «..небо мигало спросонка. Полуобнажённые зноем и долго продолжавшиеся засухой, деревья стучали своими прутьями, словно скелеты костями»¹²⁵. «...в вершинах гор, которые пестрели от них, словно разостланный ситец русских фабрик»¹²⁶. Одухотворённая природа (величественный говор, мигало спросонка), сравнения с людьми и животными (высилась грозным великаном), романтические контрасты (чёрной змеей - белой равнине), «контрасты бытового и идеального, реального и фантастического»¹²⁷ (гробовой саван, скелеты костями – венчаясь лучезарной главой). В прозе Марлинского Михельсон отмечает «реализм в романтизме, к чему предрасполагал сам очерковый жанр». ¹²⁸ В этом смысле Ковалевского можно считать продолжателем традиций писателя-романтика. Но в его описаниях и философское осмысление природы как части жизни человека.*

«Солнце вставало, вершины гор уже поднимались из тьмы, а низменность ещё покоилась в тумане. На то они и горы, на то так и высоки, чтобы бодрствовать и не дремать над тем, что у ног их!»¹²⁹ Всё величие природы подчёркивается одной деталью – насколько мал человек, который всегда будет у подножия гор, и насколько нужно природе быть настороже, охраняя свой покой. (Балканы). Романтическое стремление быть частью природы и невозможность постигнуть её сродни философии Шиллера. Его сравнение античности и нового искусства «как категории "наивного" и "чувствительного"»

¹²³ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 301

¹²⁴ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 261

¹²⁵ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.363

¹²⁶ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.285

¹²⁷ Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Издательство Ростовского университета. 1974. С.52

¹²⁸ Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Издательство Ростовского университета. 1974. С. 49

¹²⁹ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 272

*"Наивная" античность есть природа, данная как идея. "Сентиментальное" мирочувствие разрывает этот союз, утверждает его лишь в идее, бесконечно стремясь к нему и никогда окончательно не обретая».*¹³⁰ «Глухой гул казался величественным говором природы. Всё было мощно, дивно, громадно! Шиллер сказал: даже в детской затее кроется иногда глубокий смысл: какая же мысль скрывается в этом гигантском, чудно-гармоническом создании!»¹³¹

Описывая азиатскую степь, Ковалевский размышляет о сущности человека, живущего в мире иллюзий: *«Но развёртываясь мало-помалу, вскоре опять раскинулась перед нами степь в прежнем бесконечном единообразии; даль струилась, переливаясь отблеском солнца, и не редко улаживала утомлённый взор и воображение чудесами миража: так надежда рисует иногда волшебные замки перед взорами бедного затворника и он готов ей верить, хотя в душе своей убеждён, что это обман, нравственный мираж. – Природа приняла свой обычный вид.»*¹³²

Сопоставляя жизнь природы и человека, Ковалевский в очередной раз даёт романтическое толкование величия природы и её загадочности. «Утёс, одинокий и безмолвный, стоял, как бы в угрозу земле и даже небу, которое так щедро осыпало его в это время первыми лучами возвращавшегося из дальних странствований солнца».¹³³ История про кладбище для орлов и выбор ими смерти о скалы – вызывает сочувствие к храбрым и гордым птицам и восхищение ими повествователя: *«Орлу – орлиная смерть!»*¹³⁴ Фактически история смерти орла – аллегория жизни человеческой. В изображении Ковалевского – это гимн сильной личности. Цыганский ватаф даёт объяснение загадочной смерти: «Орёл, отживший век, сам знает честь и отлетает на покой, боясь, чтоб не случилось с ним, как бывает со старым человеком, которого кто только хочет, тот и клюёт беззащитного. Пожалуй, этак вороньё заклевало бы орла и перья его разнесло бы ветром; а тут он сам выбирает могилу и всегда разборчиво, - так, чтобы ни человек, ни зверь не потревожили его вечного спокойствия».¹³⁵ Повествователь даёт своё объяснение поразившей его смерти орла: «А может быть осуждённый на смерть грозным судилищем пернатых властителей, кружившихся вокруг него, сам исполнял их приговор

¹³⁰ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Аврора, 1930. С.С.16, 20

¹³¹ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.252

¹³² Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. СПб, 1843 г. С. 128

¹³³ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.305

¹³⁴ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 305-306

¹³⁵ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.306

над собою; может быть, преследуемый, разимый ими в бою, или не нашедший защиты под небом, низвергся, поражённый или предпочетший добровольную смерть позорной гибели»¹³⁶. Описывая место гибели, выбранное орлом, «пик, высокий и одинокий даже среди утёсов», Ковалевский создаёт романтический образ, который наделяет всеми атрибутами сильной личности: «Зубчатая вершина походила на терновый венец. Приличен ей, издевающейся над громами и бурями, этот терновый венец, как человеку, стоящему крепко и гордо, с поднятою вверх головою, среди бичевания бедствий!»¹³⁷ В этой пронзительной истории прочитываются аллюзии и пушкинской «Капитанской дочки», и лермонтовского «Паруса» и «Утёса».

Контрастным по отношению к смерти орла может служить описание восточного кладбища. Противостояние Востока и Запада заключается не только в разном менталитете, но и в разной философии отношения к жизни.

*«Вам конечно очень хорошо известно, что кладбища на востоке составляют предмет особенных забот правительства и благочестивых людей; они осенены садами, украшены цветниками и часто фонтанами и представляют любимое место для гуляний и для временного отдыха от дневных трудов мусульман. И действительно, где скорее можно забыться от сует, от трудов мирских, как не на кладбище? Где более можно предаться мечтам сладостного самозабвения, утешить скорбь и тоску, грызущую вас, как не здесь, в юдоли самозабвения вечного. Отсюда происходит то **величавое спокойствие**, которое составляет лучшую часть характера мусульманина»*¹³⁸.

Природа – такое же действующее лицо, воспринимаемое как живое существо. «Землетрясение в Кашемире» - не природное явление, а кара за грехи («...природа видимо затевала что-то ужасное»,¹³⁹ «...вымер ли народ в вашей стране, или только притаился в ожидании чуда, которое ему готовит небо». «Не чудо, а кару! Смотри, видел ли ты небо, страшнее этого?» «Правители гнетут народ, народ клянёт правителей, а где же тут место для молитвы, о которой не напоминают более благочестивые люди, потому что их нет; только ропот и клятвы доходят до неба, и небо видно решилось потрясти этих властителей и, может быть, навести на путь народ»¹⁴⁰) Наказание природы объясняется общественной ситуацией.

¹³⁶Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.306

¹³⁷ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.304

¹³⁸ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. СПб, 1843 г. С. 21-22

¹³⁹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. СПб, 1843 г. С.54

¹⁴⁰Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. СПб, 1843 г. С. 56-57

В главе «Туркменец» появление смерча «Тифон» воспринимается героем как дурной знак, и это предчувствие оказывается верным.¹⁴¹

«В романтизме и романтической концепции пейзаж, как и человек. Неизменен: величав, грозен, ужасен. В произведениях же реализма пейзаж меняется. Как и человек»¹⁴².

Пейзаж азиатский соответствует и общему восприятию Востока - «...общей черты азиатских степей: это какое-то расслабление, одряхление природы. – Повсюду изсохшие ложбины бывших рек, повсюду разрушение гор, наконец, повсеместное присутствие окаменелых раковин и других принадлежностей моря, свидетельствуют о каком-то перевороте, чрезвычайном и уже после-потопном»¹⁴³.

Белинский прав, в описаниях Ковалевским природы есть влияние Марлинского, не случайно об этом писал и Анненков: «увлекался на первых порах корифеями тогдашней беллетристики и состоял под влиянием некоторых из них, как, например, А. Бестужева-Марлинского, которому даже и подражал в некоторых местах первой своей книги».¹⁴⁴ Но это скорее относится к определению типа путешественника, градацию которых приводит Михельсон. Всех путешественников - очеркистов Марлинский делил на три типа, два из которых имеют прямое отношение к Ковалевскому: «Путешественник-философ». Это романтический путешественник, который «в каждом цветке срывает воспоминание... в каждом валуне читает букву... романтической поэмы, у которой нет ни начала, ни конца». И «путешественник - физиолог». Бестужев сравнивает его с «шёлковым червяком, влекущим за собой нить Ариадны», который ткёт «ткань премудрости человеческой».¹⁴⁵

Но в том-то и уникальность Ковалевского, что его очерки-путешествия не вписываются в определённые рамки ни физиологического очерка, ни романтического путешествия. Его индивидуальность раскрывается не только в содержании, но и своеобразной поэтике.

1.4. Поэтика очерков

Куда же вечно спешит бедный странник? Зачем так торопит зрителей и гонит ямщиков? Не то ли самое ждёт его впереди? Не те ли муки на привалах: самый

¹⁴¹ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. СПб, 1843 г. С. 97-98

¹⁴² Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Издательство Ростовского университета. 1974 С.21

¹⁴³ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. СПб, 1843 г С. 131

¹⁴⁴ Анненков П.В. Егор Петрович Ковалевский// Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова 1849-1868. Санкт-Петербург, 1877. С. 243

¹⁴⁵ Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Издательство Ростовского университета. 1974 С.65

*воздух почтовых станций, как вам известно, убийствен. И так терпение и терпение, добрый путник!*¹⁴⁶

Обращение к читателю – не открытие Ковалевского.

«Расстался я с вами, милые, расстался!...

*О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? – Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь?... Не считал ли дней и часов?»*¹⁴⁷

Очевидно влияние Карамзина, его «Писем русского путешественника» и в построении предложений, их структуре, повторе однокоренных слов, и в использовании риторических вопросов и восклицательных знаков. Отличие в замене слова «путешествие» на слово «странник» и в повествовательной структуре. У Ковалевского не эпистолярный жанр, который предполагает непосредственный обмен впечатлениями с адресатом. Его повествование синкретично, включает в себя, по верному замечанию Е.Г. Проценко, «элементы очерка, дневниковой литературы, ... новеллистического рассказа, рассказы-были».¹⁴⁸ С точки зрения композиции исследователи отмечают влияние Лермонтова («... подобная фрагментарность была характерным композиционным приёмом для нравоописательных романов этой эпохи... с распространёнными в те же годы новеллистическими циклами и особенно – воздействие конструктивных принципов «Героя нашего времени» (превращения автора в действующее лицо, а героев – в рассказчиков, введение устных рассказов и «журнала» одного из героев, напоминающая «Бэлу» ситуация включения «чужого» рассказа в повествование и т.п.)¹⁴⁹

Сочетая документальную основу с занимательным сюжетом, Ковалевский использует традиции как романтической, так реалистической литературы (натуральной школы).

Один из таких примеров, подчёркивающих особую структуру очерка - легенда, рассказанная Ковалевским, о строительстве церкви епископства в Курте-Аржинсе. «Она сохранилась неизменною от времён своего построения (в XIII веке) и может служить образцом древней славяно-готской архитектуры, образцом прекрасным достойным

¹⁴⁶Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т. III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 249

¹⁴⁷ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Москва. Издательство «Правда», 1988. С. 34

¹⁴⁸ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984. С. 112-113

¹⁴⁹ Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: Ленинград, 1984. С. 145

изучения. Предание о построении его напоминает легенду сооружения Кельнского собора»¹⁵⁰

История об архитекторе Мануло, который, одержимый идеей возвести храм и увековечить своё имя, «поджигаемый гордостью передать своё имя потомству в сооружаемом им храме Господу Богу, он готов был заключить условие с дьяволом».¹⁵¹ Сюжет этот, известный в литературе, получает у Ковалевского свою интерпретацию. Предложение дьявола замуровать в стене первого пришедшего к строящемуся храму человека было принято архитектором и ему «удалось выманить» согласие на его воплощение у строителей, но какова же была трагедия для Мануло, когда первой появилась его молодая супруга. Напряжение, с которым повествователь описывает ожидание первого посетителя, держит внимание читателя на протяжении всей истории.. *«Несчастный постиг ниспадишую на него кару небес... неподвижен и безмолвен глядел он на жену свою, прекрасную, весёлую, шедшую к нему с песнею и лаской, на жену, с которою он не успел ещё прожить и одного счастливого месяца, и которую приносил в жертву своему тщеславию»*¹⁵². Трагический пафос этой истории усиливается главным постулатом, который воспринимается буквально: *«всякое большое здание должно быть основано на человеческой душе»*.¹⁵³ А вот её продолжение уже описывается Ковалевским не без иронии. Конечно, больше при строительстве зданий людей не замуровывали, пытались вместо души использовать тень человека, которая начинала жить отдельно от своего хозяина, и это уже порождало анекдоты о верных и неверных жёнах. *«Кончилось тем, что жёны в Бухаресте совершенно мантипировались, прежде чем мадам Жорж Санд подумала о том; мужья махнули рукой и пошли себе своей дорогой, и обе стороны остались очень довольны друг другом. Слова Эврипида: «не убегайте любви, она научает мудрости и добродетели», послужили основанием новой школы практической философии в Бухаресте»*.¹⁵⁴ Речь идёт о повсеместных разводах, к которым прибегали жёны, используя свою тень, чтобы обвинить мужей в клевете. Подчёркивая абсурдность происходящего, Ковалевский вступает в полемику с Жорж Санд и создаёт новеллу с ярко

¹⁵⁰ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.333

¹⁵¹ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.333

¹⁵² Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 335

¹⁵³ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.336

¹⁵⁴ Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т.III.- Санкт-Петербург, 1871. С.340

выраженным романтическим сюжетом, который постепенно снижается за счёт иронии и назидательности, в чём, безусловно, проявляется авторская позиция.

Реалистическое описание у Ковалевского зачастую окрашено романтическим восприятием, он не просто описывает, он рисует картины, словно художник пишет полотно. Не случайно сравнение с фламандской живописью. *«Это была одна из живописнейших фигур нищеты, какие когда-либо мне случалось видеть. ... обнажённый череп головы возвышался круто кверху и изобличал его породу; морозная пыль блестела на нём; клоки волос у висков и курчавая борода развивалась ветром; чёрные глаза метали искры ещё непотухшего внутреннего огня и казались ещё черней под седыми, нависшими бровями. Смуглое, морщинистое лицо носило выражение горя и заботы; это была фигура, годившаяся в любой роман Вальтер Скотта и в любую картину Рембрандта»*¹⁵⁵.

Упоминание писателей-романтиков встречается неоднократно (Шиллер, Томас Мур). *«Если мы отступим от правды, если скажем, что нет в мире земли прекраснее долины Кашемира, и стихи Томаса Мура (Лалла Рука), порождённые пылким воображением поэта, всё ещё не достигают истины в изображении всепорожающей красоты природы Кашемира»*.¹⁵⁶ Отношение к романтикам неоднозначно. С одной стороны Ковалевский вступает с ними в полемику, не лишённую иронического оттенка (Жорж Санд, Томас Мур), а с другой – он постоянно следует за ними, описывая человеческие взаимоотношения, характеры, рисуя портреты своих героев, пейзаж.

Особая манера повествователя проявляется в поэтизации прозы.

*Настала **ночь**, **ночь** востока, роскошная, звёздомётная, не такая светлая, как у нас, на севере, где даже нельзя скрыть тайны любви; а **ночь** пора любви; не такая тёмная, как **ночь** крайнего юга. Не люблю я наших бледных **ночей**, без таинственного полумрака, без зыбких теней, наводящих в душу невольный, но сладкий трепет. На то и ночь, чтобы она была темна; **хотите света, дождитесь дня***.¹⁵⁷

Поэтические повторы, инверсия, противопоставление севера и юга, тёмного и светлого, контраст в восприятии дня и ночи, окутанной романтикой тайны и любви – это типичный пример стиля Ковалевского. Используя параллелизм в построении предложений, обращение к читателю, «странствователь» создаёт особый ритм прозы, который узнаваем не только в описании природы, но и в эпических историях (см. «Зюльма, или женщина на востоке» (Ташкент), «Нессер-Улла Бахадур и Куч-Беги. Бухара», «Пленный персиянин («Хива») и др.). И при этом Белинский в рецензии на

¹⁵⁵Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Издание Ильи Глазунова. Т. III.- Санкт-Петербург, 1871. С. 253

¹⁵⁶ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. СПб, 1843 г. С.45

¹⁵⁷ Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Книжка вторая. СПб, 1843 г. С.35-36

первую книгу отметил: «Из этой полудикой драмы вы гораздо лучше узнаете быт и характер бухарцев, нежели из многих томов, наполненных длинными описаниями и статистическими сведениями. Сколько простоты и естественности в этом слоге, от которого надобно, однако ж, требовать большей правильности и определенности!»¹⁵⁸

Таким образом, своеобразие произведений Е.П. Ковалевского позволяют утверждать, что он был один из первых в литературе 40-х годов создателей синкретического жанра, в котором нашли отражение традиции сентиментального, романтического и реалистического путешествия, сочетающего в себе документальность и занимательность, натурфилософию и лирическое повествование. Следуя традициям русской и европейской литературы, Ковалевский проявляет свою индивидуальность в создании очерков, которые в свою очередь окажут влияние на развитие русской литературы путешествий (Гончаров)

¹⁵⁸ Белинский В.Г. Странствователь по суше и морям//Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С.612

2. Жанр повести в творчестве Е.П. Ковалевского 1840-х г.г.

Развитие повести как жанра, её доминирование в русской литературе относится к 40-м годам XIX века. Сентиментальные повести Карамзина, романтические повести Бестужева-Марлинского, влияние исторических романов Вальтера Скотта, фантастические повести Гоголя способствовали формированию новой поэтики жанра. В 20-30 годы разновидности повести определяются исследователями без труда: историческая повесть, светская повесть, романтическая, фантастическая. Но уже к прозе Пушкина и Гоголя такая классификация неприменима. Продолжая традиции Пушкина и Гоголя, повесть стала важнейшим жанром времени, отвечающим жизненным потребностям российской действительности. Новым этапом в осмыслении жанра становятся статьи В.Г. Белинского, который рассматривает повесть в тесной связи с романом, отмечает их как «самый широкий, всеобъемлющий род поэзии», в котором «соединяются все другие роды поэзии – и лирика, как излияние чувств автора по поводу описываемого им события, и драматизм, как более яркий и рельефный способ заставлять высказываться данные характеры»¹⁵⁹. Общее у повести и романа, с точки зрения Белинского, в проникновении в реальную действительность. При этом критик отмечает жанровую специфику повести, её особую концентрацию, интенсивность содержания. «Повесть есть тот же роман, только в меньшем объёме, который условливается сущностью и объёмом самого содержания» (7, 57).

Пристальное внимание исследователей¹⁶⁰ к повести как жанру связано прежде всего и с понятием «натуральной школы». «Именно в практике этой школы впервые в истории русской литературы проблема прозаических жанров, и в особенности повести, оказалась столь неразрывно связанной с проблемами художественного познания и художественного метода»¹⁶¹. Некоторые исследователи считают главным жанром «натуральной школы» физиологический очерк.¹⁶² О значимости этого жанра писал Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» «...самые пределы романа и повести раздвинулись: кроме «рассказа», давно уже существовавшего в литературе, как низший и более лёгкий вид повести, недавно получили в литературе право гражданства так называемые физиологии, характеристические очерки разных сторон общественного быта» (10, 316) Действительно, роль физиологического очерка была существенной, но не

¹⁵⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т. М., 1953-1959, т. 10, с. 315-316. Далее в тексте ссылки в скобках даются на это собрание сочинений (номер тома указан курсивом)

¹⁶⁰ См. статью Ф.З. Кануновой «Повесть как литературный жанр (К формированию теории жанра в русской литературе первой трети XIX в.). // Проблемы метода и жанра. Вып.3. Томск, изд-во ТГУ, 1976. С. 3-16

¹⁶¹ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Изд. «Наука», Л., 1973. С. 247

¹⁶² А.Цейтлин «Становление реализма в русской литературе. (Русский физиологический очерк)». Изд. «Наука», М., 1965. С.7

только как самостоятельного жанра, но и как того элемента, который войдёт в повесть и роман. Поэтому зачастую возникает трудность в точном определении жанра произведения.¹⁶³ Но уже во второй половине 40-х годов границы между физиологическим очерком и повестью стали более отчётливыми. Б.С. Мейлах видит их не только в необходимости сюжета для повести (в очерке сюжет необязателен), но и в соединении «объективного изображения жизни с выражением «субъективного элемента», внутреннего мира автора, его эмоций». Повесть отличается от физиологического очерка и «лирической окраской образов»¹⁶⁴. Пристальное внимание к «эпосу будней и воссозданию поэзии духовного мира бедного чиновника»¹⁶⁵ позволило рассматривать жанр повести в русле «сентиментального натурализма»¹⁶⁶. А переходный этап в развитии русской литературы от романтизма к реализму проявляет в повести 40-х г.г. и романтические мотивы¹⁶⁷. Кроме того, по мнению В.В.Виноградова, возврат к сентиментализму в "натуральной школе" был вызван и "филантропическими" исканиями французской литературы (особенно Жорж Санд)¹⁶⁸.

Таким образом, жанр повести в 40-е г.г. XIX века представлял некий синкретизм как в плане "неразличимости" очерка, рассказа, повести, так и в тесном переплетении реалистических подробностей с «сентиментальным натурализмом» и романтизмом.

¹⁶³ В главе «Теоретическое обоснование жанра повести натуральной школы» приводятся примеры разного определения жанра писателями и критиками, «так, например, Григорович при первоначальной публикации своей повести «Свистульки» назвал её физиологическим очерком», «Хорь и Калиныч» Тургенева также был при первом напечатании назван «физиологическим очерком». (Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Изд. «Наука», Л., 1973. С.254)

¹⁶⁴ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Изд. «Наука», Л., 1973. С.254-255

¹⁶⁵ Жиликова Э.М. К вопросу о традициях сентиментализма в творчестве Ф.М. Достоевского 40-х годов. //Проблемы метода и жанра. Вып.3. Томск, изд-во ТГУ, 1976. С.36

¹⁶⁶ В статье Жиликовой Э.М. приводятся примеры из статей А.А. Григорьева «И.С.Тургенев и его деятельность», В.Н. Майкова, А.Д. Галахова «Русская литература в 1847 г.», в которых объясняется «тяготение «натуралистов» к наследию сентиментальной культуры», что «было продиктовано их углублённым интересом к самой натуре, духовному строю маленького, обыкновенного человека» (с. 36-37)

¹⁶⁷ В автореферате диссертации Глуховской И. И. "Сентиментальный натурализм" в русской литературе 40-х годов XIX века (проблема метода) : ил РГБ ОД 61:85-10/489 рассматривается влияние романтизма на произведения натуральной школы. «С.В.Здаев и И.Е.Усок справедливо отмечают, что "завоеванное в литературе романтиками осваивали и развивали не только Пушкин и Лермонтов. Для всех русских художников 30-40-х годов приобрели первостепенное значение поиски новых форм выражения авторской оценки изображаемого, и все они, каждый по-своему, осуществляли эти искания... все они шли по пути сопряжения героя, живущего высокими романтическими порывами со средой и историей. Мир народной жизни становится для них все более интересен. Все больше их внимание привлекает личность из народа как объект художественного изображения". В работе Ф.А. Пшенной ставятся задачи выявления романтических элементов в "натуральной школе", выяснение их роли в развитии реалистического метода ведущих писателей школы, установления типов этих элементов. Исследовательница выделяет в "натуральной школе" три типа романтического начала: 1) традиции прогрессивного романтизма; 2) романтизм социально-утопических исканий; 3)"сентиментальный натурализм".

<http://www.dissercat.com/content/sentimentalnyj-naturalizm-v-russkoi-literature-40-kh-godov-xix-veka-problema-metoda>

¹⁶⁸Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма/Избранные труды. Поэтика русской литературы.- М.: Наука, 1976.- С.156

Возможность говорить о повести как жанре появилась, по утверждению Белинского, после появления в печати произведений Гоголя, Достоевского, Тургенева, Григоровича, Щедрина и др. При этом особенно ценно замечание о важности «массовости» не только в смысле обращённости к «толпе», но и в плане расширения круга авторов. «...бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата литература, в которой все – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем их больше, тем лучше для литературы».¹⁶⁹

Одним из таких авторов, «обыкновенных талантов», внёсших свою лепту в формирование жанра повести, является и Е.П. Ковалевский. Ковалевский поместил в журналах, в том числе и под псевдонимами: Нил Безымянный, Е. Горев, М.Ковалевский, ряд беллетристических произведений: "Фанариот" ("Библиотека для Чтения", 1844, т. 67); "Петербург днем и ночью" (неоконченный роман, 1845, т.т. 72 - 76); «Любовь и эгоизм» (1846, т. 74); «Люди странствующие – люди страждущие» (1848 т.86 - 1849 т.93); "Майорша" (1849, т. 93). В этих произведениях 40-х годов представлены основные тенденции развития жанра: историческая повесть, светская, романтическая, физиологический и нравоописательный очерк – и в них отражаются ключевые проблемы русской жизни и основные особенности развития русской литературы. Представляет интерес становление творческого метода Ковалевского – синтез сентиментальных, романтических и реалистических компонентов, их соотношение на разных этапах творчества. Ковалевский использует контекст русской и европейской литературы, что позволяет рассматривать его произведения в русле интересов читательской публики. Являясь писателем второго ряда, он становится предтечей не только развития массовой литературы, но и даёт идеи для открытия писателям более высокого уровня.

2.1. Историческая повесть

Жанр первого беллетристического произведения «Фанариот» (1844) Ковалевский определяет как историческая повесть. В ней нашли отражения, по словам исследователя его творчества Б.А. Вальской, впечатления автора после путешествия по Черногории и Балканам. Место действия – Венеция, Турция, княжества Валахия и Молдавия. В центре повествования история восстановления доброго имени венецианского графа Барбаригго, обманутого и убитого бывшим его воспитанником, греком (пленённым ещё в детстве), секретарём, фанариотом Чиханесом. Обвинения в адрес уважаемого патриция касались заключения очень невыгодного, позорного для Венеции договора с Портой

¹⁶⁹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., Издательство Академии Наук СССР, 1955. Том 8. С.379

(Константинополь), «возбудившего справедливое негодование дожа и патрициев против памяти человека, предавшего отечество свое, по слабости характера, а может быть и более преступным причинам. Говорили, впрочем, что он не мог пережить своего позора и принял яд; носились также слухи, что он был отравлен в Константинополе подкупленной рукою».¹⁷⁰ Его сын «несколько времени пробыл в нерешимости, сомнении, колеблясь между **увлекательным соблазном жизни светской и суровым долгом гражданина**, и никем неруководимый, кроме собственного сердца, ринулся наконец в этот водоворот, роскошный и лучезарный, но **всесокрушающий и бездонный, из которого так труден исход и который называют светом**»¹⁷¹. Это рассуждение, бесспорно, принадлежит повествователю. Антитеза светского образа жизни и долга гражданина заявлена Ковалевским в самом первом наказе отца сыну: «Сын мой, помни, что ты принадлежишь дому Барбариго! **первый долг твой - республике, второй твоей фамилии!** стой грудью за ту и за другую; помни, что отец твой, посевший в темницах Венеции, теперь несет сложить остаток дней своих за Венецию!... Будь лучше Нероном, если судьба даст тебе власть, но не будь Кориоланом»¹⁷². Умей отмщать обиду, нанесенную тебе и роду твоему, в голове которого ты поставлен, но мсти лицу, а не отечеству».¹⁷³ На выбор гражданской позиции Лоренцо, сына патриция, повлияло возвращение верного слуги графа Барбариго. Узнав подробности смерти отца от Джузеппе, вернувшегося после десятилетнего заключения в константинопольской темнице, сын решает любой ценой добиться справедливости. Приключения, опасности, которые преследуют его на пути к цели, динамичность повествования, не лишённая лирической окраски, тайна происхождения героини – сближает повесть Ковалевского с исторической повестью Марлинского, которую «Пушкин определял ... как быструю повесть с романтическими переходами и отмечал её связь с «байронической поэмой»¹⁷⁴.

Драматизм увлекательного сюжета, контрасты в развитии действия – Венеция и Валахия, Константинополь и Бухарест разворачиваются на историческом фоне: в центре повествования события пятидесятих годов 18 века («Это было в 175..... году»)¹⁷⁵. Исторические реалии становятся определяющими в развитии сюжета. Одна из

¹⁷⁰ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.91

¹⁷¹ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.92

¹⁷² Нерон, Римский император, известный не только своим деспотизмом, но и грамотным ведением внутренней и внешней политики. Кориолан - знаменитый римский патриций; в 493 г. до Р. Хр., за отличие при осаде вольского города Кориол, получил прозвание Кориолан. Два года спустя он стал во главе патрицианской партии, желавшей отмены плебейских трибунов, и сделал попытку воспользоваться голодом, чтобы заставить плебеев покориться. Легендарный герой и предатель Рима.

¹⁷³ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.90

¹⁷⁴ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1973. С.80-81

¹⁷⁵ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.98

многочисленных турецко-венецианских войн¹⁷⁶ («помнила недавние подвиги Франциска Морозини, смирившаго гордость Турков; знала по именам героев Кандийской Войны и веровала во славу самого Барбариго, давшего-было другое направление последней войне с Турками и остановившего свои действия потому только, что союзники Австрийцы поспешили заключить отдельный с неприятелем мир») стала причиной поездки графа в Константинополь для заключения важного для Венеции договора. Режим фанариотов, установленный османами в Молдавии и Румынии, описан Ковалевским со всеми историческими подробностями. Ковалевский хорошо знаком с историей Карпат, он не единожды упоминает о господарях-фанариотах в «Странствователе по суше и морям», внимание к независимости славянских народов – в центре воззрений Ковалевского на исторический процесс в его очерках. И в исторической повести автор-повествователь не раз обращается к истории завоевания Османской империей славянских государств. Он упоминает реальные исторические события, предшествующие описываемой ситуации («В то время, к которому относится действие, время, не отделенное еще и столетием от нас»¹⁷⁷). «Фамилии Кантакузины, Маврокордаты, Гики, Раковицы, Суцо, Караджи и три или четыре других, считали своим особенным преимуществом поставлять господарей Валахии и Молдавии и вели постоянную борьбу между собою»¹⁷⁸. Новые правители были рекрутированы из квартала Фанар Стамбула. Образ повествователя наиболее ярко проявляется в описании фанариотов.

Фанариот! Изобразить Фанариота вполне - невозможно; сказать, что он похож на того или на другого, несправедливо. Фанариот похож только на самого себя. Я уже пытался представить характер Фанариота, но он ускользнул из-под моего пера, как нагой негр, вымазанный маслом, ускользает внутри Африки — из рук своих преследователей. Фанариот, это — человек, в котором нет крови, но зато очень много желчи; в котором нет сердца: вместо сердца у него губка, насыщенная всеми искусственными желаниями, которые отделяются из нея в случае нужды; в котором нет страстей, или, лучше сказать, множество страстей, но вы их не заметите; Бог знает где и как он их хоронит и в какое время ими пользуется. Фанариот — тело без костей: так гибко оно, так удобопронизуемо повсюду. Фанариоты — совсем особенная порода людей: по происхождению они Греки, но живут в Константинополе, в особенном квартале, называемом Фанарь, от которого и получили свое название; говорят по-

¹⁷⁶ Турецко-венецианская война 1645—1669 годов, также известная как Критская война ([греч.](#) Κρητικός Πόλεμος) и Кандийская война ([итал.](#) Guerra di Candia) — одна из многочисленных [турецко-венецианских войн](#)

¹⁷⁷ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.133

¹⁷⁸ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С. 96

*гречески, исповедуют православный закон, но думают по-жидовски, чувствуют по-турецки. ... Интрига — душа фанариотского общества; деньги — идол его.*¹⁷⁹

В этом страстном отступлении вся неприязнь повествователя к фанариотам, исполненная горькой иронии по отношению к людям, которые предпочитают деньги и власть и истинной вере, и своему происхождению. И как подтверждение правоты этих слов – история Чихонеса, коварного предателя графа Лоренцо, переступившего на своём пути всех, кто мешал его восхождению на трон господаря. Уже с первой портретной характеристики видим отношение автора к секретарю графа.

*Другой был лет двадцати: нижняя челюсть его, несколько выдавшаяся вперед, придавала ему **что-то коварное**; впрочем, несмотря на юность возраста, физиономия его была **приучена к той игре**, которая нередко **обманывает** самых опытных людей, и с первого взгляду **казалась** довольно приятною; черные, тонкие волосы его были гладко зачесаны за уши, как у девушки, черные глаза были опущены долу, **как бы приученные к покорности**; все движения его были размерены и **казались** чрезвычайно кроткими*¹⁸⁰.

Неестественность и притворство подчёркивает повествователь в образе юноши. Его внешнее поведение не совпадает с внутренним наполнением, поэтому несколько раз употребляется слово «казалось».

Антагонист главного героя твёрдым шагом идёт к намеченной цели, в то время как Лоренцо не сразу, но исполняет наказ отца служить Республике. В создании образов главных героев Ковалевский использует принцип антитезы – коварство одного и благородство другого. Чихонес только усугубляет страдания народа, вводя всё новые подати и пошлины для личного обогащения, Лоренцо не просто замечает бедственное положение угнетённых, старается помочь по мере возможности. Его сочувствие проявляется в помощи цыганке Марицке, которая готова была отрезать себе руку, чтобы прокормить себя и мать, он принимает участие в тайном заговоре против фанариота-господаря, следуя своим убеждениям в отношении несправедливого господства назначенных портой правителей.

Народность Ковалевского проявляется в беспристрастном описании жителей Валахии: *«по отвислым зобам, по тупоумию, отражавшемуся в их взоре, во всех движениях, ясно было, что это жители гор, кретины, или очень близкие к кретинизму, который в такой ужасной степени распространен в Карнатах»*.¹⁸¹ Этот вывод повествователь делает на основе личных наблюдений во время его путешествия по

¹⁷⁹ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.96

¹⁸⁰ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.88

¹⁸¹ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С. 170

Карпатам¹⁸². Нищенское состояние современной писателю Валахии объясняется историческими последствиями векового угнетения.

*«их родина издыхала под властью Турции»*¹⁸³

*«чрезмерная пошлина на трансильванских пастухов, заставила их угнать из Валахии весь скот и поставка ста тысяч баранов в ту пору, когда народ гибнул от голоду и в такое короткое время, была почти невозможна и влекла его в тяжкую ответственность перед турецким двором»*¹⁸⁴

«В Валахии также был народ, но — самое жалкое сословие, втоптанное в грязь соединенною тираниею господарей и бояр. Редко, очень редко, пробуждался этот народ, и то разве для новых страданий».¹⁸⁵

Достоверность исторических деталей и та страстность, с которой повествователь описывает происходящее, создаёт ощущение, что автор видел всё своими глазами. Этому ощущению способствует и композиционная особенность — калейдоскопичность описываемых событий. Действие из Венеции переносится в Константинополь или Валахию, с истории Лоренцо переключаемся на историю Константина Чихонеса, исторический экскурс о фанариотах и история Евфросиньи — всё держит внимание читателя в постоянном напряжении. Это характерная черта исторической повести, о которой читаем в книге «Русская повесть XIX века» (глава «Пути развития романтической повести»): «Во многом новые для прозы художественные приёмы были направлены на активизацию читательского воображения, создавая эмоциональную заинтересованность повествованием. Благодаря этому читатель вовлекается в стремительный круговорот описываемых событий, сам становится их свидетелем и в какой-то мере даже участником»¹⁸⁶.

Достоверность контекста подчёркивается своеобразным эпилогом повести. *«Скажем несколько слов об окончательной судьбе героев нашего рассказа, за которыми мы так долго и с такою **историческою точностью** следили. Граф Лоренцо Барбариго, лишившийся, как мы видели, почти всего своего состояния, вступил в службу республики и имя его в эту жалкую эпоху Венеции, мелькнуло светлым метеором и напомнило ей о героях ея бывшей славы»*¹⁸⁷.

¹⁸² Подробнее об этом в 3 части «Странствователя по суше и морям»

¹⁸³ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С. 134

¹⁸⁴ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С. 104

¹⁸⁵ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С. 139

¹⁸⁶ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1973. С. 80-81

¹⁸⁷ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.191

Историческая повесть «Фанариот» вызывает ряд литературных аллюзий в создании характеров главных героинь.

Образ Евфросиньи напоминает героиню романа В.Гюго «Собор Парижской Богоматери». Впервые увиденная читателем в Венеции, Евфросинья становится предметом вожделения и графа Лоренцо, и правителя Валахии (фанариота Чиханеса), женой его постельника, возлюбленной Лоренцо. Тайна её появления в Венеции так и не раскрыта: *«в Венеции, в доме графа Франчески, где росла она, как ясный день!— Потом она переехала на житье в Константинополь, откуда была родом, говорили к тётке, а какая уж там тетка! Наш секретарь очень любил ее; но она и слушать не хотела, чтобы выйти за него, и граф Барбаригго, уже Бог знает зачем, выдал ее за драгомана Анастасия, родом Грека, бывшего в большой чести при урте»*. Происхождение её – от презренной всеми цыганки Сафты, описание которой в традициях натуральной школы (*Вскоре она возвратилась, ведя за руку высокую, худую, полунагую, покрытую коростой, изборозденную шрамами и рубцами старуху; черные с проседью, но всё еще густые волосы, то ниспадали прядями, то комками торчали на голове; лицо было цвету невыделанной кожи*¹⁸⁸), а поступки – в русле романтических сюжетов: помощь Лоренцо и Джузеппе, забота о Марицке, участие в отравлении графа, самоотверженность в спасении умирающей Евфросиньи. Сближает с Эсмеральдой и трагический финал их жизни. Но образ Евфросиньи гораздо сложнее. Отношение к ней повествователя проявляется через описание внешности. Портрет юной венецианки (иностранки по происхождению) полон восторженных эпитетов: *«на балкон вспорхнула молоденькая и прекрасная девушка, еще трепещущая упоением танцев; вся огонь и страсть, она, казалось, искала или утопить этот пламень прохладой ночи, или излить его, затопляющий всю душу, в открытую грудь другого; уста жаждали передать поцелуй, горевший на них и напряженная грудь вздымалась высоко, как бы силясь разорваться и дать исход истомленной любви»*.¹⁸⁹ Её влюблённость в 14 летнего Лоренцо вызывает явную симпатию автора. Но портрет Евфросиньи, описанный спустя 10 лет после первой встречи, отличается новыми красками. Повествователь явно любит её красотой, сравнивая с картиной Кореджио. Это сравнение с Данаей, Ледой прочитывается в его описании. Подчёркивается только телесная привлекательность, способная «отравить» любого.

Евфросинья полулежала на диване, поджавши под себя одну ножку, и пряди волос, густых и шелковистых, спустившись с головы, расстилались по белым плечам и роскошным грудям, и блестели и переливались; ... в ее лице, в ее положении, были

¹⁸⁸ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С. 113

¹⁸⁹ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.98-99

разлиты вся нега Юга и вся неудовлетворенность страсти гаремной затворницы, хотя эта женщина **играла и свободой и любовью, как играют** этим чувством только под раскаленным небом Италии или под влиянием свободных нравов Валахии и Молдавии, в то время **растленных тираниею** турецкого правительства и **всепреобладающей интригой князей Фанариотов**. Опрокинутая головка ея, казалось, выпрашивала у самого неба поцелуя на раскрытые роскошные уста, и полузакрывшиеся глаза были подобны закатывающемуся солнцу, свидетельствовавшему о зное истекшего **дня** и обещававшему зной южной **ночи**, - они чуть виднелись из-за густых ресниц и без огня горели. Не сон овладел ею, она кокетливо приманивала к себе самые причудливые грезы, и те, **игривые**, вились вокруг ея, касаясь то пламенной груди, то темных густых ресниц и отлетали, чтобы опять любоваться его в отдалении, как знаток любит дивным созданием Корреджио. Столько было счастья во всей этой фигуре, с чудно округленными, обнаженными и **художнически** отмечнутыми в сторону руками, с ножкой как бы нечаянно выставленной из-под коленка, обещавшего чудо сгиба и выступа, столько было упоения в ея позе, что, как я заметил, человеку не вынести бы этого счастья, которым казалось, **играла** она по произволу, если бы в них не было сколько-нибудь **отравы**.¹⁹⁰

Но в этом портрете и некая загадка Евфросиньи - как антитеза дня и ночи, так и её игра в любовь, её участие в тайном заговоре против фанариота Чиханеса, её роль в смерти графа, помощь Лоренцо, предпочтение роскоши истинным чувствам – читатель так до конца и не может разгадать, кто она, настоящая Евфросинья. Не случайны в описании портрета и упоминания о турецкой тирании и интригах князей-фанариотов.

Если образ Евфросиньи выписан в романтических традициях, то история Ольги Кантемир отсылает нас к традициям сентиментальной литературы. В эпилоге читатель становится свидетелем реальности истории ещё одного персонажа повести.

На пути в Быстрицу из монастыря Унтру-Лемнь, ... в прелестном местоположении, лежат развалины монастыря, заглохшие, поросшие кустарником и мелкими погонами буку; возле них возвышается еще уцелевшая, но едва держащаяся церковь. Единственный страж этой церкви, иеромонах Иосиф, старик лет 80, отпер мне дверь. Обыкновенно в притворах церквей в Валахии и Молдавии все стены украшены портретами строителей монастыря и их семейств, до последнего потомка; но тут меня поразило то, что только один портрет красовался на стене, один во всем притворе. Портрет был - женский во весь рост, лучшей греческой живописи. Девушка лет двадцати, в монашеской одежде, со сложенными на груди руками, представлена, по-видимому молящаяся. Из-под густых, опущенных ресниц виднелись очаровательные

¹⁹⁰ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.123-124

*голубые глаза. Русые волосы выбивались из-под черного крену. Художник умел с примечательным искусством разлить во всех чертах лица какое-то смирение, небесную надежду, перед которою благоговееет человек, и вместе оттенить это прелестное лицо страданием, неизменным даром юдольной жизни.*¹⁹¹

Описание полуразрушенного монастыря напоминает нам повесть Карамзина, а портрет – его идеальную героиню, очаровательную, прелестную, с небесными чертами лица. Всё в её описании говорит о благоговении повествователя. Из рассказа настоятеля мы узнаём, что в 20 летнем возрасте Прасковья основала этот монастырь и была всю жизнь его настоятельницей. И читатель уже догадывается – что это судьба Ольги Кантемир, которая сыграла одну из главных ролей в спасении Лоренцо и восстановлении справедливости. Эта героиня выписана чисто в карамзинских традициях.

*Ольга родилась в **России**, воспитывалась в **России**, росла напитываясь правилами строгой нравственности и религии под заботливым кровом матери, которая была **Русская**. Рано лишилась она отца, рано сдружилась с уединением, в которое поставили ее и вдовство матери, и ея небольшое состояние, растраченное отчасти на ея воспитание, для которого ничего не щадила мать, готовившая ее для **русского** Двора, где она должна была занять почетное место, по своему рождению и заслугам дяди и отца, но от которого оттерли ее изменившиеся обстоятельства того времени. Мать любила ее страстно;.... Мать позавидовала бы солнечному лучу, если бы он предупредил своим приветом пробуждение дочери. Так любить не умеет ни друг, ни брат, ни любовник,— умеет любить только мать. _ Старушка Кантемир ужаснулась при виде **тогдашнего бухарестского общества**, которое мы уже описали: она судорожно прижала к груди свое сокровище, свою дочь, подобно голубице, укрывающей своего птенца от налета ястреба, страшась, чтобы ее не отторгли, не растерзали в этом урагане нравов или **правильнее, безнравственности.***¹⁹²

Русская по происхождению (автор трижды повторяет это в одном предложении), волею судьбы оказавшись в Бухаресте, она противопоставлена безнравственному обществу Валахии. Её чистота и религиозность – антитеза роковой красоте и нравам Евфросины, что особенно заметно при сопоставлении их портретов – Караваджо и лучший образец греческой живописи. Оставшись сиротой в чужой стране, разочаровавшись в чувствах единственных близких ей по духу людей (оба были влюблены в Евфросинью), Ольга сохранила заветы матери, основав монастырь, реально

¹⁹¹ Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.123-124

¹⁹² Библиотека для чтения, 1844, т. 67. С.149-151

подтверждающий её существование. Образом Ольги открывается галерея любимых Ковалевским героинь – чистых, самоотверженных, благородных, умеющих любить.

Завершая свою историческую повесть упоминанием судьбы Ольги Кантемир, Ковалевский говорит о тесной связи славянских народов и общности нашей истории, отдавая пальму первенства всему русскому, а сентиментальное завершение повести сближает её с историческим романом, в котором наряду с интригой политической присутствует и интрига романическая. Не случайно, характеризуя очерки-путешествия Ковалевского, Белинский отмечал, что «рассказ автора иногда облекается в легкость романического повествования, а иногда доходит до драматического движения»¹⁹³. Эту же особенность мы видим и в исторической повести «Фанариот», в подзаголовке жанра которой – подтверждение этой мысли – «автора «Странствования по суше и морям».

2.2 Светская повесть

Совершенно другая разновидность повести, которую условно можно отнести к повести светской, опубликована на страницах «Библиотеки для чтения» в 1846 г. Расцвет «светской повести» приходится на 30-е годы 19 века. В её основе – «любовно-психологическая драма, действие которой протекает в светской среде и герои которой принадлежат (во всяком случае – один из них) к этой среде»¹⁹⁴. Влияние «света» на судьбу героя становится «структурообразующим компонентом, определяя основной конфликт, динамику сюжетного развития, взаимоотношения между персонажами, принципы построения характеров и общую эмоциональную тональность всего произведения».¹⁹⁵ В 40-е годы светская повесть отражает «общие закономерности литературного развития»,¹⁹⁶ что связано с переходным периодом формирования жанра – сосуществование и смена художественных методов – романтизма и реализма.

«Любовь и эгоизм», так называется произведение, жанр которого обозначен автором как повесть. И действительно, вспоминая цитату В.Г. Белинского, которую приводит в статье «Повесть как литературный жанр» Ф.З. Канунова, мы увидим здесь «и

¹⁹³ Белинский В.Г. Странствование по суше и морям//Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С.610

¹⁹⁴ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1973. С.173

¹⁹⁵ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1973. С.173

¹⁹⁶ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1973. С. 199

лёгкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей».¹⁹⁷

Сюжет повести напоминает «Обыкновенную историю» И.А. Гончарова (роман будет напечатан в 1847 г., но задуман был в 1844 г, в начале 1846 г. Гончаров читал роман В.Г.Белинскому, а до этого несколько раз - в дружеском литературном кружке Майковых).

Молодой человек из провинции, Александр (Сашенька в начале произведения) Петрович Невзгодин, приезжает в Петербург, преисполненный уверенности в своём блестящем образовании, которое, конечно же, позволит ему занять достойное место в среде чиновников столицы.

«Грустно видеть молодого человека, с такою радостью покидающего свою светлую, весёлую, беспечную студенческую жизнь! Полный надежд, которые внушили ему его школьные товарищи, он без оглядки стремится к жизни неизведанной, к цели неопределённой. Он отрывается от домашнего крова, от крепкого, задушевного поцелуя матери: смотрите, он молится на прощание, молится с верою, жарко; он принимает с трепетным благоговением благословение матери, прощается с каждым из домочадцев, с каждым кустом своего сада, потому что каждый из них напоминает ему какое-нибудь отрадное событие: в его возрасте каждое ничтожное обстоятельство считается событием; бедный юноша рыдает горько, сокрушительно, и всё-таки добровольно покидает этот мирный кров, где протекли счастливейшие годы его жизни! Он не знает, что ждёт его впереди, что будет там, а уж верно будет не так хорошо, как было»¹⁹⁸.

Конфликт, обозначенный повествователем как противопоставление патриархального быта провинции и мира светского Петербурга, заявлен в описании прощания с родным домом. Антитеза «грусти» и «радости» усиливается градацией эпитетов «светлая, весёлая, беспечная», «молится с верою, жарко», превосходной степенью «счастливейшие годы его жизни!» и восклицательной интонацией, инверсия и употребление высокой лексики «к жизни неизведанной» подчёркивает всю степень ожидаемого разочарования.

С первой страницы повести мы наблюдаем сентиментально-романтические сюжетные схемы, которые проявляются в контрастном изображении родного дома и того неизведанного, что ждёт молодого человека в столице. А обращение к читателю

¹⁹⁷ Канунова Ф.З. Повесть как литературный жанр (К формированию теории жанра в русской литературе первой трети XIX в.)// Проблемы метода и жанра. Вып.3. Томск, изд-во ТГУ, 1976. С. 13

¹⁹⁸ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.117

усиливает драматический накал экспозиции, в этом проявляется своеобразие жанра: «Обращение к читателю в упор нисколько не стесняло авторов, это неотъемлемая принадлежность беллетристического очерка»¹⁹⁹

*«Кто из вас, читатели, не испытал этого на себе! Гораздо большее, горче, видеть того же молодого человека в первое время его приезда в Петербург, который он променял на **мирный кров своей деревни** или своего **провинциального городка**. Вот он здесь, в мире ему незнакомом и чуждом»*²⁰⁰

В этом чуждом и незнакомом мире чиновников, «наш будущий Вико или Беккариа» (как иронично называет героя автор, имея в виду итальянских просветителей) сталкивается с равнодушием мелких чиновников, «дежурного, сердитого, нахмурившегося, ...безмолвного как сфинкс, лежащего близ академии», «чиновной особы», которая «остановилась против нашего провинциала, сухая и холодная, такая холодная, что сердце юноши скоробилось, как мокрое полотно на морозе».²⁰¹ Обезличенность чиновников подчёркивается сравнением со сфинксом, упоминанием не человека, а какой-то «сухой и холодной» особы.

В описании чиновничьего мира видна ориентация на гоголевские традиции. Здесь и ирония «...он ещё не знает, как недоступно это святилище труда или бездейственности, смотря по тому, кто его занимает», и сочувствие «просителям униженным», но есть и меткие сравнения в романтических традициях – «мир тёмный, как осенний петербургский день и неприветный, как лицо иного секретаря в докладной день»²⁰².

Не помогли ни письма матери к сослуживцам отца, ни визиты к ним. Типичная картина нравов мира чиновников – если ты не знатен и не богат, не имеешь достойной протекции, Петербург не примет тебя. Если в описании патриархального провинциального мира интонации повествователя сентиментальные, то в описании столицы – традиции физиологического очерка.

*«Таково начало служебного поприща большей части нашей молодёжи. Которая вся стремится сюда, как будто бы Петербург юдоль счастья, и с таким горьким разочарованием обращает взоры к своему родимому крову, куда возврат так труден и даже часто невозможен. Счастлив, если кто после такого начала сумеет **совладать с собою и со светом** и пробьётся на гладкий путь жизни или, как обыкновенно выражаются, **сумеет сделать карьеру**; но **сколько таких**, которые после первых неудач погибали, теснимые нуждами, отчаянием, наконец, климатом; **сколько таких**, о*

¹⁹⁹ Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М.: Просвещение, 1982. - С.94

²⁰⁰ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С. 117

²⁰¹ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.118

²⁰² Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.119

которых и вспоминать горько, а рассказывать страшно. Таков был **первый шаг в службе, первый шаг в свете**, что всё почти одно и то же, - героя нашей **непреложной повести**»²⁰³.

Реальные наблюдения повествователя, основанные на жизненном опыте, подтверждаются и многочисленными повторами, и контрастными противопоставлениями «родимого дома» и «света», и значением слова «непреложный» (который нельзя нарушить, изменить).

Разные чиновники появляются на страницах повести. Князь Пётр, холодно встретивший «племянника» в начале произведения и совершенно по-другому после оглашения завещания об огромном состоянии (*«человек без состояния не живёт, а прозябает, подставляя голову свою на произвол всем бурям и невздам»*)²⁰⁴

Андрей Иванович Посошков, «начальник какой-то канцелярии или отделения»²⁰⁵ (сравните у Гоголя – «в одном департаменте служил один чиновник»), типичный чиновник, ревностно исполняющий свои обязанности, достойный человек, принявший искреннее участие в судьбе Александра Невзгодина с самого начала.

Ярким эпизодом в повествовании из жизни Андрея Ивановича Посошкова является описание его подчинённого, Тита Поликарповича. *«С последним ударом часов дверь тихо отворилась и в комнату вошёл, на цыпочках, человек самой обыкновенной наружности, одно из тех лиц, которых вы дюжинами встречаете повсюду»*. Несколько раз подчёркивается автором его незаметность, и «дверь отворилась тихо», и «полы своего фрака он придерживал, чтобы они не шумели», и «кланялся он на все стороны», «прокрадываясь вдоль стены на цыпочках». Упоминание об этом «маленьком человеке» как о неодушевлённом предмете подчёркивается заменой «этого лица» местоимением «оно»: «Оно поместилось в конце стола», а «назначение его было заменять собой перочинную машинку для Андрея Ивановича». А в следующем авторском размышлении, обращённом к читателю, дана чёткая оценка явления, не лишённая иронии по отношению как к подобного рода чиновникам, так и к их начальникам. «Случается, что иной начальник какого-нибудь канцелярского места имеет при себе такую ходячую машинку, в виде чиновника, безгласного и безответного, на нём сгоняет он гнев свой,...над ним подшучивает в редкие минуты весёлого расположения духа. Начальник посылает его на почту, жена начальника к модистке, дочь в библиотеку, и так далее; но всё-таки

²⁰³ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С. 119

²⁰⁴ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.133

²⁰⁵ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.122

главнейшею его обязанностью остаётся чинение перьев для начальника, что он исполняет не только с удивительной точностью, но даже с некоторым достоинством.»²⁰⁶

Этот персонаж не играет особой роли в произведении, его описание скорее дань «натуральной школе», с её вниманием к демократическому герою, мелкому чиновнику, описанному в физиологических очерках. Но в отличие от гоголевского Акакия Акакиевича, к которому читатель всё же испытывает сочувствие, авторские ремарки представляют типическое обобщение и содержат нелицеприятную оценку данного социального явления.

*«Можно думать, что канцелярский люд получает от природы своё предназначение, что при самом рождении каждого из них судьба сурово ткнёт его в лоб пальцем, произнеся роковые слова: «Ты будешь мелкий чиновник», и он получает сообразные тому формы и развитие: иначе как объяснить это повсеместное сходство лиц, привычек, даже образа мыслей канцелярских чиновников от Петербурга до Чукотского Носа; ни климат, ни обстоятельства, ни Александринский Театр не изменят их!»*²⁰⁷

Если бы содержание повести исчерпывалось только описанием нравов и быта чиновников, перед нами был бы очередной физиологический очерк. Но повесть предполагает более сложное сюжетное построение, эволюцию героя, драматическое напряжение. И уже название нацеливает нас на прочтение в повести романтического сюжета.

Появление Невзгодина в доме Посошковых связано с образом Ивана Андреевича, участие которого в судьбе Александра поначалу кажется странным. Есть какая-то тайна, которая угадывается при первой встрече. Описание портрета красноречиво. «...Старик, лет шестидесяти, почтенного виду, молчаливый, с лицом, выражавшим *тоску души* или просто апатическое состояние, как это бывает часто у людей его лет, предчувствующих или угадывающих близость смерти»²⁰⁸. В момент встречи «лицо старика оживилось, просияло. – Да, точно, произнёс он тихо, с расстановкой, как бы припоминая себе давно былое, дорогое сердцу: её черты лица, её голубые, кроткие глаза, высокий открытый лоб...»²⁰⁹ История его взаимоотношений с семьёй Александра раскроется в финале повести, именно он станет вторым, после князя Петра, распорядителем наследства Невзгодина. Именно он первым почувствует изменения, происходящие с юным провинциалом в Петербурге. Сначала искреннее чувство к дочери Посошкова Лизе, затем

²⁰⁶ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.125

²⁰⁷ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.125

²⁰⁸ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.122

²⁰⁹ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.123

попытка манипуляции чувствами девушки и её отца, когда место помощника столоначальника было обещано другому, и, наконец, предательство девушки ради положения и связей в обществе.

Образ Лизы написан в типично сентиментальных традициях. На это указывает и имя героини, и её история. Сопоставление с повестью Карамзина «Бедная Лиза» вызывает ряд литературных аллюзий. *«Бедная девушка лишилась матери по четвёртому году своей жизни; она не помнила её ласк, она не знала задушевной, пламенной страсти дочери, которой одной достаточно, чтобы наполнить всё существование девушки до известного возраста. Нет, её любовь хранилась почти непочатая и готова была при первом случае вспыхнуть, пылкая, всепоглощающая»*. Героинь обеих повестей сближают биографические подробности. «Почти неизменно действующим лицом сентиментальной повести были отец и мать героини, причём обязательно овдовевшие. Этим достигался двойной художественный эффект. Утрата одного из родителей накладывала на героиню печать трогательного сиротства и вместе с тем давала возможность показать её дочерние чувства и семейные добродетели, качества, высоко ценимые в сентиментальной литературе»²¹⁰ Эти качества противопоставлены светскому обществу, для которого важны только материальные блага и удовлетворение личных эгоистических потребностей. *«Лизанька росла, воспитывалась, как направляла природа и её собственные желания»*²¹¹ Характерно, что город, в котором выросла Лиза, не испортил её, видимо, потому что она почти ни с кем не общалась. *«Лизанька полюбила Невзгодина всею пылкою страстью, не удерживаемую ни рассудком, ни советом друга»*. Если его не было рядом, *«она опускала на грудь свою опечаленную головку, словно увядающий цветок»*. Образ Лизы выписан поэтично и с любовью. Читатель сочувствует ей и восхищается её поступком в финале. Кульминация – раскрытие тайны завещания, происходит у постели умирающей Лизы. Невзгодин готов жениться на девушке, только чтобы сохранить своё состояние, распорядителем которого, согласно воле отца, является Иван Андреевич, но она не может принять такой жертвы, ей нужна только любовь. Лиза рвёт завещание, выгоняет Невзгодина, противопоставляя ему гораздо более «достойного» – Тита Поликарпыча. Сравнение Невзгодина со змеей, накал последних слов Лизы – трагическая развязка (смерть Лизы), завершает сентиментально-романтическую линию

²¹⁰ Орлов П.А. Русская сентиментальная повесть. (Вступительная статья)// Русская сентиментальная повесть. Издательство Московского университета. 1979. С. 14

²¹¹ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.127

повести. Характерно, что «светская повесть почти не знает произведений с благополучной развязкой»²¹². Казалось бы, перед нами типичная разновидность жанра.

Но финал реалистичен. Он напоминает финал будущей «Обыкновенной истории» И.А.Гончарова. Невзгодин женится на племяннице князя Петра, несмотря на скандал, который устроил Иван Андреевич во время помолвки. Князю удалось объяснить двусмысленность ситуации, и *«теперь они примирились и живут как голубки. – Как кошка с собакой, – прибавлял обыкновенно племянник князя, которому жизнь молодых была очень коротко известна»*²¹³

Превращение восторженного провинциала, который был даже готов отказаться от денег, только чтобы быть рядом с умирающей матерью, в расчётливого эгоиста, типичного *comme il faut*, характерно для эпохи 40-х годов, не случайно И.А. Гончаров назовёт свой роман «Обыкновенная история». Ковалевскому не удалось ещё достичь вершин типизации Гончарова, поэтому и название его повести предопределяет её развязку – любовь (Лиза) и эгоизм (Невзгодин) и позицию автора. Повествователю в повести Ковалевского принадлежит особая роль. Его слово и комментарии сочетают как реалистическую оценку происходящего (например, своя постановка проблемы маленького человека, лишённая сочувствия к самоуничтожающемуся герою, *«Тит Поликарпович, весьма походивший в это время на букашку, воткнутую на две кривых булавки»*²¹⁴), так и чувствительность истинную (образ Лизы). При этом стиль повествователя не исключает и пародию на сентиментальную и романтическую традиции, что проявляется в авторской иронии – *«Он принадлежал ещё к тем верным слугам старого времени, которые, к несчастью, почти переводятся нынче в свете и очень распложаются в романах»*²¹⁵. *«Видите ли, Невзгодин воспитывался в строгих правилах дворянина-помещика: обнимать крестьянок – это можно, почему же? – но крестьянина, слугу, и без всякой важной причины – фи!»*²¹⁶

*«Одна из племянниц князя, княжна Биби, более других перезревшая, нашла это замечание весьма основательным и решила, во что бы то ни стало, употребить в свою пользу эти элементы и соорудить из них чертог супружеского счастья ...»*²¹⁷

Таинственный романтический образ Ивана Андреевича, окутанный тайной на протяжении всей повести, сравнивается в кульминационный момент «пирушки» по

²¹² Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1973. С. 180

²¹³ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.148

²¹⁴ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С. 136

²¹⁵ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.120

²¹⁶ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.122

²¹⁷ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.135

поводу предстоящей свадьбы с Биби с появлением «Вечного Жида», (в 1845 году вышел роман Эжена Сю «Агасфер», что даёт основания для неких литературных аллюзий). Для Невзгодина он действительно стал демоном, для Лизы – ангелом. *«Трудно было узнать в этом старике грозного, повелительного вида, того самого Ивана Андреевича, который грустный, молчаливый, проводил дни в своих креслах и с детской благодарностью принимал ласки своей Лизаньки»*²¹⁸

Драматическая развязка и реалистический финал «светской повести» становятся следующим шагом в освоении жанра повести.

2.3 Повесть как нравоописательный очерк

В отличие от «Любви и эгоизма», жанр произведения «Майорша» не указан в качестве подзаголовка. Название отсылает нас к традиции очерка, в центре которого человек определённого социального слоя, профессии, рода занятий.

Произведение начинается с диалога повествователя с некими лицами, имеющими отношение к военной службе. Им хорошо знакомы несколько майорш (даже некоторые вдовы майоров), они употребляют лексику, характерную для этого слоя общества («штабши» - жёны младших штаб-офицеров в батальонах, так называют их солдаты)²¹⁹. И хотя нет дальнейшего развития выбранной формы диалога, повествователь скорее обращается к читателю, мы принимаем его рассказ о лично увиденном, о том, что ему хорошо известно. Возникает ощущение достоверности происходящего.

С первых страниц дана чёткая оценка явления – «все ...эти майорши, в присутствии моей героини ничто иное.. как звёзды перед солнцем, а солнце, как вам неизвестно, только одно; вы можете быть готовы сказать, что нет ни одного, потому что никогда не видели солнца в Петербурге, но мы знаем его хорошо, также хорошо, как нашу майоршу».²²⁰

Идеальный образ майорши, «в благородном, высокоблагородном значении этого слова», повествователь находит не в столице, и даже не в губернском городе, а в «какой-нибудь дрянной деревушке» (в тексте повести полк «стоял в городе, в одном из тех северных городов, где ряд стриженных берёзок называется садом в английском вкусе»²²¹). Так обозначена пространственная антитеза столицы и провинции.

Достоверность описанию батальонной жизни, как того и требуют законы жанра очерка, придают упоминания якобы реальных исторических событий – до турецкой

²¹⁸ Библиотека для чтения, 1846, т.74. С.141

²¹⁹ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.63

²²⁰ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.63

²²¹ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С. 71

кампании принадлежал к NN полку и отличился при взятии N. Описание боя с янычарами, переданное от лица стариков-солдат, упоминание некоторых деталей боя: «солдатики повесили носы, кое-какие стали было обмываться и надевать белые рубашки, как бы приготовляясь к смерти».²²² Характеристика их командира, тогда ещё капитана Ласькова. Точные характеристики денщиков и офицеров подтверждают реальность происходящего. «Денщик Иван Лебеда, (служил 20 лет), человек верный, преданный своему господину, не пьющий, немножко с хитрецей – он был Малороссиянин, - но без лукавства», «Максимов был другой денщик майора и состоял собственно при нём в качестве камердинера, чем Максимов немало гордился в людской и девичьей». Их речь отличается характерными для солдат интонациями: «Барская служба, что Машка да Дуняшка. Вот мы совсем иное дело. Около *самого* ходим; не за юбками какими ходим, а за амуницией, мундир майорский чистим да эполеты охарашиваем»²²³

Конкретно и точно и описание офицеров. «Капитан Горбылёв был известен каждому солдату и офицеру. Двадцать лет служил он в этом батальоне и не слышал ни от кого худого слова, а уже чего не перебывало в это время на его глазах, каких командиров не пережил он!» Уважение старшего по чину проявляется и в рукопожатии самого Ласькова, «чего не делал даже с младшим батальонным штабс-офицером Побегунчиковым»²²⁴. Побегунчикова (фамилия прямо говорящая) «Ласьков называл фертиком, выскочкой, хотя он уже был лет восемнадцать офицером»²²⁵

Черты нравоописательного очерка проявляются на всём протяжении произведения, раскрывая реалистические детали жизни батальонного гарнизона провинции, но его повествовательный характер осложняется неоднозначными образами главных героев, и прежде всего Майорши и молодого офицера, появившегося в полку. Это и составляет стержень романического сюжета, который позволяет определить жанр произведения **как повесть.**

Описание героини отличается глубокой симпатией, хотя сначала это общие характеристики, не раскрывающие её индивидуальность. «Наша майорша женщина в высшей степени добрая, сострадательная, потому что сама нередко терпела,...умная, потому что ум её созрел в уединении; образованная, потому что частица образования, полученная ею в пансионе, развилась постоянным её обращением с мужчинами; она много читала и много рассуждала о том, что читала». Её роль, подчёркивает повествователь, сопоставляя с ролью мужчины, – облагораживать общество, влиять на

²²² Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.64

²²³ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.67

²²⁴ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.77-78

²²⁵ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.78

нравственную сторону сослуживцев мужа, вступаться за попавших в беду. Её любили и офицеры и командиры. Автор не скупится на эпитеты, «редкая хозяйка», «олицетворённая доброта». Майорша стала частью батальона, который характеризуется как «образцовый, храбрый», «батальон сжился как одна семья».²²⁶

Муж майорши «был нрава ...жёсткого и в общественной жизни тяжёл и самоуправен»²²⁷, ему не удалось «прибрать к рукам Олимпиаду Николаевну». «Твёрдость женского характера вообще и гибкость ума ... восторжествовали над упрямым нравом батальонного начальника».²²⁸ Это торжество не принесло семейного счастья женщине в привычном для нашего понимания смысле. В авторском комментарии впервые будет дана характеристика героини, которая предвосхищает развитие сюжета повести.

«Ласькова была не романтического, не сентиментального характера, но кто из людей, и кто из женщин особенно не мечтает о супружеском эдеме, не представляет себе его светлым, радужным, душистым, полным счастья, гармонии, любви, и кто потом не вздыхал по своём разочаровании! Потерять свою мечту, какова бы она ни была, горько. А это самая душевная, самая пламенная мечта всей жизни, мечта, к которой вечно стремится человек и оставляет её неосуществлённую за гробом». Ласькова «покорилась судьбе без ропота, без слёз, без упрёка против людей». Вся жизнь нашей героини заключалась в жизни полка. Майоршу все «любили как родную сестру и готовы были защищать её со шпагой в руке против клеветы всего света»²²⁹, денщик готов был за неё в огонь и в воду, жизнь отдать. В портрете майорши повествователь отмечает обыкновенные черты: «...не любила наряжаться; летом всегда загорелая, без перчаток и вуаля в самый зной. Большею частью в одном и том же платке до износа. А между тем её всё-таки находили интересной. Непринуждённая, живая, всегда весёлая, она и не думала скрывать свои недостатки или выказывать достоинства; чуждая поэтических мечтаний, которые так часто кружат головы молоденьким женщинам, всегда занятая, проводила она незаметно однообразные дни. Только порою, оставшись одна одинёшенька, - впрочем, это было очень редко – *она опускала свою отяжелевшую голову к руке и невольно задумывалась*: ей чего-то будто не доставало... и чего бы казалось? Довольство окружало её; был даже избыток, но, простите ей, она была женщина, а женщине всегда чего-то не достаёт».²³⁰ (Реалистичное описание внешности героини усиливается романической деталью - выделенная деталь ещё повторится в описании майорши. Ироничность

²²⁶ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.64

²²⁷ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.65

²²⁸ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.65.

²²⁹ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.74

²³⁰ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.68

последнего авторского комментария намекает на проблему женского вопроса, к которому Ковалевский не раз обращался в своих произведениях под впечатлением произведений Жорж Санд.)

Появление в гарнизоне Соторина вызывает негативную оценку офицеров. «Соторин был молчалив, робок, неловок»²³¹, он казался офицерам неумным, «был аккуратен и скуп»²³², жалок, тих и кроток. Сослуживцы недобро подшучивают над ним, что заставляет его искать защиты у Майорши. Какое чувство возникает у читателя? Очередной «маленький человек», достойный жалости и сочувствия. Лишь одна майорша не хочет смириться с положением Соторина в их обществе. «Не может быть, чтобы под этим высоким лбом не было и капли ума, а яркие глаза блестели, подобно гнилушкам, без жару и без блеску»²³³.

И действительно, «поведение Соторина, как ни глуп он казался, по временам представляло в себе что-то странное, порывистое, не совсем сообразное с его апатическим состоянием».²³⁴ Такой странностью показалось уединение во время пикника.

Характер Соторина неоднозначен. Повествователь испытывает этот образ двумя стихиями – природой и музыкой. Герои сентиментальной литературы находятся в тесной взаимосвязи с природой. Пейзаж подчёркивает свойства их характера и раскрывает зачастую его особенности. Показательно описание прогулки Соторина. Он ушёл от сослуживцев в лес, куда глаза глядят. «Место, где он бродил, способно было пробудить мысль из самой глубины души... Вековые дубы застилали ветвями всё небо и составляли как бы купол обширной *храмины*, полный *таинственной тишины*, мелкой поросли вовсе не было под *вечной* тенью деревьев, даже зелень не пробивалась на гладкой, как помост, земле. Всё было *величественно, торжественно*. Роща ниспускалась буераком к реке, которая рассекала её, как стальная полоса, на две части, и тут только небо пробивалось сквозь чащу деревьев, и гляделось в реку вместе с чудно рисовавшимися в ней опрокинутыми деревьями. Соторин тоже поглядел в воду, потом на небо, потом на обширный лес, и остановил на нём свой глаз... Бог его знает, что думал он в это время! Может быть просто рассчитывал, сколько можно получать с него годового дохода, и позавидовал в душе владельцу обширного леса»²³⁵. Восприятие природы даётся повествователем, идеальный мир – с «таинственной тишиной», «вечной» тенью деревьев,

²³¹ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С 69

²³² Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.75

²³³ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С. 69

²³⁴ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.71

²³⁵ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.74

где всё «величественно и торжественно» и напоминает «купол храмины» герою не доступно. Соторин не замечает её красоты, предположение о сумме годового дохода снижает образ Соторина, приземляет его и предсказывает неожиданную развязку.

Но объяснение причины ухода Соторина заставило посмотреть на него другими глазами. Он не смог вынести пения романса офицерами. И в ответ на упрёки о понимании им бурлацкой или солдатской песни, произнёс пламенную речь, которая не могла быть произнесена глупым человеком. «В русской песне изливается русская душа, то несущаяся к разгулу, к дикой свободе, то поющая, то тоскующая. Вслушайтесь хорошенько в этот перелив голосов: слышите... как сокрушается русский человек, как неисчерпаемо глубоко в душе берёт он эти задушевные звуки... А ваши вычурные фразы и чувства стелются, как дым в непогоду по земле... ниже земли...»²³⁶ Предубеждение офицеров против Соторина не позволило им оценить адекватно его речь, проще было назвать его пьяным. Зато майорша «не сводила с него глаз», сквозь её щёки «пробивался смуглый румянец».²³⁷

Именно в его чувстве музыки повествователь и герой оказываются близкими.

Майорша берёт под свою защиту молодого офицера. Сострадание к его унижениям, восхищение его детской стыдливостью и чистотой души заставило её стать покровительницей Соторина и «преобразованного показать потом обществу, как своё творение».²³⁸ Она не замечает странности в его ответе по поводу потери родителей – для него слово потеря воспринимается только в материальном значении, она не прислушивается к мнению одного из офицеров, который сравнивает слова Соторина о своих родителях с высказыванием достойным промотавшегося купеческого сына, а не офицера. И даже то, что его называют «грязным существом» не предостерегает майоршу. С «детским упрямством» она продолжает опекать молодого человека.

В образе Соторина чувствуется некая раздвоенность – личность противоречивая, выдающая себя не за того, кем является на самом деле, изначально вводит в заблуждение не только «майоршу», но и читателя.

О том, что происходит в душе героини, мы можем почувствовать из описания пейзажа. Ковалевский словесно рисует картину, зримо возникающую в представлении читателя. «Были сумерки. Олимпиада Николаевна сидела, *упёршись локотком о подоконник и опустив голову на ладонь руки, пристально, но безотчётно* глядела она на улицу, где происходили сцены самой будничной сельской природы, занимательные на картине Теньера и вовсе не интересные на деле. Мелкий дождик *бусил* и наводил тёмный

²³⁶ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С. 72

²³⁷ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С. 73

²³⁸ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С. 75

колорит на всю картину. **Оборванный грязный** мальчишка плескался в луже. Собака, присев на задних лапах и вытянув морду, жалобно выла, предвещая кому-то беду. Петух приподнял ножку, **кричал благим матом**, вероятно к дождю, потому что тучи заволокли полнеба, остальные полнеба сливалось с сизым низменным горизонтом»²³⁹. Несмотря на всю реалистичность пейзажа, в создании которого Ковалевский использует как звуковую («дождик бусил», «плескался», «выла», «кричал благим матом»), так и цветовую палитру («тёмный колорит», «грязный», «сизым горизонтом»), мы замечаем прежде всего психологическое состояние героини – глядела «пристально, но безотчётно», романтические детали – «предвестие беды», «низменный горизонт», контраст усиливается употреблением просторечных слов и выражений – «бусил», «кричал благим матом», а авторское отношение показано через упоминание картины Теньера (художник фламандской школы, писал жанровые картины и картины из деревенской жизни). Дискуссия о «русском теньеризме» стала предметом литературной полемики в первой четверти XIX века. Имя Теньера «привлекается для определения характера творчества писателя, как реального по направлению, бытового по содержанию. Теньер становится символом реализма в русской литературе, и в таком смысле его имя доживёт до 40-х годов».²⁴⁰ Но в этом описании упоминание «бытовизма» Теньера, скорее, по контрасту с психологическим состоянием героини. Если сравнить похожую деталь в первом приведённом нами примере, то она говорит об ожидании чего-то смутного, неосознанного, а сейчас это ожидание приобретает конкретные черты, хотя сама героиня себе в этом боится признаться.

Отношения развиваются по романтическому шаблону – любовь нарушает привычный образ жизни, майорша уже не желает принимать у себя офицеров, она стала другой, чем вызывает беспокойство окружающих, да и Соторин видит её любовь и вроде отвечает взаимностью. Но развязка приобретает неожиданный характер. Новеллистичность проявляется в стремительном повороте событий. Здесь и тайное расследование Побегунчикова, и чужие письма, и известие о прошлом Соторина, его цинизм по отношению к майорше.

Чтобы понять, что испытала эта искренняя и честная женщина, достаточно сравнить её портрет, данный в финале, с тем, каким он был в начале повествования.

«Наконец Олимпиада Николаевна выздоровела и явилась в обществе, но, увы! это уже была не та майорша, которую мы знали. Загорелые щёки покрылись болезненной

²³⁹ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.78-79

²⁴⁰ Данилов В. Мелочи литературного прошлого (Теньер в русской литературе)//Русский архив, 1915, № 2. С.164

белизною; глаза, прежде всегда влажные, полные игры и выражения, были **тусклы, как-то странно сухи и неподвижны**. Бойкие движения заменялись **медленной** походкой. Во всём существе её выражалась какая-то **нерешительность**. Ко всему **равнодушная, холодная**, в обществе **нетерпеливая, раздражительная** с мужем, она была в тягость себе и другим».²⁴¹

Всё описание построено на антитезе прошлого и настоящего, все эпитеты с отрицательным значением того, что было ранее. Инверсия и параллелизм подчёркивают именно эмоциональное состояние героини

А что Соторин? Его вынудили покинуть батальон, и единственное, о чём он жалел, так только о своей нищете, которая не позволяет ему ответить на оскорбление. «Я должен терпеть, рабски исполнять позорное требование, сносить все оскорбления только ради того, чтобы меня не выгнали из службы, чтоб не остаться без куска хлеба. А сколько негодяев сорят тысячами, покупая за них себе стыд и позор!.. Где ж тут правда?»²⁴²

При этих словах «Соторин кусал себе губы, лицо его посинело, глаза сверкали. **Гадко** было глядеть на это лицо, обыкновенно спокойное, кроткое»²⁴³

Авторская оценка Соторина очевидна. Упоминание о его бедности и объяснении причин недостойного поведения не является для Ковалевского оправданием цинизма и лицемерия. Списывать всё на обстоятельства, объяснять социальными условиями – не в духе автора. «О, я достигну этой цели! Вскрикнул он решительно, как бы вдохновенный свыше..» «Действительно, с таким характером можно достигнуть многого, но едва ли чего-либо хорошего,»²⁴⁴ - читаем мы в финале повести. Это отличает позицию автора от писателей натуральной школы начала 40-х, которые многие проблемы «маленьких людей» объясняли социальными проблемами.

А вот сочувствие к майорше высказано автором в духе сентиментализма:

*«Бедная женищина! Зачем она узнала что такое любовь, что такое счастье в мире. В своей неопытности, в своём неведении, она прожила бы покойно и без него, приняв обычный призрак воображения за самое счастье, за цель жизни. Что она теперь станет делать с жизнью? **Бедная, бедная майорша!** И откуда взялся этот Соторин на гибель ей? И что за злая судьба, преследующая и самых безвредных людей! Точно буря, налетит Бог знает откуда, сомнёт и уничтожит бедное деревцо, которое росло и разрасталось так прямо и красиво... **Бедная, бедная майорша!**»²⁴⁵*

²⁴¹ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С. 91

²⁴² Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.91

²⁴³ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С.90

²⁴⁴ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С. 91

²⁴⁵ Библиотека для чтения, 1849, том 93. С. 92

В этом поэтическом авторском монологе несколько раз повторяется эпитет бедная, что напрямую отсылает к повести Карамзина, указывая не на социальное происхождение, а на состояние её внутреннего мира. Любовь, счастье, призрак воображения, судьба, гибель – высокая романтическая лексика и романтическое сравнение – точно буря, уничтожившая бедное деревце – приметы не нравоописательного очерка, а романтической повести²⁴⁶.

Использование псевдонима Е. Горев подчёркивает драматический характер финала.

После публикации произведения А.В. Дружинин написал рецензию на повесть, в которой отмечает простоту стиля и незамысловатый сюжет: «Написана она чистым языком и заключает в себе несколько простых, не напыщенных подробностей о жизни военных людей, жизни, еще мало исследованной нашими писателями». Указывает и на недостатки.

«Автор повести не рассердится, если я замечу, что завязка его повести показывает в сочинителе совершенную неопытность в изображении женского характера.

... молодая женщина, выведенная на сцену в повести "Майорша", не могла ни в каком случае полюбить молодого подпоручика Соторина, которого ничтожество так ясно было выставлено в первой половине повести. Судите об этом человеке по одному его поступку. Полковые товарищи, зная скупость Соторина, пробрались толпой на его квартиру, зажгли все свечи, какие у него были, произвели беспорядок и начали пировать. Юноша, весь бледный, в отчаянии прибежал к майорше и пожаловался ей, рассказав подробно о поступках товарищей, за что те получили строгий выговор. Как вы думаете, может ли какая-нибудь любовь устоять против такой жалкой выходки?

Автор "Майорши" обещает еще продолжение похождения Ловеласа-Соторина.»²⁴⁷

Действительно, есть некая противоречивость образа Соторина. Его рассуждения о песне показывают нам совсем другого человека, имеющего душу, а все поступки говорят об обратном. Психологически этот образ не достоверен. В этом проявился недостаток мастерства Ковалевского. Это скорее маска, за которой скрываются некоторые романтические штампы. Что касается образа Майорши, то как раз любовь женщины к недостойному человеку была очень распространённым сюжетом в литературе 40-х годов.

²⁴⁶ В рецензии на повесть Дружинин иронично охарактеризует манеру Ковалевского: «Последние страницы повести написаны с чувством и способны породить несколько мыслей в человеке, которого мыслям есть время порхать во все стороны».

²⁴⁷ Дружинин А.В. Сочинения, СПб, 1865. С. 56-57

Сказывалось влияние прежде всего французской литературы, в частности романов Жорж Санд²⁴⁸.

Таким образом, на примере нравоописательного очерка мы видим, как реалистические подробности в изображении обыденности приобретают новеллистический характер и психологическую достоверность, не исключая сентиментальных и романтических включений, придающих повести занимательность и увлекательность.

2.4 Повесть: поиски психологической и социальной достоверности

Интересно в этом отношении рассмотреть ещё одну повесть Ковалевского, в рецензии на которую А.В. Дружинин даёт её краткое содержание.

«Содержание "Людей странствующих" весьма интересно: сильная привязанность молодой цыганки к человеку, который призрел ее в детстве и потом бросил, как ненужную игрушку, успех этой цыганки в московском обществе, странствования её перед приходом в Москву».²⁴⁹

Это произведение интересно с точки зрения сентиментального натурализма, женских образов и литературных аллюзий, которые возникают после прочтения всех беллетристических произведений Ковалевского. Жанровая динамика проявляется в соединении авантюрной повести, сентиментально-романтической, повести-путешествия и повести-воспитания.

Термин «сентиментальный реализм» был употреблён впервые А. Григорьевым²⁵⁰ в разных статьях – о Лермонтове²⁵¹, в „Парадоксах органической критики“ (1864), где говорит он о своих статьях, печатавшихся во „Времени“ под общим заглавием „Развитие идеи народности в русской литературе“: „я должен был повернуть прямо к Гоголю и затем явным образом к первому его органическому последствию, к школе сентиментального натурализма»,²⁵² в незаконченных набросках «Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма». В работе В.В. Виноградова «Школа сентиментального натурализма (Роман

²⁴⁸ О влиянии французской литературы в работах В.И. Кулешова «Натуральная школа в русской литературе XIX века (С.161-166), Реизов Б.Г. «Униженные и оскорблённые» и проблемы зарубежной литературы» //Русская литература, 1972, № 2, с.70-71

²⁴⁹ Дружинин А.В. Сочинения, СПб, 1865. С. 56-57

²⁵⁰ Григорьев А. Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма / Примеч. В. Л. Комаровича // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Под ред. В. В. Гippiуса; Отв. ред. Ю. Г. Оксман. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — (Лит. архив).[Т.] 1. — С. 249—256.

²⁵¹ См. собрание сочинений Аполлона Григорьева под ред. В. Ф. Саводника., М., 1915, в. 7. Лермонтов и его направление. С. 62—67.

²⁵² Григорьев А. Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма / Примеч. В. Л. Комаровича // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Под ред. В. В. Гippiуса; Отв. ред. Ю. Г. Оксман. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — (Лит. архив).[Т.] 1. С.255

Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов»)²⁵³ подробно рассматривается процесс становления этого явления внутри произведений «натуральной школы» 40-х годов. Называя Достоевского «истинным воскресителем обновленного сентиментализма»,²⁵⁴ в основе которого «синтез «натуральных» и сентиментальных форм»,²⁵⁵ что «привело к идейной «нагрузке» новеллы, к переключению в план художественного творчества философского, социологического и иного «внелитературного» материала»,²⁵⁶ на примере «Бедных людей» показывает «возрождение цикла сентиментальных сюжетных схем, приемов рисовки, образов, стилистических аксессуаров, символики. Все это получало новое функциональное содержание, вступая в сложные синтезы с поэтикой живых литературных течений. В результате — у ярких художественных индивидуальностей получались совершенно своеобразные формы сентиментально-юмористической новеллы, «мещанского» «натуралистического» романа, «семейного» романа и т. п.»²⁵⁷

Повесть Ковалевского «Люди странствующие - люди страждущие» была напечатана в журнале «Библиотека для чтения» в январских номерах 1848 и 1849 г.г. Две части этого произведения разделены не только временем публикации (между первой и второй прошёл год), но и местом действия. В первой части события разворачиваются в далёком провинциальном городке Каратабане, во второй - в Москве. «В начале XIX века реальная география становится частью художественной топонимики. Эта традиция, начатая П.Ю. Львовым и Н.М. Карамзиным, позволяет выделить две магистральные темы, связанные с провинцией. Первая тема связана с художественной ономастикой, имеющей реальный географический прототип. Вторая магистральная тема связана с установившейся литературной традицией криптографирования имён описанных городов».²⁵⁸ Ковалевский даёт вымышленное название городу провинциальному, тем самым противопоставляя его реальному названию одной из российских столиц. Несмотря на условность, в Каратабане просматриваются более всего черты города Бийска на Алтае.

²⁵³ Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма/Избранные труды. Поэтика русской литературы.- М.: Наука, 1976. С.141-191

²⁵⁴ Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма/Избранные труды. Поэтика русской литературы.- М.: Наука, 1976. С. 177

²⁵⁵ Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма/Избранные труды. Поэтика русской литературы.- М.: Наука, 1976. С. 173

²⁵⁶ Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма/Избранные труды. Поэтика русской литературы.- М.: Наука, 1976. С. 162

²⁵⁷ Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма/Избранные труды. Поэтика русской литературы.- М.: Наука, 1976. С. 162

²⁵⁸ Козлов, А.Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: монография: Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 48

А подробное описание его географического положения, природных условий не оставляют сомнения в реальности его существования.²⁵⁹ *«Вдоль юго-восточной границы, на пространстве большей частью неизмеренном и неизведанном, между Россиею и ея кочующими соседями тянется Линия. Тут, с нашей стороны, стоят крепостцы, форпосты, редуты, изредка городки, но в сущности это – деревни более или менее обширные, населённые преимущественно казаками, иногда Башкирцами, Мещеряками и чиновниками, обнесённые валом. Поселения эти встречаются обыкновенно расстоянием одно от другого на один переезд, кроме известных пережимов у китайской границы, от которой нужно удалиться вглубь Азиатской России, в самый центр её жизни, чтобы отыскать проезжую дорогу на восток. Только кочующие инородцы, да дикие маралы, да шатающиеся золотопромышленники пролагают себе тут и там путь-дорогу»*²⁶⁰. Неизмеренное и неизведанное пространство Азиатской России, населённое разными кочевыми народностями, определяет и ключевой образ произведения – образ странничества. Эта тема заявлена и в названии, и в эпиграфе повести:

Жить – значит странствовать;
странствовать – жить. Вперёд, вперёд
без оглядки! Где застигнет ночлег, там и стой...
на вечный упокой.

И заглавие, которое А.В. Дружинин назвал «хитросплетённым»²⁶¹, и эпиграф не оставляют сомнения, что героями произведения будут страдающие и странствующие люди, а высокая степень их несчастий подчёркивается старославянским жд, неполногласием – страждущие. Инверсия усиливает поэтический образ. Но романтический зачин, выбор главных героев – странствующих актёров и кочующий цыганский табор – проявляется в дальнейшем повествовании «через определённый тип нарратива, складывающийся на пересечении и сближении семантически различных художественных модусов: авантюрно-плутовского, сентиментально-романтического, иронического и сатирического». ²⁶² Повесть Ковалевского проявляет в себе все эти особенности провинциального сюжета, очень подробно описанных в монографии А.Е. Козлова, но при этом наглядно показывает и реалистические подробности существования героев из разных социальных слоёв общества в традициях натуральной школы.

²⁵⁹ Е.П. Ковалевский несколько лет провёл в Сибири как геолог, золотоискатель, инженер

²⁶⁰ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие // Библиотека для чтения, 1848, т. 86. - С. 87

²⁶¹ Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике. [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420oldorfo.shtml (дата обращения: 12.06.2019)

²⁶² Козлов, А.Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. - С.43

События, сначала разворачивающиеся в провинциальном городке, а затем в столице, объединяет тема искусства и волнующая Ковалевского тема воспитания личности.

«Небогатую событиями провинциальную жизнь разнообразят происшествия. Их, особенно в маленьких городках, не так много, а потому они запоминаются».²⁶³ Таким событием в жизни провинциального городка становится появление труппы бродячих артистов. Обращение к теме мира артистов было достаточно популярным в 40-е годы. Это связано прежде всего с влиянием произведений Жорж Санд на читателей. «Творческое усвоение»²⁶⁴ идей французской писательницы проявилось в «социальности», симпатии к демократическому герою, её талант «живописца природы и психолога»²⁶⁵ оказал огромное влияние на «беллетристические» таланты.²⁶⁶ По мнению Е.Н. Купреяновой, он воздействовал на натуральную школу, «на её реалистические принципы, демократические устремления и социалистические искания».²⁶⁷ «Слава Жорж Санд в России 1840-х г.г. намного превзошла её популярность на Родине».²⁶⁸ В 1847 г. в №1 «Отечественных записок» был опубликован роман «Лукреция Флориани» (отдельное издание в переводе А. Кронберга вышло в приложении к №1 «Современника за 1847 г.)

В «Лукреции Флориани» с любовью показан мир артистов, «в котором человек чувствует себя наиболее свободным».²⁶⁹ Лукреция не только великая актриса, она и драматург, автор пьес. Её мир противопоставлен миру аристократа Кароля. «Лукреция Флориани» - роман, в котором герой колеблется между высоким нравственным идеалом (плебеянка актриса Лукреция) и эгоистическими стремлениями. ... На одном полюсе аристократы – рефлектирующие, страдающие, на другом – простые люди со всей чистотой естественных страстей».²⁷⁰ Описание мира артистов у Жорж Санд не лишено идеализации, для неё всегда важно было показать мир не только таким, как он есть, но и каким он должен быть. Представляет интерес трансформация идей Жорж Санд в повести Ковалевского. В общих чертах перед нами история взаимоотношений аристократа Альпина и актрисы и певицы Ляли, которая будет кратко пересказана в предисловии ко

²⁶³ Голубков С.А. Семантика и метафизика города. «Городской текст» в русской литературе XX века. Самара : Изд-во СамГУ, 2010. С. 111

²⁶⁴ Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. Томск, 1998. С.6

²⁶⁵ Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. Томск, 1998. С.8

²⁶⁶ Купреянова Е.Н. Идеи социализма в русской литературе 30-40 годов // Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969. С. 105

²⁶⁷ Купреянова Е.Н. Идеи социализма в русской литературе 30-40 годов // Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969. С. 105

²⁶⁸ Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. Томск, 1998, С. 74

²⁶⁹ Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. Просвещение. С. 164

²⁷⁰ Жиликова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844-1849). Томск, 1989. С.194

второй части таким образом: *«Альпин, заброшенный случаем в отдалённый городок России, от нечего делать занялся судьбою бедной девочки, дочери суфлёра одной бродячей труппы, и нравственно развил эту дику, восприимчивую натуру»*.²⁷¹

Девочка, выросшая в нищете, впервые оказавшаяся в доме правителя Каратабана, получает не только первые уроки аристократического воспитания, но и знакомится с искусством. Альпин развивает в ней артистический талант и, сам того не понимая, становится тем человеком, без которого теперь уже не мыслит своего существования Ляля. В этом контексте прослеживаются литературные аллюзии с незаконченным романом Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова». Первые две части его были опубликованы в 1 и 2 номерах «Отечественных записок» за 1949 г., но ещё в середине 1848 года, по воспоминаниям П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Достоевский «читал отрывки из своих повестей «Бедные люди» и «Неточка Незванова»²⁷² на собраниях у М.В. Петрашевского. В это же время кружок Петрашевского посещает и Е.П. Ковалевский. Проблемы, связанные с воспитанием, становлением личности молодого человека (ребёнка, девушки), гуманистическое отношение к страдающему человеку, сближают оба произведения. Оба автора находятся под влиянием идей петрашевцев, что не могло не отразиться, при всех отличиях этих произведений, на их творчестве, образе повествователя, типах героев.

На фоне романтической истории воспитания Ляли Ковалевский беспристрастно рисует жизнь артистов, далёкую от романтических иллюзий, создаёт типы героев трагических и комических, вызывающих сочувствие или неприязнь. Авторская ирония пронизывает уже первое появление «поезда необыкновенной наружности». *«Шествие открывала кибитка, обтянутая снаружи кожей, порыжевшей, продырявленной от времени и непогоды, внутри - тиком, некогда пёстрым, теперь принявшим неопределённый цвет глубокой древности. Две толстые клячи чуть не повалились наземь, как скоро бич, рычаг их энергии, перестал хлестать над ними и по ним»*. *«Всего любопытнее было видеть человеческие фигуры, шевелившиеся в этом хламе и несомненно к нему принадлежавшие. Эти люди, выглядывавшие из-за этих лохмотьев, ... покрытых грязью и смолою, были большею частью одеты нарядно, обвешаны блестящими цепочками, женичины — в шляпах с перьями и даже в атласе; дети, собачонки, обезьянки, поросята... Между тем как лица иных, испитые нищетой, других заклеимённые страстями, предопределились по порядку вещей для горя, а не для смеха.*

²⁷¹Ковалевский М. Люди странствующие — люди страждущие// Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 1

²⁷² Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Пг., 1917. Т.1. Детство и юность (1827-1855 гг.). С. 197

Представьте себе всё это, и сердце невольно сожмётся грустью».²⁷³ Наблюдательность повествователя проявляется и в точности и образности описания, реалистичности деталей, и горькой иронии, пронизывающей рассказ об этих существах, напоминающих цыганский табор (*«остановились тут табором»*),²⁷⁴ и в авторском сочувствии сентиментального характера (*«сердце невольно сожмётся грустью»*). Упоминание в одном ряду лохмотьев и атласа, перечисление живности, сопровождавшей это шествие – детей, собачонок, поросят; градация, сочетание лексики высокой (заклеймённые страстями) и низкой (испытые нищетой) подчёркивают разнородность этого сообщества. *«К какому классу принадлежит эта нестройная толпа, не знавшая приличий»*²⁷⁵ не вызывает сомнения ни у правителя Каратабана, равнодушно взирающего на бродячих артистов, ни у самого повествователя. Мир артистов представлен разными типами героев, среди которых импресарио Мурдасов, хозяин труппы, человек о двух лицах. Описание его внешности не вызывает симпатии: *«Его дерзкий вид, рыжие щетинистые волосы, закрученные кверху усы, серые глаза и красный нос изобличали натуру пошлую, буйную»*, да и его поведение по отношению к артистам – это поведение дрессировщика, перед которым актёры ползают, как *«учёная собака перед своим учителем»*.²⁷⁶ Не лишено сатирических красок и представление артистов. *«Вот наш благородный отец, – и он указал на рожу, которая походила более на бандита, ... мастер своего дела», «первый любовник оскалил зубы, как будто хотел укусить Альпина»*. *«Вот наперсник... попивает каналья, да уж зато когда трезв, никому не уступит»*. *«Девушка Амурова с.. наша примадонна, наша слава и гордость»*.²⁷⁷ Ковалевский далёк от романтической идеализации мира артистов. Но среди перечисленных образов-масок (чему подтверждение и говорящие фамилии) есть и герои, характеры которых выписаны более рельефно.

Интересна история актрисы Сонючкиной. В первой части она ведущая актриса, о которой автор говорит: *«Угодить примадонне, которой силу ощущала на себе вся труппа, и угодить этой мишурной царице было нелегко»*²⁷⁸. Но и здесь автор не даёт нам одностороннего взгляда на актрису. Она помогает Ляле в работе над ролью, она следует своим нравственным принципам в отношении «тирана», которому пообещала быть преданной и верной, она не принимает ухаживаний понравившегося ей поклонника по этим же причинам. Это сближает её с героиней Жорж Санд. Во второй части повествования мы узнаём о семье Сонючкиной. *«У меня у самой есть дочка, да чересчур*

²⁷³ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 91-92

²⁷⁴ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 92

²⁷⁵ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 92

²⁷⁶ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 92

²⁷⁷ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие// Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 93

²⁷⁸ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 96

*грамотная была, с барскими детьми обучалась. Вот по пятнадцатому годочку уже была, и сбежала со скоморохами, вот что хари представляют. Не лучше ваших цыган, также по-жидовски крещены. Только моя – то не в них; я было уже и плакать по ней перестала, а она, голубка моя, как выросла, да поразжилась, да, ровно снег на голову, и шлёт за нас выкуп господину; так таки за всю семью чистоганом и прислала».*²⁷⁹ Как и Лукреция Флориани, воспитывалась с барскими детьми, стала актрисой, заработала на выкуп семьи из рабства, даже «как актриса, имела свои правила нравственности»²⁸⁰. Ещё одна черта, сближающая с героиней Жорж Санд – любовь к недостойному. Почти все возлюбленные Лукреции были ниже её в духовном и моральном плане. Амфиза (она же Фesia Соснина) хранит верность сначала Мурдасову, затем негодяю Фридо, «это была простая и трогательная история бродячей актрисы»,²⁸¹ констатирует автор.

Но в отличие от Лукреции, судьба которой описана утопически идеально, Сонюшкина не смогла обеспечить безбедное существование семьи, «мы вольные стали; хоть житьё-то и плохое; за барином лучше было».²⁸² Об этом свидетельствует и описание их жилища, которое «...как будто боится упасть; вместо окон, то вклеенный пузырь, то бумага, пропитанная салом, то просто отдушина, заткнутая тряпьем; стёкла виднелись за редкость. ... Всё было старо, закончено, и прикрыто сводом дыма, который коромыслом выходил из труб»²⁸³. И её скитания от города к городу, в столице, нужда и лишения. Ковалевский изображает русскую жизнь и отражает в повести насущные проблемы российского общества, далёкие от романтической идеализации жизни актёров.

Интересен образ Беднева, фамилия которого говорит сама за себя. «Беднев, суфлёр... самое неблагоприятное существо в мире.... Ни к чему нельзя употребить суфлёра; только на рассылках и служит, да роли переписывает вместе со своей Лялей».²⁸⁴ Как не вспомнить «маленького человека» Самсона Вырина, сущего мученика 14 класса! Вся жизнь Беднева, как и Самсона Вырина, была в дочери, Ляле. Он воспитывал её один, баловал по возможности. Описание гостинцев, этих «сокровищ нищей гастрономии», двух яблок и куска колбасы, как нельзя лучше передают уклад жизни героев. Но в образе Беднева проявляется и ещё одна черта Ковалевского-писателя: загадочность обыкновенного героя²⁸⁵. Восприятие типичного героя натуральной школы меняется, когда

²⁷⁹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 8

²⁸⁰ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 22

²⁸¹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 25

²⁸² Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С.8

²⁸³ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 6

²⁸⁴ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 95

²⁸⁵ В повести «Майорша» таким героем представлен Соторин

мы узнаём его историю жизни. Примечательно, что новый поворот в образе героя происходит через описание пейзажа. Выход за пределы города не только возвращает героя к его прежней, авантюрно-романтической жизни, но и сближает с повествователем. *«Гладь озера лежала зеркалом. На ней отражались полосы **различных цветов, то тёмно-фиолетовые, то прозрачно-голубые** или **ярко-алые**, дивная игра лучей склонявшегося за тучу солнца; за озером подымались горы, одна другой выше. Нижние гряды великолепно переливались **светом и тенями**. Выдавшийся вперёд, возвышенный мыс заслонил город от Беднева. Кругом него всё было **дико, грозно, пустынно**. **Пустынно**, сказал я, как будто природа может быть **пустыней**! Если внутри нас нет **пустоты**, если ... наш не находится в том безотрадном состоянии, в котором человек глух для любви и слеп для красоты, Аристотель прав – **пустоты** не бывает в природе. Не случалось ли вам, среди бесконечной степи, любоваться на тысячу замечательных предметов, на зелень лугов, на блеск солончаков, на зыби песчаных волн, на перелётное облако, стараясь всё **заметить, уловить, уразуметь**, когда вы были довольны и счастливы и наоборот, не приводил ли вас в уныние вид **самый величественный, самый разнообразный и весёлый**, потому только что вас подавляла какая-нибудь **жгучая, мучительная мысль?**».*²⁸⁶ В этой авторской ремарке высокая поэзия, богатая цветовая палитра, градация, инверсия, повтор однокоренных слов, подчёркивающий основную идею утопистов – пустота в природе и в душе человека взаимосвязаны. Очевидно, что это описание мы видим глазами повествователя, но и Беднев способен замечать красоту природы. *«По мере того, как суфлёр удалялся от общей квартиры и оставлял за собою строения, его заботливая физиономия оживилась, сгорбленный стан расправлялся, шаги делались твёрже, шире и ровнее, он приподнял голову и чёрные глаза, дотоле поникшие, устремились свободно вдаль и озирали с любопытством величественную окрестность».*²⁸⁷

Из последующих событий мы узнаём, что Беднев не всегда был суфлёром, что матерью его дочери была цыганка Айша, что в молодости он был в плену в Хиве, отличался храбростью и благородством (спас цыгана, который впоследствии украл у него возлюбленную). С этой историей входят в повесть и тема судьбы, и тема цыганского табора, и литературные аллюзии, связанные напрямую с Пушкиным. *«Кавказ! Что такое Кавказ, к которому в отсутствии всего нового стремится мысль наша по избитым следам Пушкина? Кавказ – пошлее железной дороги. Хива – дело другое. Бухара, Самарканд тут же: там ещё и теперь живёт брат того султана, который был женат*

²⁸⁶ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.101-102

²⁸⁷ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.101

на Шехерезаде и порой, ночью, слушает в своём гареме рассказ русской красавицы о чудесах Севера».²⁸⁸ Описание Хивы выдаёт в повествователе путешественника Ковалевского, хорошо знакомого с этими краями. *«Хива! Знаете ли, что это за бесцветная страна, сколько в этом имени романа, эпоса, баллады и комедии, сколько тайны, слёз и могучего интереса? О чём вы пишете, писатели русские? У вас нет сюжетов для воображения, вы не находите ничего поэтического на равнине русского мира и русской жизни. А Хива, где тысяча и одна ночь доныне в действии, Хива наш Алжир и наш Багдад у вас на границе!»*²⁸⁹

Но рассказ о жизни цыганского табора абсолютно лишён романтических красок. *«Цыган придвинул к нему медный котёл с какою-то грязною жидкостью, в которой плавал кусок сала, подал ложку и сам с жадностью принялся есть»*.²⁹⁰ Натуралистические подробности описания нищенского быта тесно переплетаются с авантюрно-плутовским нарративом – о событиях прошлого напоминает разразившаяся гроза, типично романтический штамп: *«Молния рассекала небо, ярко озаряя и тучи, и горы, и леса, вставшие неопределёнными образами»*. *«Та ночь была страшнее, правда... В ту ночь и небо гремело громче, и горы глядели угрюмее...»*. Рассказ цыгана приоткрывает завесу тайны Беднева - Аль-Никуля. Цыганка Айша - словно героиня поэмы Пушкина, только далёкая от романтических иллюзий прошлого, познавшая суровую реальность. Её рассуждения о потере молодости, красоты и силы не лишены поэтичности: *«Я знаю, куда всё это девается: оборвёт ветер вместе с лохмотьями платья, обгложет нужда или высосет горе. Почти лучшие и не иметь их, чтобы потом не жалеть и не маяться; почти лучшие и не родиться, не знать всех мук, что испытали мы, отдавая и молодость, и красоту за кусок хлеба; или уж кто родился в сорочке, так скорее и умирай... жалеть об умерших не должно: они спокойны и счастливы»*²⁹¹.

Ещё одно упоминание поэмы Пушкина появится во второй части. Теперь уже с её героем будет сравниваться Альпин: *«он, подобно Алеко, наконец, хочет оставить свет и поступить в цыганский табор, жениться на Ляле, и даже переменить веру»*.²⁹²

Гордый, уверенный в себе в среде цыган, Беднев абсолютно меняется, когда возвращается в город: *«...Беднев вошёл в город. Тут он вступил в свой обыкновенный круг труда и унижения. По мере того, как он оставлял за собой величественные картины природы и являлся перед рядом бедных домиков, душа его съёживалась: робко проходил*

²⁸⁸ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие// Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.106

²⁸⁹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 106

²⁹⁰ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.104

²⁹¹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.108

²⁹² Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С.49

он по улицам, где уже было пусто, и торопливо снял шапку, поравнявшись с домом импресарио, хотя на дворе было совсем темно»²⁹³. Последняя деталь – реальная черта маленького человека, в которого превратился Аль-Никуль... И судьба его трагична – не выдержав бед и лишений, причиной которых стал отказ Ляли играть на сцене после отъезда Альпина, Беднев умирает, оставив дочь на попечении матери, в своё время бросившей её.

Вторая часть повествования переносит место действия в Москву. Случайно, или нет, но название произведения в 1849 году отличается знаком препинания. Первая повесть «Люди странствующие – люди страждущие», словно противопоставляет жизнь странствующих актёров жизни цыганского табора. И неизвестно, кто из них страдает больше? Название повести второй «Люди странствующие, люди страждущие» снимает это противопоставление, все странствующие люди в этом контексте одинаково страждущие. И это становится очевидным с самых первых страниц. Если первая часть начинается величественным описанием просторов России, красоты её природы, которая лежит на одной широте с Берлином, то часть вторая начинается с движения в обратную сторону: *«По столбовой дороге, с далёкого восточного края России, тащились какие-то полуразвалившиеся пошивни с рогожанным оборванным навесом, запряжённые пегою клячей»*.²⁹⁴ Это не странствие актёрской труппы, это передвижение цыганского табора. Из описания их странствия исчезают ироничные и сатирические ноты первой повести. *«Всё это было **оборвано, общарпано, нище**, несмотря на стоявшую **стужу**; всё было **изнеможенно**, но ничем не обнаруживало своих **страданий**, будто ни одно из действующих лиц этой горькой драмы не замечало своего **плачевного положения**, и порою даже слышалось мурлыканье весёлой песенки и виделись прыжки собаки или человека; только **бедная** девочка шла **печальная, задумчивая**. Иногда она ускоряла свою походку, но от **изнеможения**, или, поджидая своих спутников, останавливалась, и тут взор её, обращённый назад, наводил на неё мысли ещё **грустнейшие**; **слабая, больная**, она пускалась опять без оглядки по рыхлому, **избитому** снегу, в котором на каждом шагу **грузли** её ноги»*.²⁹⁵ Усиление ощущения обезличенности движущихся людей через градацию повторяющихся кратких причастий, аллитерацию шипящих и взрывных согласных, становится ещё более рельефным за счёт упоминания зимней стужи и равнодушного, привычного отношения действующих лиц этой драмы к происходящему. Это повествователь отмечает их «плачевное положение». На общем фоне выделяется

²⁹³ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 110

²⁹⁴ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие// Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 1-2

²⁹⁵ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С.2

только «бедная девочка», только её автор наделяет эпитетами, «печальная, задумчивая, слабая, больная», превосходная степень употребляется и в описании её мыслей – «грустнейшие». Эта героиня Ляля, о судьбе которой подробно повествуется в первой части. *«Девочка лет 13 или 14 с милым, бледным личиком, бойкими карими глазами и особенной грацией в движениях»*,²⁹⁶ такой увидел её Альпин, и *«от нечего делать занялся судьбой бедной девочки»*. Он развил в ней талант актрисы, обучил музыке, *«принимал в ней безотчётное участие»*²⁹⁷. *«Ляля, подобно деревцу, растущему в тени, тянулась всё вверх. Её душа, пылкая, жаждавшая выразиться в ком-либо или в чём-нибудь»* обрела смысл жизни в Альпине. *«В Ляле была странная смесь эгоизма и безусловного самопожертвования, ребяческого каприза и силы воли удивительной, как будто в ней отразились все случайности и беспорядочность её рождения»*.²⁹⁸

История Альпина тоже связана с искусством. В его портрете подчёркивается отличие от провинциалов Каратабана. *«Лицо скучно, брови нахмурены. Блестящие глаза, обведённые тёмными полукругами; бледные, впалые щёки; редкие волосы, выдавшиеся скулы, показывали, что этот человек жил **другой** жизнью, не каратабанскою.»*²⁹⁹ В середине XIX века «жизнь в провинции традиционно соотносилась с пребыванием в ссылке».³⁰⁰ В 1834 г. был сослан в Пермь, а потом в Вятку А.И.Герцен, в 1840 вернулся в Петербург, в 1841 г. снова сослан в Новгород. В ссылке на целых восемь лет за повесть «Запутанное дело» в 1848 г. окажется М.Е. Салтыков-Щедрин, тоже посещавший пятницы Петрашевского. С М. В. Буташевичем-Петрашевским они учились в Царкосельском лицее.

Мы не знаем, за какую провинность Альпин, так зовут главного героя, оказался вдали от столицы, лишь по некоторым деталям можно догадаться, что он здесь не по своей воле. *«Ведь вы сами писатель... Улыбка невольно скользнула по бледным губам Альпина и исчезла, оставив лицо его ещё мрачнее»*³⁰¹, *«Вы восхищаете читателя в тишине его кабинета, мы поражаем зрителя с подмостков – сравнение укололо Альпина»*³⁰². В этих авторских ремарках лишь намёк на прошлое героя, которое, по-видимому, было связано с писательским трудом. Но в дальнейшем это предположение никак не оправдывается. Что укололо Альпина? Сравнение с бродячими артистами – какая

²⁹⁶ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.94

²⁹⁷ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие// Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 132

²⁹⁸ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.116

²⁹⁹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 88

³⁰⁰ Козлов, А.Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С.86

³⁰¹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.96

³⁰² Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.93

горькая ирония, он, блестящий некогда аристократ, и они, существа низшего порядка, «странствующие скоморохи»,³⁰³ или упоминание о его творчестве? Перед нами типичный страдающий эгоист, разочаровавшийся в жизни, не сумевший найти себя в роли правителя Каратабана. (Кароль из «Лукреции Флриани»?) *«Во всём проявлялось смутное, тревожное чувство, не дающее покою обитателю дома, отсутствие труда, нервическое раздражение мысли, переходившей от предмета на предмет и ни одного не усвоившей».*³⁰⁴ Альпин реально оценивает ситуацию, осознаёт своё бездействие и страдает от этого: *«... что сделал я? какую пользу принёс для других? какую радость для себя... И что предпринять мне здесь, где приковала меня судьба? Судьба! Одна эта мысль волнует меня и бесит, не позволяет мне приняться за дело, потому что всякое серьёзное дело требует покою тела и духа. Я не знал принуждения с детства; я думал, я был уверен, что никто не посягнёт на мою волю: вышло иначе... и это томит и мучит меня. Другие думают, что я спокоен, когда сижу неподвижно в своих креслах, а я едва удерживаю своё сердце от взрыва.»*³⁰⁵ При этом Альпин как правитель уважаем в городе. *«Все знали строгость правил Альпина, его благородство, его неподкупность, его совершенное бескорыстие».*³⁰⁶ Его одарённость как музыканта впервые поразила Лялю, когда она слышала игру на фортепьяно. Это стало первым шагом к развитию её музыкального таланта. Да и талант актрисы смог проявиться только после вмешательства Альпина – выделив Лялю из всей труппы, занявшись девочкой от нечего делать, пробудил в ней настоящую любовь и к нему, и к искусству.

Но судьбе было угодно изменить планы Альпина. В новой жизни бывшего правителя Каратабана не было места для Ляли. Судьба – один из важных образов первой части повести. На судьбу сетует Альпин в период своего затворничества в провинции, *«этот взрослый мужчина, избалованный от колыбели судьбою, и упрямылся и капризничал против судьбы, которая в первый раз осмелилась не исполнить его воли».*³⁰⁷ Совсем по-другому воспринимает судьбу Ляля – *«судьбе никогда и в ум не приходило, чтобы у этого голодного существа была своя воля. Ляля принуждена была исполнять её сама, без ведома судьбы».*³⁰⁸ *«Судьба!... что такое судьба?... Я сама сделаю себе свою судьбу. О, ты не знаешь к чему я способна».*³⁰⁹ Используя определённые штампы на уровне фабулы, характерологии, Ковалевский показывает своё «осмысление литературной

³⁰³ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.96

³⁰⁴ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие// Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.89

³⁰⁵ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.136-137

³⁰⁶ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 138

³⁰⁷ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 137

³⁰⁸ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 137

³⁰⁹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 147

традиции».³¹⁰ Аристократ, не замечающий «натуральной» любви «ребёнка», не верящий в любовь («*Любви не существует на свете. Любовь вспыхивает и проходит*») – сюжет не новый в литературе. Реминисценции с «лишним человеком» Пушкина и Лермонтова дополняются историко-культурным контекстом: «*Любовь ребёнка казалась ему странною неправильностью в природе. Беттина Брентано была точно так же влюблена в Гёте, и Гёте точно так же отвечал ей на страстные порывы полунежною холодностью. Между тем Беттина была несколько старше Ляли: ей считали тогда шестнадцатый год, но она, впоследствии, считала это ещё совершенно ребяческим возрастом*»³¹¹. Мотив предопределения человеческой судьбы звучит и в романтическом предсказании цыганки Айши, слова которой изначально не были понятны Ляле, а только напугали её. «*Не дрожи, моя крошечка: кориун ещё в небе реет; а кукушки не бойся... вот как спустится над тобою близко враг, ты сама кинешься в гнёздышко кукушки. А кориун недалеко, моя пташечка... бойся его... будешь долго помнить клюв его да когти; будешь каяться, да поздно*»³¹². Судьба приведёт её в цыганский табор, подарит встречу с колоритным персонажем Кохом, заметившим её талант певицы,³¹³ это второй шаг в развитии её таланта, судьба сделает её одной из самых известных цыганских певиц Москвы, судьба отомстит Альпину за его холодное равнодушие к бедной девочке. «*Послушайте, кузен! Не шутите с женщиной: вас когда-нибудь накажет она, а не она – так бог за неё*»,³¹⁴ - в этих словах Авериной, влюблённой в Альпина, тоже предсказание его судьбы.

Эта романтическая фабула развивается на фоне реальных событий и фактов, вкраплённых в сюжетную канву Ковалевским. Анекдот о де-Лине, великом полководце, который и в 80 лет не хотел смириться со старостью, а умер от обыкновенной простуды после несостоявшегося свидания, имеет реального прототипа – Линя, немало сделавшего для России, скончавшегося 13 декабря 1814 года в Вене. В устах отца Альпина эта история – гимн любви, которой все возрасты покорны.

Да и история триумфа Ляли в Москве тоже сопровождается конкретными фактами. Восхищение талантом Ляли «*Чудо, от которого с ума сходит вся Москва! На которое сама Каталани обратила своё внимание. Да, она её слушала и заслушалась! Каталани*

³¹⁰ Козлов, А.Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 69

³¹¹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 148

³¹² Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 128

³¹³ История Коха очень напоминает судьбу Лемма из «Дворянского гнезда» И.С.Тургенева

³¹⁴ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 39

ничто перед нею»³¹⁵ отсылает нас к истории цыганки Стеши, на концерте которой действительно была известная оперная дива Каталани.³¹⁶

Противопоставление столицы и провинции как двух различных миров показано Ковалевским в традициях литературы 40-х годов, но в отличие от повести «Любовь и эгоизм», описание провинции лишено идеализации. Используя устойчивый иронико-сатирический модус, автор рисует нам нравы как провинциальной, так и столичной публики: «Каждый провинциальный городок имеет свой зверинец, своих львов»³¹⁷ (Каратабанск), притязания на любовь цыганки московских «львов» мало чем отличаются от притязаний провинциальных; общая черта провинции и столицы – сплетни. *«Образование Каратабанцев в цивилизации совершалось удивительно успешно: они наконец зажили историческою жизнью народов – сплетнями. Сплетни шли за событиями и даже опережали их»*³¹⁸. *«Говорили, что он дрался с каким-то трактирным героем, встретившись с ним у Ляли; что он не выходил от Цыган; что он, подобно Алеко, наконец хочет оставить свет и поступить в цыганский табор, жениться на Ляле, и даже переменить веру; Москва хитра на выдумки»*.³¹⁹

Есть и устойчивые сюжетные штампы в восприятии столицы. Отказ взять с собой в столицу Лялю Альпин объясняет заботой о её благе: *«Да, Петербург заманчив, слава его соблазнительна! Но, мой друг, слава в столице то же что блуждающие огоньки на сибирском болоте. Берегись её, Ляля! У тебя не станет ни сил, ни бодрости перейти это болото: ты пропадёшь в нём. Не такие как мы гибли, завлечённые обманчивым призраком. Не пускайся в Петербург, послушайся меня, будешь горько каяться»*³²⁰. *«Ты видела здесь это страшное чудовище, что зовут нищетой, но ты видела только его когти: ты ещё не знаешь его пасти, не знаешь, что такое нищета в столице... О! это*

³¹⁵ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 30

³¹⁶ Первый ее концерт в России был дан 26 мая 1820 г., через несколько дней после высылки Пушкина на юг. В июле того же года Каталани пела в Москве, где В. Л. Пушкин поднес ей хвалебное четверостишие на франц. яз. Пушкин много слышал об ней от своих друзей, в частности от Нащокина, который рассказывал между прочим, что Каталани слушала пение цыганки Стеши (матери сожительницы Нащокина). Пушкин посвятил ей строки в стихотворении «Княгине З. А. Волконской» (1827)

Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой

³¹⁷ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.124

³¹⁸ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.138

³¹⁹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.// Библиотека для чтения, 1849, т.93. С.49

³²⁰ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.146

*ужас!.. это бездна!.. Я ни за что не толкну в неё тебя сам, своей рукой».*³²¹ - *Я вытерплю всё... лишь бы ты был в Петербурге.*³²²

Иронию использует автор и в описании провинциальной семьи Байбаинькиных. Их связь с искусством проявляется, пожалуй, только на уровне сравнения с живописью фламандцев, к которой Ковалевский обращается во многих своих произведениях.

Вопрос о живописи Теньера актуален как для русской литературы 30-40х г.г., так и для эстетики «натуральной школы». Если в 20-е годы имя Теньера упоминалось в связи с лёгким изображением низкой действительности, то «в послегоголевской литературной традиции <...> становится символом безыдейности».³²³ Н.В. Гоголь во второй редакции «Портрета» упоминает Теньера как модного художника, которому отдаёт предпочтение богатая дама, заказывающая портрет дочери у Чарткова. Она желает видеть в портрете дочери больше простоты. «Упоминание имени художника в таком контексте свидетельствует о том, что Гоголь не ставил Теньера в один ряд с «великими фламандцами», у которых учился и его молодой художник, создавший идеальную картину, и Чартков, когда был с талантом, «пророчащим многое». Более того, когда Чартков разглядывает товар картинной лавочки на Щукином дворе, то среди «пёстрых, грязных, масляных малеваний», в которых выразилось «всё глубокое унижение» искусства, он видит фламандского мужика с трубкою и выломанною рукою, похожего «<...> более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека<...>».³²⁴ В этом контексте ироничным звучит упоминание «кричащего благим матом петуха» в жанровой картинке Ковалевского из повести «Майорша». Как забавная картинка из жизни провинции показана Ковалевским и сцена сумерничания в доме Байбаинькиных.

*«Сумерничать - выражение местное, чрезвычайно меткое; оно значит - сидеть в бездействии, в совершенном покое тела и мысли, когда день склоняется к вечеру, а семейная экономия не позволяет подавать свечей, когда человек уже покончил труды и заботы дня, рассчитался и простился с ним навсегда, бросил эту новую каплю в море вечности и с удовольствием ждёт ночи, а с нею забвения и счастья. Сумерничать – дело хорошее, но не всякому даётся талант сумерничать».*³²⁵ Такое ироничное описание времяпрепровождения провинциального семейства перекликается со словами В.Г. Белинского о Теньере: « <...> живописец пошлости жизни голландского

³²¹Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.// Библиотека для чтения, 1848, т.86. С.147

³²²Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 147

³²³ Кузовкина Т. Гоголь и Теньер (К вопросу о том, как изображать действительность)//Лотмановский сборник.З./ Редакторы Л.Н. Киселёва, Р.Г.Лейбов, Т.Н, Фрайман. – М.: ОГИ, 2004. С. 299

³²⁴ Кузовкина Т. Гоголь и Теньер (К вопросу о том, как изображать действительность)//Лотмановский сборник.З./ Редакторы Л.Н. Киселёва, Р.Г.Лейбов, Т.Н, Фрайман. – М.: ОГИ, 2004. С. 301

³²⁵Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.// Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 119

простонародья».³²⁶ *«Широкий лоб показывал, что под ним могла поместиться мысль, а общая молва утверждала, что Бог не даром дал ему талант. Около этого человека суежилась и хлопотала женщина... Она походила на лёгкий кавалерийский отряд, осаждающий отовсюду крепость, идущую на неё приступом и налётом; но крепость не сдавалась. Толстый кот, съёжившись на лежанке, поглядывал, прищурив глаза на её манеры; в углу, на столике ворковал кипящий самовар, который, казалось, считал себя семьянином: группа совершенно Теньеровская».*³²⁷ Упоминание фламандского художника, мастера жанровых сцен, который идиллически показывает крестьянский быт, в контексте провинциального описания говорит об определённых штампах в восприятии семейных взаимоотношений, в одном ряду которых упоминается съёжившийся кот и воркующий самовар. Для художников «натуральной школы» уже недостаточно только нарисовать быт как забавную картинку, жизнь требовала «идейного наполнения «теньеровских» картин».³²⁸ И такую функцию выполняет во всех повестях повествователь.

Образ повествователя становится ключевым в структуре повести. Это отражает и тенденции развития повести в 40-е годы, и индивидуальность Ковалевского. Обращение к читателю давало «возможность сочетать объективность воспроизведения действительности, иллюзию жизненной достоверности с «субъективным» элементом, который выражался в разных формах, и в том числе в публицистической оценке изображаемого автором-рассказчиком».³²⁹ Сказывается опыт Ковалевского в создании очерков.

Путь, который проделала главная героиня через всю Россию, лишён романтики – это тяжёлое странствие с цыганским табором, не лишённое авторских обобщений. *«И вот они идут, да идут, отсчитывая шагами прожитое время, а временем пройденное пространство. И протёк мимо их месяц, и другой, и много их прошло, не промелькнувши перед ними ни одной блёсткой довольства, не только счастья, и что всего хуже, - они не вернутся, чтобы попытать в них ещё на другой лад счастья. И вот потянулся перед ними город, другой, темно, безжизненно, тюрьмы высятся из-за них, смотря грозно на наших путников, которые бегут от них, как от своих преследователей. И одним им, моим бедным Цыганам, предназначен тяжкий путь в жизни!»*³³⁰

³²⁶ Белинский В.Г. Полн.собр.соч.: В 13 т. М.,1953-1959. Т.10: Статьи и рецензии. С.243

³²⁷ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.// Библиотека для чтения, 1848, т.86. С. 118

³²⁸ Кузовкина Т. Гоголь и Теньер (К вопросу о том, как изображать действительность)//Лотмановский сборник.З./ Редакторы Л.Н. Киселёва, Р.Г.Лейбов, Т.Н, Фрайман. – М.: ОГИ, 2004. С. 302

³²⁹ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1973. С. 335

³³⁰ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.//Библиотека для чтения, 1849, т.93. С.18

Сочувствие к «бедным цыганам» проявляется и в употреблении эпитета «бедные», и притяжательного местоимения «мои», и города сравниваются с тюрьмой, а путь их – безрадостен и однообразен. Авторский лиризм пронизывает всё повествование (ритм его прозы узнаваем, повторы, инверсия, синтаксический параллелизм). Но наиболее ярко проявляется в описании природы.

Изображение природы для Ковалевского имеет как конкретное, так и символическое значение. Он точен в описании деталей пейзажа, и в этом проявляется поэтика «натуральной школы».

*«В одном из таких мест, ...природа, как бы вышедши из долгого усыпления, раскинулась широко и размашисто. Горы, покинув низовья плоской пустыни, занимающей полкрая этой части южной России, идут гряда за грядой, повышаясь незаметно, и вдруг, подойдя к самому Каратабану, **встают грозно, величественно, и обступают его со всех сторон, как бы для того, чтобы охранять поселение или с изумлением, негодованием смотреть с высоты своего величия на его мелкую жизнь, на его расходные страстишки, на его мелкие нужды.** ... земля, по особенным обстоятельствам, которые очень искусно объясняют геологи, затряслась, сморщилась, сдула свою кору и **выдавила из себя Алтай**»³³¹. В этом ярком романтическом описании, построенном на контрасте в восприятии величественной природы и мелкой жизни людей, населяющих город, проявляется поэтическая натура автора. Здесь и образные сравнения, олицетворения, точные оценочные эпитеты, здесь и геологические познания, обличённые в метафору.*

Но пейзаж важен и для изображения психологии героев. Те из них, кто умеет чувствовать природу, близки автору – петрашевцу. Натура, естество, близость к природному началу отличает все повести Ковалевского.

Например, Ляля отличается от цыганского племени близостью к природе. *«Ею овладело бы непременно то немое бесчувствие, тот кретинизм, который постигает детей, возросших в суровой, бесчеловечной школе, ... но у неё был свой покровитель, поддерживающий её нравственное развитие, не допускающий организм её упасть до точки замерзания всех чувств; это природа, среди которой она находилась, которую понимала во всей её дикости и суровости, которой сочувствовала, поверяла тайны своего сердца. Как чудна была в её глазах эта ель, заваленная снегом; **она гнулась под тяжкой ношей, но не ломалась, терпеливо, неподвижно сдерживала она её на мощных ветвях своих, и это бремя обращалось ей в красу, горело от ярких лучей солнца и матом отражалось на месяце.** А эти лучистые искорки на бесконечном полог*

³³¹ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие.// Библиотека для чтения, 1848 г., т.86. С. 88.

снегов, словно млечный путь звёзд на небе!.. а эти алмазные сталактиты, опускающиеся с повисших деревьев, как бахрома!». ³³² Это восприятие пейзажа мы видим глазами повествователя. Не все герои способны замечать красоту природы. Смена настроения от бесчувствия, вызванного холодом и лишениями, до эмоционального подъёма от красоты зимнего леса присуща сентиментально-романтическим героям, природа помогает раскрыть их внутренний мир. Невольно возникает сравнение героини с этой чудесной елью, которая гнётся под тяжестью невзгод, но не ломается, «бремя превращается в её красу».

Такое взаимопроникновение романтических элементов в реалистическое описание наблюдается во всех повестях Ковалевского. Особенно показателен в этом смысле финал «Людей странствующих, людей страждущих».

Сходство произведения с жизнью мы наблюдаем не только в натуралистических описаниях жизни и быта его героев. Финал произведения открытый. Мы оставляем героев в момент их свидания, которое заканчивается арестом Альпина в то время, когда ему сообщили о тяжёлом состоянии отца. Провидение словно напоминает Ляле о её поступке во время похорон отца. Драматический финал оставляет героев в неведении – Альпин думает, что это Ляля устроила засаду. *«Ляля в истерическом припадке, хохоча и плача, как безумная, осталась одна в тёмной комнате, на сыром полу»*. ³³³ Мелодраматическая развязка оставляет читателя в ожидании продолжения истории. Здесь Ковалевский следует традиции не только Пушкина, но и Жорж Санд, которая считала, «чтоб больше было сходства с действительной жизнью», роман вообще не должен иметь конца, поскольку он «не что иное, как эпизод из жизни» (Отеч.зап. 1847, т.50. Январь. Отд. 1, С. 229-230). Здесь Санд подходила к идее открытого финала, ставшего важным элементом романа и драмы новейшего времени». ³³⁴

Как незаконченное восприняла произведение Ковалевского и критика. Известен отзыв на повесть Дружинина А.В. В «Письмах иногороднего подписчика о русской журналистике» (Письмо 3, февраль 1849 г., было напечатано в «Современнике») отмечая Ковалевского как писателя, «без сомнения, соединяющего в себе и ум, и вкус, и жизненную опытность», не видит у него «успеха в беллетристических попытках». Объяснение этому Дружинин находит в излишней поспешности писателя «при создании характеров и происшествий, <ему> недостаёт терпения и охоты обдумывать подробности своего произведения». «Читая его спешный и сжатый рассказ, так и видишь, что рассказ

³³² Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие. // Библиотека для чтения, 1849, т.93. С.3

³³³ Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие. // Библиотека для чтения, 1849, т.93. С. 61

³³⁴ Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. Томск, 1998, с.166

этот писан любителем путешествий. Все происшествия совершаются впопыхах, действующие лица будто не в состоянии дня прожить на одном месте: вся эта публика ездит, странствует, торопится, годы мелькают как минуты; героиня рассказа, бывшая дитятей, через пять строчек становится взрослою девушкою, - еще одна страница, и она приобретает себе громкую славу из-за прекрасного своего голоса. Беда читателю!». Нельзя не согласиться, что критика Дружинина справедлива. Но рассматривая повесть Ковалевского в контексте литературы 40-х г.г., мы видим, как трансформируются искания русской и зарубежной литературы указанного периода. В ней нашли отражения как различные модусы нарратива - авантюрно-плутовского, сентиментально-романтического, иронического и сатирического, искания натуральной школы, и различные уровни событийности, проявляющиеся как в сюжетных схемах и штампах, так и в оригинальном способе изображения действительности.

С точки зрения развития жанра повести, нельзя не вспомнить и влияние романа-фельетона на её формирование. Тайна происхождения героини, авантурный сюжет, любовь аристократа и плебейки, динамичность повествования, описание жизни низов общества – были «освоены» Ковалевским в романе-фельетоне «Петербург днём и ночью».

Таким образом, рассмотренные нами повести Е. Ковалевского позволяют окунуться в мир русской литературы 40-х годов. В них нашли отражение искания русской литературы в формировании метода и жанра, были обозначены тенденции развития от литературы сентиментально-романтической через натуральную школу к реализму. В нарративе Ковалевского присутствуют разные типы повести: историческая, нравственно-бытовая, но все они приводят автора к социальным проблемам, которые в 40-годы 19 века особенно актуальны для писателя-петрашевца. Поэтому не случайны точки соприкосновения с Достоевским, особенно в поэтике сентиментального натурализма, в переключке проблем (воспитания, становления ребёнка, искусства) и способах создания характеров.

3. Роман-фельетон «Петербург днем и ночью»..

Ковалевский Е.П. – автор одного из первых фельетонных романов в России.

В словаре литературоведческих терминов даётся такое определение фельетона: «Фельетон (от франц. Feuilleton) – жанр художественно-публицистической литературы, жизнь которого тесно связана с жизнью газеты и журнала. Он родился в 1800 г., когда во французской газете «Journal des Debats» впервые появился листок-вкладыш, заполнявшийся обычно театральной хроникой, модами и разными «мелочами». Вскоре вкладыш был заменён особым «подвалом», отделявшимся от остального материала газеты линией отрыва. Таким образом, первоначально термин «Ф.» служил не столько для обозначения жанровой принадлежности, сколько для обозначения места печатания материала... Широкое распространение получил позже и другой взгляд на Ф. – как на произведение, помещаемое с целью «оживления» газеты или журнала.»³³⁵

Г.М. Фридендер пишет, что «форма «фельетонного романа» (или романа-фельетона) родилась на Западе в 30—40-х годах XIX века под влиянием развития газетной и журнальной прессы. Романами-фельетонами стали называть во Франции, а затем и в других странах романы с «продолжением», печатавшиеся в «подвалах» газет или на страницах журналов (обычно в течение всего года) и переходившие из номера в номер. Поставщиками романов-фельетонов на Западе были зачастую второстепенные буржуазные беллетристы, не ставившие перед собою иной цели, кроме внешней занимательности. Но формой романа-фельетона охотно пользовались и многие крупные зарубежные писатели — романтики и реалисты, в частности Бальзак, Гюго, Диккенс»³³⁶.

Что привлекало современников в фельетонном романе? Занимательность сюжета, криминальные истории, семейные тайны, роковые страсти, простота изложения и доступность восприятия.

В середине XIX века самыми читаемыми авторами в Европе и России были «авторы романов с продолжением», и в первом ряду – «триумвират Сулье – Сю – Дюма»³³⁷. Распространение жанра романа-фельетона обусловлено как социально-экономическими, так и общественно-политическими причинами. Французская литература 1830-1840 г.г. стремилась «насытить художественные сочинения историко-социальной проблемностью, отражающей дух эпохи»³³⁸. Отсюда и «дидактизм», и «эстетика актуальности», что характерно для журналистики в целом, и коммерческая составляющая

³³⁵ Словарь литературоведческих терминов. Москва, «Просвещение», 1974. – С. 433-434

³³⁶ Фридендер Г.М. Реализм Достоевского. Ленинградское отделение издательства «Наука», 1964. С.127

³³⁷ Французская литература 30-40-х годов XIX века: "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М. : Наука , 2006. С.399

³³⁸ Французская литература 30-40-х годов XIX века: "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М.: Наука , 2006. С.400

- конкуренция между периодическими изданиями, роман должен был хорошо продаваться, интерес публики поддерживаться на протяжении долгого времени. «Умение французских писателей действовать всегда на массу»³³⁹ подчёркивал В.Г.Белинский в критическом обзоре «Русская литература в 1843 г.», а в статье «Парижские тайны», комментируя небывалый успех романа Эжена Сю у русского читателя, отмечает не только его переводы на все европейские языки, но и «великое желание подражать ему».³⁴⁰ «Теперь уже пишутся «Лондонские тайны» (роман Поля Феваля был переведён на русский язык П.Фурманом и напечатан в «Библиотеке для чтения в 1844-1845 г.г.), и кто знает, может быть, год другой все литературы и все театры завалятся тайнами и не тайнами разных городов, благодаря торговому стремлению разных мелкотравчатых писак!»³⁴¹

Рассматривая судьбу романа Эжена Сю в русской словесности 40-х г.г., К.А.Чекалов опровергает тезис о «множестве подражаний, выполненных по заказу русских издателей» (Покровская Е. Литературная судьба Евгения Сю в России // Язык и литература. Вып. V. Ленинград, 1930. С. 227-252.) «Самые первые из этих подражаний не столько воспроизводили романские стратегии Сю, сколько - вольно или невольно - снижали и пародировали их»³⁴² Среди первых образцов повесть Ф. Булгарина «Петербургские не-тайны». Она публиковалась в «Пчёлке» с ноября 1843 по 31 декабря 1843 г. В предисловии к повести Булгарин пишет: «Это вовсе не подражание кровавым Парижским тайнам Евгения Сю, а просто шутка».

Автор второго текста, «Парголовские тайны», Пётр Фурман известен и как переводчик не только Лондонских, но и «Берлинских тайн». Именно рецензия на последний перевод констатирует следующий факт: «Герои господина Сю расплодились и размножились с неимоверною скоростью, на радость и утешение своему прародителю. Европейская литература наводнилась тайнами всякого рода и сортов. ...Родольф прогулялся по всем столицам и кажется даже и по Парголову»³⁴³

Одновременно с «Парголовскими тайнами» создавался ещё один фельетонный роман - «Петербург днём и ночью» Е.П. Ковалевского. Один из вариантов истории его написания рассказан в мемуарах племянника писателя П. Ковалевского. Решение о написании романа было принято «у Кукольника на даче в Парголово. Вызвано оно было сверхъестественным успехом «Парижских тайн», Евгения Сю, между русскими

³³⁹ В.Г. Белинский. Русская литература в 1843 г. // Полное собрание сочинений, т.8. М., 1955. С. 97.

³⁴⁰ В.Г. Белинский. Парижские тайны. // Полное собрание сочинений, т.8. М., 1955. С. 168

³⁴¹ В.Г. Белинский. Парижские тайны. // Полное собрание сочинений, т.8. М., 1955. С.184

³⁴² К.А. Чекалов. Российская «Мистермания» 1840-х годов: парадоксы восприятия романа Эжена Сю. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014, том 73, №6. С. 15

³⁴³ «Библиотека для чтения», 1846, т.79. С.36

чиновниками. ...Свободомыслящие начальники отделений и ротные командиры признали «Парижские тайны» за последнее слово истины,... Ольхин (издатель) сказал себе: «Отчего не сочинить своих тайн? И мы не лыком шиты». И попросил Кукольника заказать тайны. Выбор Нестора Васильевича пал почему-то на моего дядю, - должно быть потому, что тот никогда ничего не писал в этом роде. Дядя был в проигрыше, и заказ принял»³⁴⁴. Чтение первого же отрывка сумело убедить мало разбирающегося в литературе издателя в перспективности этого проекта, о чём с присущей ему иронией повествует П. Ковалевский: «Среди совершенно невозможной в Петербурге уличной сцены, где несуществующий петербургский уличный мальчик (le gamin de Petersburg) ночью спасает из обломившейся кареты дочь какого-то влиятельного князя (по современным условиям цензуры могшего даже показаться великим) раздаётся крик другого французского уличного мальчика: «Сенька! Отдай мне! У тебя хоть собака есть, а у меня ничего нету!» Это было признано за чисто шекспировскую черту нравов петербургских маленьких французов.

Испытание кончилось приговором в пользу автора трёх тысяч рублей за роман, в котором, и то ночью, успел появиться один Сенька, но где долженствовало пройти всё население Петербурга не только ночью, но и днём, ради чего и определялся размер в шесть частей, а название давалось: «Петербург днём и ночью». По тогдашнему сделка была блестящая.

Но «анафемский роман», как называл его сам автор, должен был быть написан; а это не так-то легко было сделать человеку, не только не знавшему того, о чём он взялся написать 6 частей, но и просто не знавшему того, о чём он писать будет. Роман превратился в кредитора, который преследовал его по пятам»³⁴⁵.

В действительности Ковалевский подошёл к созданию романа-фельетона уже известным автором очерков, попробовал себя в жанре повести, к тому же его личность и судьба сама могла стать предметом интересной истории.

Роман был напечатан в «Библиотеке для чтения» в №№ 72-73 1845 г. и в №№ 75-76 1846 г. И хотя во многих источниках говорится, что роман больше нигде не публиковался, в библиографии³⁴⁶ упоминается издание на немецком языке 1847 г. в Штутгарде. Роман состоит из 6 частей, публикация которых соответствовала моде на французские романы с продолжением – привлечь читателя и повысить тираж издания. Пятая часть опубликована

³⁴⁴ Ковалевский П.М. Воспоминания// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 312

³⁴⁵ Ковалевский П.М. Воспоминания// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 313

³⁴⁶ Вальская Б.А. Путешествия Е.П.Ковалевского, М., 1956

не была. Редакция сообщала, что публикация не состоялась по не зависящим от неё причинам, в некоторых источниках упоминается цензурный запрет. Но зная, в каких условиях работал Ковалевский, можно предположить, что он не успевал к намеченному сроку дописать очередную часть. Да и сама последняя часть производит впечатление слишком поспешно завершённой истории, развязка нескольких сюжетных линий дана словно пунктиром.

Оценка произведению была дана В.Г. Белинским в критическом разборе «Русская литература в 1845 г.». *«Петербург днём и ночью» - пародия на «Парижские тайны»; сочинитель впрочем, не думал писать пародию, - пародия вышла против его воли, и оттого читать её очень скучно. Ни образов, ни лиц, ни характеров, ни правдоподобия, ни естественности, ни мыслей! Зато фраз, фраз – разливанное море! Давно уже не являлось в русской литературе такого странного произведения»*³⁴⁷.

А. Дружинин, в 1845 г. ещё лично не знакомый с Е.П. Ковалевским, отметил в своём дневнике 23 сентября 1845 впечатление от произведения: *«Между прочими вещами я прочитал с «испытующим видом» новый роман (начало) Ковалевского: «Петербург днём и ночью» и посмеялся усилиям автора подделаться под манеру Сю в «Mysteres de Paris». Такие же картины бедности, грязи, такой же сюжет, оборвавшийся на soit disant (так сказать) интересном месте»*³⁴⁸.

Если учесть, что все перечисленные романы сегодня никому не известны, да и имена популярных некогда первооткрывателей романа-фельетона сейчас прочно вошли в так называемый «второй ряд», то закономерен вопрос – насколько целесообразно изучение этих произведений? Ответ на этот вопрос очевиден. Литература «второго ряда» зачастую оборачивается той «почвой», на которой произрастает «большая литература». Она «предвосхищает художественные открытия «первого ряда»³⁴⁹ «Обыкновенные таланты» нащупывают, а то и открывают для разработки те тематические, проблемные пласты, которые позднее будут глубоко вспаханы классикой».³⁵⁰ Авторы романов-фельетонов, в частности Эжен Сю с «Парижскими тайнами», активно использовали достижения современной литературы, создавая собственную поэтику романа, которая включала как соединение сентименталистских и романтических мотивов, так и

³⁴⁷ В.Г. Белинский. Русская литература в 1845 г. // Полное собрание сочинений, т.9. М., 1955. С.395.

³⁴⁸ А.В. Дружинин. Повести. Дневник. Москва. «Наука».1986. С. - 145

³⁴⁹ Французская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М. : Наука , 2006 С. 400

³⁵⁰ Н.Т. Пасхарьян. Федерик Сулье и становление романа-фельетона в XIX в. // С Французская литература 30-40-х годов XIX века: "Вторая проза" : [сборник статей] / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М.: Наука , 2006. С.125

соприкосновение «с реалистическими романными моделями».³⁵¹ Поэтому, с одной стороны, поэтика романа-фельетона основывается на контрастах – добра и зла, положительных и отрицательных героев; на «резкой смене декораций», театральных эффектах, «необходимости варьирования хронотопов»,³⁵² принципе калейдоскопа. И в то же время, с другой стороны, мы наблюдаем «пробудившийся интерес к повседневности», «морализаторский пафос»,³⁵³ «народный роман-фельетон всё больше предпочитал реалистическую детерминированность характеров и обстоятельств, причинность событий».³⁵⁴

Следовательно, важно проанализировать данные явления как на уровне типологии, так и на уровне поэтики. И особый интерес в этой связи представляет фельетонный роман Е.П. Ковалевского как отражение картины современной литературы. Мы увидим, как трансформировались черты французского романа-фельетона «à la **Eugène Sue**» и традиции русской литературы, увидим синтез нескольких литературных направлений. Некоторые образы Ковалевского напоминают героев «Парижских тайн», но есть в его романе и характерные черты, присущие русскому писателю, которые оказали влияние и на последующее развитие литературы. В частности, на создание романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые».

3.1. Поэтика контрастов

Название романа «Петербург днём и ночью» не только созвучно «Парижским тайнам» в плане топоса, но и нацеливает читателя на контрастное изображение. Противопоставление не только времени суток, но и знакомого читателю по произведению Н.В.Гоголя образа Петербурга (две стороны Невского проспекта, два Петербурга – бедных и богатых, два типа отношения к действительности). С первых страниц мы видим завязку конфликта, построенного на таком противопоставлении.

*Небо было **черно**. Ночь закутывала **прекрасный город** севера плотнее и плотнее в свой бурый плащ, как бы боясь, чтоб чадо болот не простудилось. И было отчего.*

³⁵¹ К.А. Чекалов. Жанровый поиск раннего Эжена Сю.// Французская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М.: Наука , 2006 С. 168-169

³⁵² К.А. Чекалов. Жанровый поиск раннего Эжена Сю.// Французская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М.: Наука , 2006. С. 155

³⁵³ Н.Т. Пасхарьян. Федерик Сулье и становление романа-фельетона в XIX в. // С Французская литература 30-40-х годов XIX века: "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М. : Наука , 2006. С. 135

³⁵⁴ К.А. Чекалов. Жанровый поиск раннего Эжена Сю.// Французская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М.: Наука , 2006С. 155

*Порывы сильного морского ветру метали вправо и влево целые ливни дождя. Месяца не было. На небе ни звёздочки. На улице ни души. В позднюю пору ночи, в Петербурге, **кроме известных улиц**, повсюду довольно **пусто и глухо**, а в такую беспутницу и подавно. Кого понесёт недобрая судьба из своего жилья, как бы оно дурно ни было?... Того разве, у кого нет ни какого жилья, кого непогода вымоет, ведро высушит, расчешет не гребень, а ветер да время, и, какая-нибудь **нора под забором, плита под аркою моста** или под навесом фронтона, упрямит и успокоит. **Таких вы, конечно, не знаете, может быть и знать не захотите.** Жаль! А эти люди **не без достоинств**; правда их достоинства – своего рода; **не то**, например, **что ваши**: а всё-таки стоят, чтоб взглянуть на них милостиво и покровительственно.³⁵⁵*

Автор вступает в диалог с читателем, следуя традициям Эжена Сю, и сразу выказывает своё отношение к людям дна – сочувственное.

Контрастное изображение «прекрасного города», заботливо «укутанного» в «серый плащ ночи», его «известных улиц» и «норы под забором» или «плиты под аркой», место обитания людей «дна» - становится фоном, на котором будут разворачиваться события, предсказанные названием. День – это обыденное существование, ночь всегда окутана тайной.

Поэтика контрастов становится художественным воплощением социального романа. Противопоставление мира людей обездоленных и наделённых властью и богатством, благородных и подлых становится определяющим в развитии конфликта. Эта антитеза проявляется в завязке романа. Уличный мальчишка волею случая становится свидетелем странного происшествия, которое ещё резче подчеркнуло пропасть, которая лежит между бедными и аристократами. Он бросается на помощь девушке, находящейся в карете и фактически спасает её от опасности, не задумываясь, что перед ним человек из другого общества. *«Странную группу представляли эти два существа, - так диаметрально противоположные друг другу; одна в блестящем бальном платье, салон давно свалился с плеч, - другой в лохмотьях. Лицо женщины лежало на грязном плече мальчишки и почти касалось лица его: освещённые тусклым светом каретных фонарей, они составляли между собою не менее чудную противоположность; <...> её лицо могло служить образцом античной красоты, а лицо его было гадко и грязно; черты одного были тонки, изящны, кожа до того нежна, что казалась полупрозрачной, - черты другого резки, грубы, кожа как опоек».*³⁵⁶ Контраст не только в описании внешности, но и в последующем поведении персонажей. *«Мягкое, нежное, роскошное, тело – грязным*

³⁵⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.17-18.

³⁵⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.20

рукавом – женищина с **отвращением** отвернулась; она вздрогнула от этого прикосновения как от прикосновения **гадины**. И спутник девушки с презрением относится к спасителю:

«-Дай что-нибудь **вот этому**, сказал он своему лакею, указывая на мальчика.

-А что я тебе нищий, что ли, чтоб взять твою подачку? Возразил мальчик».³⁵⁷

В его ответе достоинство, которое трудно предположить людям высшего света у нищего. Девушке, видимо, стало стыдно, и она предложила принять на память о ней золотую монету. И вновь авторская прямая оценка и ирония по отношению к высшему обществу: «Вы видите, она была великодушна: никак не хотела остаться в долгу у уличного мальчишки: а деньгами можно расплатиться за всё, даже за наши посильная чувства и минутные прихоти сердца. А тут что? Уличный мальчишка! Плата, которую давала эта женищина, необыкновенно велика и должна привести его в восторг. Оборвыш, однако, **нехотя** протянул руку, как бы не зная, на что решиться, и взял золотую монету, которую посылала ему маленькая ручка, одетая в лайковую перчатку».³⁵⁸ Оборвыш, именно так зовут главного героя, отличается врождённой гордостью. Его раздумья по поводу золотой монеты ещё раз убеждают, он не просит платы за благородный поступок, но причина, по которой он всё же взял её, станет понятна позже. Экспозиция уже даёт нам намёк на необычность судьбы этого мальчика, а следующая глава становится завязкой одной из центральных сюжетных линий фельетонного романа.

«Тайна» - это не просто название главы, это определяющий элемент произведений данного жанра, в котором соединяется реалистическое изображение быта обездоленных и романтическое объяснение их судьбы. Тайна, связанная с происхождением героев, путь на дно общества – это судьба Певуньи из «Парижских тайн», это и судьба Оборвыша. В этой главе мы оказываемся в ночлежке, в которую, благодаря золотой монете, Ваня-Оборвыш смог привезти своего потерявшего рассудок отца. В жанре очерка беспристрастно описана картина жизни подобных людей: «В сыром подвале, освещённом тусклым ночником, на грязных нарах, валялось несколько пучков соломы, избитых войлоков; по лохмотьям, которые лежали на каждом из них, видно было, что эти пучки соломы, эти войлоки, имели уже себе хозяев: это были отдельные квартиры; только некоторые жильцы находились дома; другие ушли и не возвратятся к утру. Одна соломенная постель ещё не была смята: сюда Оборвыш опустил своего отца.»³⁵⁹ В традициях натуральной школы описывает автор их жильё «...белая плесень по стенам; на

³⁵⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.20

³⁵⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.21

³⁵⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.23-24

чёрном потолке шевелились козявки и по временам обрывались и падали на пол и на постели; против окна или, правильнее, против узкой отдушины, которая внутри висела под потолком, снаружи лежала на тротуаре, стоял источенный временем и червями стол; возле – лавка: вот и всё».³⁶⁰ Мы оказываемся не просто в ночлежке, это место обитания преступников, внешность одного из них особенно впечатляющая: «вообразите себе мужчину, футов пяти ростом, с головою как у быка, повздетую прямо на плечи, как будто природа совсем забыла наделить его шеей, с лицом бульдога, с руками длинными, кривыми, как будто случайно привешенными к туловищу, словно у обезьяны, наконец само туловище чудовищных размеров, на ногах, имевших вид кривых параллелей».³⁶¹ Типичный романтический злодей по прозвищу Голова, названный так то ли из-за «её огромной головы, или того начала, которое она имела над другими».³⁶² Как и в «Парижских тайнах», Ковалевский знакомит читателя с бандитским Петербургом, хотя и не так досконально, как Э.Сю.

Фельетонный роман предполагает сосуществование одновременно нескольких сюжетных линий и многих героев, так или иначе связанных друг с другом. Появление в ночлежке человека явно из другого круга заставляет Оборвыша прислушаться к его разговору. Задумано преступление против доброй и порядочной девушки, задумано «для него!» (так впервые упоминается один из «злодеев» романа), но и неожиданно звучат предсмертные слова старика, пришедшего в себя после встречи с «его милостью». «Мучение поражённого летаргическим сном, которого уже опускают в сырую могилу», «грозный, страшный как дух смерти», «он до того исхудал, ...что кожа жёлтая, тонкая, казалось, приросла к костям и, плотно обхватывая их, представляла из него вид скелета», этот «выходец из могилы» приводит всех в ужас не только своим видом, но и теми словами, которые произносит сыну, указывая на незнакомца: «...вот он, губитель твоего отца, всей семьи нашей, нашего состояния, нашего доброго имени...чести...да будет он обречён вечному позору и гибели...»³⁶³

«Тайна» становится объективной картиной повествования, а разгадка её – ответом на вопрос о происхождении бедности героя.

Романтический образ умирающего старика вводит тему и преступления и наказания, расплаты за грехи, мы догадываемся, что благородное поведение Оборвыша как-то связано с его происхождением и должно получить дальнейшее развитие. И действительно, намечается несколько как авантурных сюжетов – с похищением детей,

³⁶⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72 .С.24

³⁶¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.26-27

³⁶²Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.27

³⁶³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 18-19

заточением их в темнице и почти гибель с чудесным избавлением, так и романтических историй, связанных с любовью и страстью. Есть пронзительная история жизни изобретателя-учёного, не понятого обществом. Есть история дружбы и предательства, обогащения и разорения. Всё это держит читателя в напряжении, заставляет с интересом следить за развитием событий. Роман вызывает и множество литературных ассоциаций, которые не являются буквальным копированием, но позволяют более точно представить созданный образ.

Ковалевский в полной мере следует «жанровой природе романа-фельетона – это фабула, поддающаяся серийному развёртыванию».³⁶⁴

Принцип калейдоскопа позволяет так расположить главы романа, чтобы читатель всегда был в ожидании развития событий и разгадывании тайны. Обрывая историю на самом интересном месте, автор сохраняет интригу на протяжении всего романа-фельетона. В этом особенность композиции произведения.

Названия глав подчёркивают многосюжетность. Так, в первой части названия даны в такой последовательности: «Тряпичник», «Тайна», «Учёный», «Недоумение», «Волково поле», «Выпуск из высшего учебного заведения», «Продолжение разговора», «Один из школьных друзей», «Золотопромышленная компания». В них прочитываются как романтические («Тайна», «Предательство», «Пробуждённая страсть»), сентиментальные («Первые мучительные слёзы», «Сердечная тревога»), так и реалистические модели («Тряпичник», «Выпуск из высшего учебного заведения», «Продолжение разговора», «Один из школьных друзей», «Золотопромышленная компания»). Эта же особенность проявляется и на уровне героев произведения.

3.2. Система образов

В центре – судьба Вани-Оборвыша, с которым так или иначе будут соприкасаться все действующие лица, первоначально как будто никак не связанные между собой. Все персонажи противопоставлены друг другу, находятся на разных полюсах добра и зла. Можно выделить несколько таких групп. Женские образы – Ольга Бенская и княгиня Вера – продолжают традицию Ковалевского в описании идеальных, добродетельных героинь и роковых красавиц. С ними связаны судьбы главных злодеев – Беднева, князя Алексея. Бывшие друзья – Невский, Финский, Ленин, Миллер, Охтин – выберут разные пути в жизни, и разным будет их жизненный итог.

³⁶⁴ Н.Т. Пасхарьян. Федерик Сулье и становление романа-фельетона в XIX в. // С Французская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М. : Наука , 2006. С. 137

Ольга Бенская и княгиня Вера.

Про Ольгу мы впервые узнаём в главе «Тайна». Это её нужно похитить для известного господина, первая её характеристика из уст Охтина (именно так зовут посетителя ночлежки): *«Красавица больно благотворительна, сама ходит за больными, помогает бедным, такая милосердая»*.³⁶⁵ Именно Ольга поможет маленькому Оборвышу и приобретёт в его лице защитника и друга, приютит его и обогреет своей заботой. *«...два существа, столь резко друг другу противоположные по всему, смогли сойтись под одним кровом, в одной комнате»*.³⁶⁶ В описании Ольги автор использует романтическую и сентиментальную лексику: *«было прекрасно это лицо, всегда тихое, кроткое, только впервые воспалённое неведомыми страстями; а эти страсти подготовлены ...осемнадцатую весною, которую увидели голубые глаза девушки со дня своего рождения»*.³⁶⁷ И описание комнаты Ольги подчёркивает её добродетель: *«Комната её дышала девичьей чистотой; у образа – лампадка, теплящаяся по случаю праздника; на столике – два портрета, дорогие её сердцу... Возле портретов – развёрнутая Библия; далее несколько полок с книгами, пальцы, ... постель, где сладкие сны баюкали душу чистую, безмятежную»*.³⁶⁸ Первое чувство, вызванное появлением в их доме незнакомца, пробудило в Ольге доселе неведомое. *«Лихорадочное состояние волновало её, голова горела....Неужели она любила?... о нет! Спросите её саму, и она вам верно скажет, от глубины души, со всею непорочностью своего девственного сердца – нет!»*³⁶⁹ Любовь в сентименталистских традициях сравнивается с *«прикосновением благотворного луча»*.³⁷⁰ Да и сама история Ольги и её матери напоминает одну из сентиментальных повестей Н.М.Карамзина. Лиза осталась без отца в 15 лет, через два года (на восемнадцатом году) она встретила Эраста, «ткала холсты, вязала»,³⁷¹ её мать, «добродушная старушка» (мать Ольги очень напоминает её) рассказала о «милых свойствах дочери своей, об её трудолюбии и нежности»³⁷², её скромность подчёркивается автором – *«не так скоро*

³⁶⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.28

³⁶⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.38

³⁶⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.52

³⁶⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.53

³⁶⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.54

³⁷⁰ Образ луча – один из распространённых образов сентиментальной литературы. «Последний луч жизни угасал», «...были ярким лучом света для ослеплённого до того времени старца» (В.В.Измайлов. Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьёвых гор), «томный луч огня, светившийся в монашеских кельях» (В.В.Измайлов. Ростовское озеро), «первый луч солнца осветил первое моё воззрение на свете» (Н.Мамышев. Варенька) – Русская сентиментальная повесть, - С.С. 168, 169, 145, 313.

³⁷¹ Карамзин Н.М. Бедная Лиза.//Русская сентиментальная повесть. Издательство Московского университета. 1979. С. 96

³⁷² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.97

молния блестит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза её обращались к земле, встречаясь с его взором».³⁷³

Состояние Лизы и Ольги авторы описывают и через восприятие героинями природы.

Лиза	Ольга
...Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зелёном покрове натуры. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило всё творение: роицы, кусточки оживились; птички вспорхнули и запели; цветы подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами света. Но Лиза всё ещё сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной, но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу.³⁷⁴	На окне – два горшка с цветущими розами, на которых так часто, с такой любовью, останавливался взор девушки, чтоб часто беседовать с ними; теперь они немые: они ничего не напоминают. Взор Ольги скользнул по ним...потом устремлялся за окно, на яркую зелень садика. Там было так же тихо и мирно как и в комнатке: уличный шум долетал до неё неопределительно, глухо, как шум падающей воды; чаща ветвей стояла неподвижно; из сплошной массы её местами выбегал порост молодой берёзы или возвышалась стройная, пирамидальная ель и рисовалась на горизонте, который в этот день был даже изряден, что с ним очень редко случается; воздух струился с неба тонкий и жаркий; жаворонок кружился в нём или оставался недвижимым, повиснув в светлой стихии, как будто купался в её летучих зыбях и что-то пел так звонко... Но Ольге скучны были эти песни: теперь они ничего не сказывали её душе³⁷⁵

В восприятии героинь природы много общего – она теперь не радует, как раньше, «чужда» и «скучна», «душа» полна переживаниями совсем другого свойства.

³⁷³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью» //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.98

³⁷⁴ Карамзин Н.М. Бедная Лиза.//Русская сентиментальная повесть. Издательство Московского университета. 1979. С.99

³⁷⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.53

Авторское обращение к Лизе *«Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?»* - особая повествовательная манера Карамзина, повторяется и у Ковалевского: *«Боже мой, что с тобою, моя бедная Ольга?»*³⁷⁶ (Ольга ухаживает за раненым Невским), *«...склонилась на постель, как измятый стебель. Бедная, бедная Ольга!»*³⁷⁷

Но образ Ольги получает в романе Ковалевского романтическое развитие. Ловушка, которую устроил ей князь, лишь случайность (по законам жанра) спасает её от бесчестия, неразделённая любовь, преданность возлюбленному, невозможность жизни без него. На протяжении всего романа Ольгу разные герои называют «ангелом-хранителем», «прекрасное, высокое создание» (Невский), «милая Ольга» (Пирожков), «бедная, несчастная Ольга» (Агнесса), не скрывает своей симпатии и автор: «неистощимая в добре», «кроткая, милосердная душа», «своя сердечная Ольга». В финале – смерть героини, не выдержавшей разлуки с любимым и его смерти. Ковалевский нарушает традиционную схему развития сентиментального сюжета – Невский (возлюбленный Ольги) не предавал Ольгу, как Эраст Лизу, он уехал из Петербурга по другим причинам. Но сила любви героини, её верность своему чувству сближает с героиней Карамзина.

И совсем другой по нравственным качествам предстаёт перед нами княгиня Вера. Она сыграла роковую роль и в жизни отца Вани (Оборвыша), и в жизни Невского, и в жизни своих детей.

*«Княгиня Вера ...была в той поре, когда завеса очарования опадает, цветистый, радужный, пышный мир пустеет, досадные морщинки хмурят гладкое и ясное чело, первый седой волос заставляет горько задумываться, цвет кожи, подобно тонкому листку слоновой кости, положенному на розовый атлас, становится не таким прозрачным, мутится, грубеет; когда дыхание женщины уже не так жарко, не так ровно; когда толпа поклонников и обожателей редее, и их сладкий, страстный лепет превращается в ясный и внятный разговор. Вера не понимала истинного счастья, и потому напрасно искала его, гонялась за ним. Она уже испытала **несчастье** и сердце её изнывало. До **прошедшего** она не смела коснуться; в нём бы не почерпнула себе утешения; **грозно** было оно».*³⁷⁸

Когда-то она была *«блестящею, весёлою, смеющеюся над светом и жизнью»*³⁷⁹, именно такой её полюбил Невский, теперь *«грустною и бледною»*, *«а между тем Вера всё-таки была прекрасна. Её обыкновенно холодные, гордые черты лица сквозь лёгкую пелену печали сделались выразительней, мягче, и возбуждали не одно удивление, но и*

³⁷⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 73. С. 30

³⁷⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 128

³⁷⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.100

³⁷⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.100

участие»³⁸⁰. В уста княгини Веры автор вложил и очень точные размышления об эгоистических чувствах мужчин по отношению к женщине, которая становится игрушкой в руках мужчины, работой его прихотей, *«в беспрерывно мятежных чувствах, в увлечениях света, вам некогда заглянуть в сердце любимой женщины»*.³⁸¹

Но в сердце Веры и любовь к больному сыну, и вина в потере других детей, и неизбежная кара за предательство (*«отомстила за вас судьба...или не за вас, но может быть за кого другого...»*, - говорит она Невскому³⁸²), и мы понимаем, что в жизни Веры есть тоже какая-то тайна, есть вина, есть равнодушие, которое и станет причиной всех несчастий. Отношение мужчин к Вере объяснимо – трудно не покориться её красоте и независимости. Невский с ней забывает об опасности, которая грозит Ольге, князь забывает родственные чувства к двоюродному брату, первый муж Веры сходит с ума от любви к ней и забывает о детях. Объяснимо и отношение Веры к мужчинам, его очень хорошо понял Невский: *«Я знаю, что ты до сих пор никого не любила, ни мужа, ни мать, ни сестру, никого, никого...»*³⁸³ Но Невский надеется, что Вера способна полюбить его, *«мы можем, мы достойны быть её служителями, её жрецами: каждое чувство...достойно того божества, которому мы должны служить...»*. Но настоящая любовь страшит Веру, она невозможна в условиях света. Нам не хватает психологического объяснения такого поведения Веры (как это будет позже объяснено, например, в романе Тургенева «Отцы и дети», сцена объяснения Одинцовой и Базарова). Автора, видимо, больше волнует взаимоотношения Веры с детьми. В описании её переживаний за сына мы видим настоящую женщину. Его болезнь, смерть воспринимается ею как наказание за грехи. Но обвинения она бросает и Невскому, хотя одновременно пытается уберечь его от дома, который проклят. *«Суд Божий совершился за ваше богохульство, за ваше сатанинское требование, чтобы я отказалась от неба и земли... Глядите, глядите...и приучайтесь к каре, которая ждёт и вас...страшнее этой, если только что-нибудь может быть ужаснее. Как лишиться последнего сына, любимого сына...страшнее...потому что ваше преступление ещё ужасней... Бегите отсюда... Тот дом проклят, где вы находитесь...»*³⁸⁴ В этом крике души речь идёт о преступлении, о котором читатель пока не знает. Интрига фельетонного романа продолжается. «Последний сын», значит, были ещё дети. Мы догадываемся о таинственной истории Оборвыша, но мы не знаем всей правды о его происхождении. Мы

³⁸⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.101

³⁸¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.103

³⁸² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.104

³⁸³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 75. С. 56

³⁸⁴ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 75. С.58-59

помним о загадочном посещении княгини дома, где живёт бедняжка Жени, живёт, окружённая любовью, но в нищете, помним, что княгиня просила отдать ей девочку на воспитание. Но мы не знаем, что и Ваня, и Женни – её дети. Завеса тайны приподнимется лишь в финале. Наказание Веры не в разорении, а в одиночестве. Её судьба во многом транслирует судьбу Сары из «Парижских тайн» - она отдала свою дочь, не думая о её будущем, и обрекла на муки и страдания. Перед смертью Сара так и не успела увидеть свою дочь, ей не было дано такого прощения. Ковалевский делает княгиню виновницей в подобной судьбе двоих детей – Оборвыша-Вани и Женни. Но в финале романа дети приезжают к умирающей матери. Ваня не может простить её – *«Я не могу её видеть... могло ли это случиться, если б она не выбросила нас на улицу из своих пышных палат, в которых было место для сотни челядинцев и не было место для собственных детей»*.³⁸⁵ И только отказ княгини Веры исповедоваться, пока не увидит детей («не может просить прощения у Бога, когда её собственные дети не прощают её: так велико, так ужасно её преступление» - говорит священник),³⁸⁶ и поступок Женни («и Женни, видя, что брат колеблется, схватила его руку и увлекла за собою»³⁸⁷) привёл детей к умирающей матери. Развязка этой сюжетной линии абсолютно сентиментальная в духе русской христианской традиции.

«В комнате, слабо освещённой пробивающимся сквозь спущенные шторы лучами, лежала на постели женщина, тяжело страждущая, умирающая; это была прежняя княгиня Вера, разоблачённая от своего имени, от своей знатности, от своего богатства...

Вера по инстинкту угадала прибытие детей своих; она по остатку сил своих и приподняв голову, простёрла к ним руки навстречу: Женни и брат её припали на колени... Вера опустила свои окоченевшие руки на головы детей..

- Боже! Благодарю тебя! произнесла она. Потом едва могла прибавить: - Священника...

*И через несколько минут она умерла как истинная христианка!»*³⁸⁸

Обе героини уходят из жизни. Они абсолютно разные, но обе вызывают сочувствие читателя. Ангел во плоти – Ольга, образ идеальный и оттого несколько безжизненный, Вера – образ более сложный, но не демон, её прощение – в раскаянии. Так в романе соприкасаются сентиментальное (Ольга) и романтическое (Вера). В их смерти повинны

³⁸⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846, т.76. С.69

³⁸⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846, т.76.С.69

³⁸⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846, т.76.С.69

³⁸⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846, т.76.С.69-70

«злая судьба», которая «втянула ... в общий водоворот тревожной деятельности»³⁸⁹. А у «злой судьбы» в фельетонном романе есть конкретные имена. И эти имена заслуживают подробного рассмотрения.

Князь и Смольнев

Князь Алексей – представитель аристократии, муж княгини Веры и двоюродный брат отца Вани (Оборвыша). «Ему было далеко за сорок лет: большой нос, большие губы, узкий и угловатый лоб и, вообще, черты лица **резкие, грубые, не могли внушить к нему доверия** с первого взгляду».³⁹⁰ Уже первая портретная характеристика выражает отношение повествователя к князю. И дальнейшее описание подчёркивает его двуличие и коварство. «Платье его было просто, но изящно, и он носил его с каким-то кокетством; большой бриллиант в перстне свидетельствовал ясно, что незнакомец зашёл сюда, в обитель нищеты, из противоположной ей сферы; серые глаза блистали странно для неопытной девушки, всякий раз как обращались к ней».³⁹¹ Противопоставление внешнего и внутреннего – характерный приём фельетонного романа. На всех уровнях описания отрицательных героев – описания их внешности, поведения в обществе, отношении к другим персонажам и их поступках – проявляется эта особенность.

«Он говорил, **казалось**, так искренно, движения его были так тихи, кротки, что мысль об опасности...мало-помалу исчезла»³⁹².

«..**слыл в свете человеком весьма порядочных нравов**. Князь умел прекрасно соблюдать приличия света, а свет для него служил потехой – и в собственное своё удовольствие, которое для него было дороже всего».³⁹³

Есть нечто общее с Ферером из «Парижских тайн» Э. Сю. Ловушка, которую приготовил князь для Ольги Бенской, описание бедного жилища, из которого есть ход в тайную комнату для сладострастных утех, свидетельствуют, что князь привык добиваться своего любой ценой. Он может переступить через двоюродного брата, который считал его своим другом, добиться признания его сумасшедшим, лишит состояния его и его детей и при этом жениться на его жене (княгиня Вера).

Как и в «Парижских тайнах», отрицательные герои будут наказаны за всё зло, которое они принесли другим. Но отличие романа Ковалевского в том, что наказаны они будут не благородными героями, а ещё одним отрицательным персонажем, образ которого гораздо более сложный и неоднозначный.

³⁸⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846, т.76.С.72

³⁹⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 112

³⁹¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 112

³⁹² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 111

³⁹³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 128

Агапий Агапиевич Смольнев. Уже в имени героя некое противоречие. Имя Агапий в переводе с греческого - «любимый, дорогой». Но это и имя святого мученика, пострадавшего в 304 г. от префекта Палестинского Урбана. Фамилия Смольнев вызывает ассоциации со смолой, чем-то вязким и неприятным, от чего очень трудно отделаться, невозможно отмыться. Как невозможно Невскому избавиться от «этого дикого, страшного смеха», «зловещего», который преследует его с юношеских лет и звучит в самые важные эпизоды его жизни. Мотив «смеха» проходит через весь роман, он связан с тайной Смольнева. Этот страшный смех - знак судьбы и неминуемой расплаты. Он повторяется своеобразными контрапунктами романтической истории, расставляя акценты на значимых для развития сюжета моментах. Например, когда друзья дают обет вечной дружбы раздаётся «громкий, резкий смех», который напоминает Невскому уже слышанное ранее: *«этот хохот, дикий, страшный хохот...он мне знаком, он мне памятен»*.³⁹⁴ «Адский смех» звучал при прощании с матерью, когда сын покидал впервые отчий дом и уверял, что будет жить только для неё одной. Друзья успокаивают Невского, уверяя, что это лишь случайность, в этом «дребезжащем» «стариковском» смехе нет ничего «зловещего» (заметил Охтин), но потусторонний смех словно предупреждает о тщетности мечтаний о вечной дружбе, которая будет разрушена. Кем? Это мы узнаем позже. Интрига сохраняется. Тайна не раскрыта. В этом смехе, за которым скрывается реальный человек, есть что-то дьявольское, эта деталь вносит в реалистическое повествование некий романтический колорит в духе Гофмана.

Этот же романтический приём в портрете Смольнева. В его описании поражает диссонанс между восприятием его внешности и оценкой его разными персонажами. «В комнату вошёл низенький старичок, в затасканном донельзя платье, с физиономией, правда, не зловещей, но изрядно уродливою. Нельзя быть гаже, как был этот приземистый, плешивый человечек»,³⁹⁵ «маленький уродец с большой плешивой головой»,³⁹⁶ с «отвратительно – гадком лицом».³⁹⁷

Но в доме княгини Веры «его все любили»,³⁹⁸ называли «мой добрый дедушка», «добрый человек».³⁹⁹ И смех, который так пугал Невского, по мнению Веры, «раздался из самой почтенной и честной груди, в которой только билось человеческое сердце».⁴⁰⁰ Как и на князя Алексея, «...большая часть смотрела на него как на чудака, но добряка, и это

³⁹⁴ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С.74

³⁹⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 106

³⁹⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 75. С. 18

³⁹⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 75. С. 23

³⁹⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 100

³⁹⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 105

⁴⁰⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 105

именно были те, у кого он старался выиграть доверенность».⁴⁰¹ Загадочность этого персонажа подчёркивается Ковалевским через важную деталь – описание его взгляда.

«...глядела в глаза маленькому человечку, которые тот как будто старался скрыть, поминутно моргая и щурясь».⁴⁰²

«Редкие ресницы полужакрывали глаза, опущенные в какие-то бумаги. Лицо выражало обычную заботу: **положим, - сострадательное внимание**».⁴⁰³

«И он **надменно** приподнял голову, но вскоре, как бы **испугавшись** своего движения, опустил её вниз, так что Климыч не успел уловить и заметить цвет глаз его, которых, впрочем, **ещё никто не видывал...**»⁴⁰⁴

Истинного выражения глаз Смольнева не видел никто, он тщательно скрывает их от собеседника, так как глаза не могут притворяться и всегда выдают натуру человека. «Полужакрывые морщинистыми, вялыми веками глаза блестели диким огнём»⁴⁰⁵ только когда он добивался намеченной цели – причём неважно, были ли это 21 копейка, на которые он обманул бедную женщину, или золотые россыпи Сибири, которые ему удастся заполучить. Странен образ его жизни – описание жилища, где на обед кусок чёрного хлеба и стакан воды («...трудно себе вообразить что-нибудь более нищенское, неопрятное, гаже этого чуланчика, и если судить по жилищу о самом жильце, то нельзя было не пожалеть об нём, особенно взглянув на стол, где лежал кусок черствого черного хлеба с солью и стакан воды, как видно приготовленные для обеда старика»)⁴⁰⁶ «Ещё страннее было то, что... в нищенской квартире хранилось состояние в несколько сотен тысяч рублей».⁴⁰⁷

Тайна, окутывающая этот персонаж, связывает его невидимыми нитями со всеми героями романа-фельетона. К нему сходятся все сюжетные узлы – похищение Вани и Женни, разорение князя и княгини Веры, смерть всех её родственников, включая сына Коли, любившего, кстати, больше всего только Дедушку. Он преследует Невского, добивается его отлучения от Веры, он ловко манипулирует Лениным, заставляя его выбрать путь расчёта и денег, он расправляется со всеми исполнителями его злодеяний, не сам, конечно, через преступный мир, с которым хорошо знаком. «Непостижимый старичишка. Смольнев пагубен для нас обоих», - это понимает один Невский. Повествователь не раз сравнивает его с дьяволом: «О, это уже была настоящая улыбка, но

⁴⁰¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С.119

⁴⁰² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 72. С. 106

⁴⁰³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., том 75. С. 18

⁴⁰⁴ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 75. С. 19

⁴⁰⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 75. С. 23

⁴⁰⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 151

⁴⁰⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.157

какая улыбка! Дьявол непременно бы перенял её, если б увидел». ⁴⁰⁸ «Смольнев стоял торжествующий, как дух зла среди своих жертв». ⁴⁰⁹ «Своими костлявыми как у смерти руками» ⁴¹⁰ Смольнев вершит судьбы тех, кто считал его близким семье человеком: «...этот человек не сделает нам зла; он весь предан мне», - убеждена Вера.

«Судьба князя и его семьи совершилась!...И он произнёс это так торжественно, как будто бы сам служил отголоском судьбы неизменной, непреклонной, грозной!» ⁴¹¹ Показательно, что только в момент торжества Смольнева читатель может увидеть его глаза: «Смольнев захохотал своим диким хохотом, выпрямился во весь рост, раскрыл глаза, которых до того вполне никто не видел и торжествующе обратился к княгине». ⁴¹²

«Действительно, ужасно, неписанно было влияние этих глаз. Они составляли хотя не исключительное, но очень редкое явление в природе. Зрачки их, втянутые в длину, как у кошки, блестели чудным, ярким светом, так же, как у озлобленной кошки. Что было замечательным в этом явлении, так это особенно то, что подобного устройства глаза, случавшиеся чрезвычайно редко у людей, бывают большею частью неопределённого цвета, болезненного вида, тусклы... У Смольнева они были ярко-чёрного» ⁴¹³

Интересно сопоставить описание Смольнева в детстве и сына княгини Веры.

Сын княгини Веры Коля	Смольнев в детстве
Её сын, в котором сосредоточивалась вся её эгоистическая любовь, которому готовилась она передать состояние и свою знатность, этот сын был ей не на радость ...Это слабое, больное, тупое, вялое дитя, которого не могли оживить искуснейшие врачи, и ничему не научили толпы учителей, это мертвенное тельцо по временам вздрагивало, пробуждалось, выказывало жизненную силу, но только от злости . ⁴¹⁴	Смольнев ещё не видел Божьего света, а уже был ненавидим своей матерью Загнанный, униженный, больной ребёнок был вял и туп . ⁴¹⁶ Беспреданно страдал. ⁴¹⁷ Бедного, всеми покинутого ребёнка Подобно дикому зверю ⁴¹⁸ Ожесточался

⁴⁰⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 154

⁴⁰⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.76. С. 39

⁴¹⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 154

⁴¹¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.75. С. 23

⁴¹² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.76.С. 39

⁴¹³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.76.С.39

⁴¹⁴ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.100

⁴¹⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 159

Моего родного сына, в самом начале его поприща жизни, объявили неспособным, негодным. Пусть бы только в нём была неспособность учиться: тут он ещё не так виноват, но это равнодушие ко всему. Эта тупая холодность даже к своей матери, убивает меня ⁴¹⁵	
---	--

Зеркальное описание двух героев лишь ярче подчёркивает их сходство и различие. Смольнев ещё до рождения был нелюбим матерью и из-за ненавистного отношения к его отцу, и за опасения за свою жизнь во время родов, и за безобразную внешность, и из-за болезней, которые развивались от «неприсмотру за ребёнком».⁴¹⁹ На Коле была сосредоточена вся эгоистическая любовь матери, она готова была отдать ему всё. Смольнева же, напротив, мать лишила всего: любви, наследства. Ни тот, ни другой не смогли проявить себя в учёбе – Коля по отсутствию способностей, Смольнев из-за издевательств учеников и учителей, спровоцированных отношением к нему матери. И у того, и у другого в описании присутствуют эпитеты вялый, тупой, болезненный, только отношение к этим качествам разное – от осознания неполноценности своего ребёнка страдает Вера, а Агапий «беспрестанно страдал» сам. Не случайно, что его имя, как и у Акакия Акакиевича из «Шинели» Гоголя удваивается за счёт отчества, усиливается и значение «мученика», только святым его назвать нельзя. Причины превращения Смольнева из униженного и страдающего (первое значение имени «любимый, дорогой» воспринимается как горькая ирония) в злодея и вершителя судеб объясняются Ковалевским социальными причинами. Следуя философии социалистов-утопистов, в частности Robert Owen, признаёт «полную зависимость деятельности человеческой от обстоятельств».⁴²⁰ В словаре иностранных слов, составленным М.В. Петрашевским, в словарной статье «Овенизм» даётся такое объяснение: «Источник деяний, которые имеют своим следствием зло, должно, — говорит он, — искать не в мнимой испорченности человеческой природы: человек не совершает зла только для зла, но всегда с целью усвоить себе чрез это какое-либо известное благо. Почему справедливее искать причину его в обстоятельствах, под влиянием которых совершается самое развитие известного человека: присущность их нимало от него не зависит, а между тем они безусловно

⁴¹⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 158

⁴¹⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 159

⁴¹⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 104-105

⁴¹⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 158

⁴²⁰ Петрашевский М.В. Статьи из второго выпуска «Словаря иностранных слов»// Петрашевцы. Сборник материалов. Т.2. Государственное издательство. Москва, Ленинград. 1928. С. 37

определяют образ и самый характер его деятельности. Только чрез рассмотрение их можно вполне себе объяснить умственное и физическое развитие человека, его характер, его пороки и добродетели".⁴²¹

«Зло может также иметь своим источником действия других людей»⁴²²

Подтверждение этим словам в судьбе Смольнева.

«Чугунный характер»⁴²³ Смольнева сформировался не сразу. «Смольнев терпел один. Терпел невыносимо, потому что чувство самопознания пробудилось в нём сильно и вопило против этого всеобщего гонения».⁴²⁴ Повествователь сравнивает «бедного ребёнка» с «диким зверем», которого «наказывали, рядили в дурацкий колпак, били, секли».⁴²⁵ Наконец, его выгнали из школы, мать не приняла его в дом, девушка, которая, казалось, «отличила» его, «которого нынче прозвали бы Квазимодом в свете»,⁴²⁶ впоследствии только посмеялась над его любовью. «Смольнев был нравственно убит». Описание отверженного всеми героя вызывает сочувствие повествователя, ни у кого не нашлось сострадания к нему, «он призывал смерть», но выбрал жизнь. «Я буду жить, чтобы отомстить людям. ...Люди отняли у него неправдою значительное состояние: он злобно хотел отнять у людей вдвое, втрое более. Затворив своё сердце перед их нуждами, несчастиями, страданиями, как они затворили своё перед его горем».⁴²⁷

Таким образом, все поступки Смольнева мотивированы объективными причинами: Невский «который ребёнком ещё мучил и терзал, меня, уже взрослого юношу, жил в соседстве с моей матерью»⁴²⁸ смеялся над ним в детстве, Вера, будучи его сестрой по матери, не приютила его, не позаботилась о нём, когда он так нуждался в помощи (Вера просто испугалась его). Все родственники Веры погибают при загадочных обстоятельствах, Коля умирает неожиданно (не без участия Доброго дедушки), такая же участь ждала и Ваню с Женни (детей Веры, которых она бросила) – все они могли претендовать на наследство. И теперь Смольнев мог предъявить свои права, являясь братом Веры. Этим и объясняется сходство маленького Агапия с Колей – фактически они - дядя и племянник.

⁴²¹ Петрашевский М.В. Статьи из второго выпуска «Словаря иностранных слов»// Петрашевцы. Сборник материалов. Т.2. Государственное издательство. Москва, Ленинград. 1928. С. 36

⁴²² Петрашевский М.В. Статьи из второго выпуска «Словаря иностранных слов»// Петрашевцы. Сборник материалов. Т.2. Государственное издательство. Москва, Ленинград. 1928. С. 36

⁴²³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 158

⁴²⁴ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 159

⁴²⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 160

⁴²⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 160

⁴²⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.161

⁴²⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.76. С. 42

Образ Смольнева, выписанный в традициях романтизма (не случайно сравнение с Квазимодо), в то же время соответствует сентиментальному натурализму. Его романтическое злодейство объясняется реальными причинами, которые вызывают сочувствие читателя и ведут к нетрадиционному развитию конфликта фельетонного романа. Деньги никогда не были для него самоцелью: «Смольнев любил деньги, как средство в достижении своей цели, которая завладела им всем, одна, безграничная и всесильная».⁴²⁹ Как только он добился своего, он потерял смысл жизни, «впал в тоску всесокрушающую; ему не оставалось ни надежды, ни желания в жизни, вскоре воображение его, привыкшее к деятельности, стало заменять картины сущности».⁴³⁰ Только теперь он начинает чувствовать страх за совершённые преступления, ему мерещатся суды, пытки, он испытывает невыносимые страдания, даже пытается покончить жизнь самоубийством. Везде мерещатся тюремщики, которые приходят за ним (с такими же приставами он пришел в дом князя, чтобы огласить решение суда по обретению им права на наследство). Его смерть наступает почти одновременно с княгиней Верой, «злодей» умирает, обладая огромным состоянием, в окружении людей, которых всегда использовал в своих целях.

Но фельетонный роман не может существовать без героев, которые противостоят «злодеям», помогают несчастным и обездоленным. И здесь Ковалевский создаёт различные типы характеров, которые получают развитие в соответствии с законами развития жанра.

Невский, Финский и str...

Первое появление Невского в доме Бенских навсегда изменило жизнь его обитателей. *«Неподвижный, холодный, равнодушный», «гордый, возвышенный лоб, ...смуглое лицо, выражавшее беспечную отвагу, ...глаза, полные блеску...размётанные в беспорядке кудри чёрных волос. Его нельзя было назвать красавцем: далеко нет, но лицо наполнилось выражением и какой-то могучей силой»*⁴³¹. Невский появился в этом доме с целью познакомиться с изобретением Пирожкова, его инженерный ум сразу оценил талант учёного: *«каким образом подобные люди могут укрываться от общего внимания, ... и отчего у нас, в России...происходит вообще такая холодность к новым отечественным изобретениям»*,⁴³² - это уже рассуждения автора, имеющего техническое образование, но они созвучны мыслям Невского (некоторые факты биографии Ковалевского мы узнаем в этом образе). Желание познакомиться с опытами военных

⁴²⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 158

⁴³⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 70

⁴³¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. – С.49-50

⁴³² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. – С.58

инженеров привело его на Волково поле, где он случайно стал свидетелем тайного сговора. А поделиться своими открытиями он мог только с лучшим другом. Финским. *«Во втором этаже, в комнате, представлявшей беспорядок, на диване лежал, закинув ноги на стол, человек и ещё молодой, но, как говорят, опустившийся, в халате, небритый, с сигаркой во рту»*⁴³³. Их фамилии напоминают нам героев А.С.Пушкина – топоним Петербурга и его окрестностей. А знакомство с их сокурсниками укрепляет уверенность, что фамилии не случайны: Охтин, Ленин, Миллер.

Хронотоп фельетонного романа включает несколько временных пластов. Автор переносит нас в прошлое героев – на 10 лет назад, где мы видим «восторженных»⁴³⁴ юношей, стоящих на пороге новой жизни, их мечты и надежды. Охтин, «благоразумнейший» из своих товарищей, с «тонкими, изящными, женоподобными частями тела»⁴³⁵, мечтает об изучении языков. *«Я изберу себе путь скромный, тихий без увлечений, без соблазнов света или славы, но тем не менее полезный.»*⁴³⁶ Миллер, «отличавшийся русыми кудрями и особенно выразительной физиономией»,⁴³⁷ мечтает стать художником. *«Не пройдёт двух-трёх лет, как вы услышите имя Миллера в числе русских живописцев, и, может быть, с гордостью скажете: это друг наш»*⁴³⁸. Ленин собирается идти по другому пути: *«Буду служить, сделаюсь чиновником, ...я надеюсь выйти вперёд и показать другим, что мы трудились в училище не даром и приготовили немаловажную дань для пользы отечества»*.⁴³⁹ Душа Невского настолько переполнена чувствами, «различными помыслами, стремлениями», что он ещё не может решиться в определении карьеры, но убеждён: *«вы меня скоро увидите за делом»*.⁴⁴⁰ И лишь Финский на вопрос Невского отвечает: *«Ничего»*. *«Не думаю»*. По этим ответам уже можно понять, насколько разные молодые люди. Автор сравнивает Финского и Ленина, отмечая их полную противоположность: *«один блондин, другой брюнет, ...Ленин был довольно живой и острый малый, а Финский флегматик; тот деятелен, прилежен и замечен профессорами как лучший и способнейший, другой – нерадив...»*.⁴⁴¹ Но одно объединяет друзей – обет, который дали два года назад: *«быть верными нашей дружбе и долгу чести»*.⁴⁴² Герои, разные по происхождению, за 10 лет проходят разный путь и приходят к

⁴³³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. – С.69

⁴³⁴ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.72

⁴³⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.75

⁴³⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.72

⁴³⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.75

⁴³⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.73

⁴³⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.73

⁴⁴⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.73

⁴⁴¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.76

⁴⁴² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.73

разным жизненным итогам. Ковалевский, как будущий петрашевец, объясняет причины этих изменений.

Мозаичность повествования используется Ковалевским в создании образа Охтина. В начале романа его появление в ночлежке-притоне преступников сразу обращает на себя внимание читателя диссонансом между его поведением и внешним видом.

«Лицо доброе, кроткое, миловидное, осенённое светло-русыми кудрями, которые, теперь, ниспадали в беспорядке на глаза – томные, голубые – но, казалось, были прежде покорны гребню и ещё отдавались французской помадой; голос нежен и вкрадчив; рука, наливавшая вино из штофа, так мала и бела, что её можно бы принять за женскую, если б она двигалась из-под атласного рукава, а не из грубого, лакейского обшлага»⁴⁴³. С одной стороны миловидные черты, а с другой – нынешнее состояние внешности говорит о былом, «теперь» ниспадали в беспорядке, «были прежде» ухожены, а сегодня – «изорванный, засаленный сюртук, в котором ему было как-то неловко и несвучно».

Сравните: *«... пыльный бархатный сертучок его, застёгнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое бельё, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлён художью его бледных пальцев. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб...»⁴⁴⁴* Совпадения в описании некоторых деталей портрета Печорина и «новопришедшего» лишь резче оттеняют отличия последнего. Да, как и у Печорина, за его плечами есть некий ореол таинственности, есть некие несоответствия внешнего и внутреннего, но авторская оценка указывает на явное «измельчание» образа, в нём нет того «благородного», «порядочного», что отмечает Лермонтов у Печорина.

А возвращение в прошлое подтверждает, что он встал на несправедный путь, служит отрицательным героям романа. От былой привлекательности остались только миловидные женские черты. Тем резче контраст между внешностью и его поступками. Автор постоянно подчёркивает незначительность этого человека – «маленькая фигурка», «маленький человечек», манеры которого «более чем льстивы, унизительны и лукавы», «как провинившийся школьник, которого ведут на расправу, ... как собака, которая знает, что её тащат для побоев... Люди часто следуют такой же философии и слепо исполняют

⁴⁴³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. с.26

⁴⁴⁴ Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Собр.соч.в четырёх томах, т. 4 - М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 331-332

волю того, кто их кормит, хоть эта воля не всегда сообразна с их собственными чувствами».⁴⁴⁵ Охтин не вызывает сочувствие читателя как «маленький человек» Гоголя, и автор не случайно употребляет уменьшительный суффикс – человек – вместе с эпитетом «маленький». Всё ниже опускается он не столько по социальной лестнице, сколько по моральным качествам. Подслушивает, служит князю, но готов продать его секреты любому, кто больше заплатит, «пожертвовать всем, ...чтобы восстановить кредит для новой игры».⁴⁴⁶ Охтин сам понимает глубину своего падения, особенно остро он ощутил это во время встречи через 10 лет со своим бывшим товарищем, поразившей его более, чем «явление умирающего старика, который на пороге смерти остановился, чтобы положить на него печать отвержения».⁴⁴⁷ Встреча со школьным товарищем (Миллером) «заставила его невольно призадуматься, напомнить былое, светлое, полное надежд, увы! Горько-горько обманувших его».⁴⁴⁸ (Они в доме у князя оба были в роли просителей, только Охтин был на службе, а Миллер пришёл попросить аванс за заказанную ему князем картину). *«Что ж! думал Охтин в успокоение себя; мы с ним, с этим Миллером, пошли по разной дороге, а ведь вышли же на одну проталину нищеты и горя; ещё у меня есть-таки кое-какие ресурсы к жизни: а что станет теперь делать он! Жаль бедняка, право жаль! Поневоле кинется с своего чердака на мостовую или своротит на ту же дорогу, по которой и я пошёл! Ох, не хороша дорога, по которой я пошёл!... хоть и приманчива; не советовал бы я ему поворачивать сюда: где ему выдержать этот путь!.. тут такие вещи бывают, что не вмогуту и мне»*.⁴⁴⁹ Вновь обращается Ковалевский к социальному аспекту – как человек оказывается на социальном дне? Кто виноват в этом – общество или сам человек? На этот вопрос отвечала вся русская литература 19 века. Можно с уверенностью сказать, что в судьбе Охтина виноват он сам. Он сделал свой выбор, и страсть к игре привела его к «вечной заботе – как бы достать денег».⁴⁵⁰ Но не только это. Его моральные качества позволили ему переступить через порядочность. Его падение мы видим глазами Миллера: *«Охтин! Это имя поразило Миллера; несмотря на горькое положение своё, он взглянул на того, кого звали этим именем, и не мог вообразить, чтобы это истасканное, изрытое морщинами, бледное, но всё ещё довольно миниатюрное и миловидное лицо принадлежало Охтину, тому самому, который был его школьным товарищем, которого иначе не называли как девушкой, - так*

⁴⁴⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.130

⁴⁴⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.149

⁴⁴⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.148

⁴⁴⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.148

⁴⁴⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.148-149

⁴⁵⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.150

*женоподобны были его формы, так щекотлива была его нравственность».*⁴⁵¹ Миллера поразило, как «низко он кланялся князю», как «раболепно провожал его до дверей». «И грустно и гадко было ... слушать и видеть старого товарища».⁴⁵² Сравнение с собакой ещё появится в характеристике Охтина. *«Собаку надо травить собаками, а для того довольно спустить их цепи и бросить кость».*⁴⁵³ С ним расправятся теми же методами, которыми пользовался он сам. Он слишком много знал, и поэтому будет убит теми, кто служил ему ранее.

*«На рассвете мы рассмотрели мертвеца... это был человек, который по рождению и по образованию предназначен был к лучшей участи, но мало-помалу низшёл в самые низкие ступени общества. Полиция преследовала его, но он скрывался под чужим именем, постоянно меняя свои паспорта, ...Теперь он отправился туда, где нужен иной паспорт, которым он, конечно, не запаса на этом свете. Этот несчастный был Охтин!»*⁴⁵⁴

Литературные аллюзии, которые были связаны с образом Охтина, (некое портретное сходство с Печориным, внутренний критический по отношению к себе монолог, насильственная смерть и черты «маленького человека») лишь подчеркнули его отличие от литературных прототипов.

Интересен в этом отношении и образ Миллера.

*«Молодой человек, с высоким, **открытым благородным** лбом, с голубыми глазами, полными **священного огня поэзии**, с русыми шелковистыми волосами, кудрями, ниспадавшими на плечи, скромно вошёл в первый кабинет и стал у порогу, дожидаясь, пока пройдёт его сиятельство; щёки его были впалые, бледные, но **светлое выражение глаз**, и по временам мелькавшая на губах улыбка, посылаемая **внутреннею жизнью**, показывали, что он умеет пренебрегать нужды и, подчас, смеяться над самою нашею жизнью, как ни тяжка она».*⁴⁵⁵ Уже в портрете – субъективна оценка автора. Миллер вызывает симпатию и своим внешним видом, и отношением к тяготам жизни. Перед нами художник, мечтам которого не суждено было сбыться. Он не смог, как мечтал, поехать в **Италию** учиться, он даже не может нарисовать портрет Женни, потому что нет денег на холст и краски. Князь отказывает художнику в авансе, тем самым лишая его последней надежды на заработок.

⁴⁵¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.140

⁴⁵² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.141

⁴⁵³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.76. С.52

⁴⁵⁴ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.76. С.57

⁴⁵⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.137

Описывая жильё Миллера, автор употребляет эпитет «горький» - «горькой мысли», «груди, стеснённой горем и трудами». «...он как будто боялся возвратиться в своё бедное жильё: что ждало его там? Но делать нечего, надо было карабкаться ещё выше, надо было **переступить** опять этот порог, которого **не переступал** он без глубокого вздоху. Миллер взойшёл в комнатку, душную от накалённой железной крыши, которая, подобно знаменитой венецианской свинцовой кровле **темницы**, висела чуть не над самыми головами **страдальцев**. Благо ещё, что наше солнце не таково как солнце **Венеции!**».⁴⁵⁶ Художник в отчаянии, глагол «переступить» в более широком значении воспринимается как поступок, который нарушает привычные нормы. Он готов уничтожить гвоздём картину, и только опасения за больного товарища, готового вскочить с постели, чтобы остановить художника, не позволили ему этого сделать. Как художник, он талантлив. Упоминание Италии, Венеции – тот идеал, к которому стремится художник. Он не сомневается, что превзошёл бы Рафаэля, но голод и нищета («*Боже! ...а сколько богачей в это время выкидывают остатки своего сытного обеда собакам...*»⁴⁵⁷) толкают его на решительный шаг. Глава называется «Отчаянные средства». И это отчаянное средство – «написать к первым богачам в городе, что вот на что мы способны из-за денег, употребите нас как знаете».⁴⁵⁸ Написав такое письмо, Миллер фактически продаёт свою душу, сам ещё не знает кому. Правда, в этом письме есть фраза: «*Нет на свете такого, чего бы не сделал я, чему бы не подверг себя, за пять сот рублей ассигнациями; **только бы было не противно чести**, да стало бы на это человеческих сил*»⁴⁵⁹. Сразу вспоминается Чартков из «Портрета» Гоголя. Талантливый художник приобрёл «дьявольский» портрет и растратил не только свой талант, но и погубил душу, подчинившись власти денег. Миллера тоже ждёт подобное испытание. В ответ на его письмо, он получает работу от своего бывшего товарища, Охтина, и оказывается свидетелем тайны, которая касается происхождения дорогой ему девочки Женни и её брата. Выбор, который делает Миллер, не в пользу денег. Он все свои усилия употребляет на спасение детей, и это вновь приводит его к старым друзьям – Финскому и Невскому, которые, к слову сказать, его даже и не узнали.

Ковалевский осознанно использует закреплённые в литературе штампы и в создании типа героя. В каждом произведении есть персонаж, который противопоставлен добродетельной героине. И одним из определяющих его качеств является эгоизм. В романе «Петербург днём и ночью» таким героем является Ленин. Его честолюбивые

⁴⁵⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.141

⁴⁵⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.144

⁴⁵⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.145

⁴⁵⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.145

мечты берут верх над любовью к Мери, которая готова предпочесть его, человека, не соответствующего её статусу, положению в обществе, человеку её круга. Она не следует сложившимся правилам, готова их нарушить во имя любви, но перед нею типичный эгоист, для которого возможность заработать деньги важнее истинных чувств. Причём изначально помыслы его, как и героя произведения «Любовь и эгоизм», были чисты и бесхитростны: *«А я пойду по общему пути: буду служить, сделаюсь чиновником, не потому чтобы я считал этот путь более проторённым, лёгким, но потому, что идя по нему с самоотвержением в душе, с деятельностью неусыпною, я надеюсь выйти вперёд и показать другим, что мы трудились в училище не даром и приготовили немаловажную материальную дань для пользы отечества»*.⁴⁶⁰ Но очень скоро он выбирает путь, который ведёт его к независимости и богатству. *«Направление Ленина означилось скоро. Он устремил все свои способности, всю силу ума, к тому, чтобы добиться независимости. Происхождения низкого, сын дьячка, бедный, он заметил только при вступлении своём в свет всю разницу приёму, какую выказывали, встречая его и встречая Невского, хотя до того, в школе они были не только равны, но даже профессора отличали чаще Ленского (так в тексте), как более прилежного и рачительного. Зависть мучила в нём кровь и разливала желчь. Хитрый, вкрадчивый, деятельный, трудолюбивый, настойчивый, и ко всему этому эгоист терпеливый в высшей степени, как это почти всегда бывает с людьми подобного происхождения, он мог почестся с существом высшего разряда в добре и зле, из которых одно всегда делал по расчёту, а другое чаще по велению»*.⁴⁶¹ К сентименталистскому противопоставлению добродетельного и порочного в лице героя и героини добавляется социальный элемент: она из высшего общества - он плебей, но притязания Ленина не довольствуются только статусом, ему важны деньги, состояние, поэтому он тоже предаёт любовь.

Но не только холодный расчёт отмечает в Ленине Ковалевский. В диалоге двух товарищей просматривается предугаданный спор разночинцев и дворян 60-х годов. Сын дьячка Ленин и аристократ Невский по-разному воспринимают жизнь.

« - Мечты воображения, заметил Ленин: <...> это недостаток практической жизни...».⁴⁶²

И Финский, и Невский, благородные дворяне, первый из которых бездействует, а второй верит в судьбу:

⁴⁶⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.73

⁴⁶¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С.84

⁴⁶² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 73. С.42

« - Гафиз сказал: *Будь твой конь быстрее ветру пустынного, от судьбы не уйдёшь!*

- Гафиз был мусульманский поэт, возразил Ленин: один из европейских философов, кажется Кант, сказал: *не тот человек, кто ходит за судьбой, как слепой нищий за вожатым или раб за господином, а тот человек, кто ведёт судьбу за собой*⁴⁶³.

Упоминание Канта не случайно, в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемом Н. Кириловым»⁴⁶⁴ в статье М.В. Петрашевского о натуральном праве читаем: «Весьма важно для успехов развития права натурального было старание Канта и Фихте вывести начала его непосредственно из начал практического разума и свободы роли».⁴⁶⁵ Ленин твёрдыми шагами идёт к своей цели (чем ни «разумный эгоист»), Невский устроен иначе. «Он был богат и часто нужда низводила его до крайности; был идолом общества и нередко должен был укрываться от его гонений на краю света. Он был вполне разочарован...».⁴⁶⁶ Авторский ироничный комментарий, с одной стороны, отсылает нас к «лишнему человеку» Лермонтова («Кто теперь не разочарован! У иного молоко не обсохло на губах, он видел свет через зелёную стору пансиона, или корпуса, и уже приходит в ожесточение от света, от этого негодного света, куда так и рвётся его душа, жаждущая ни больше, ни меньше, как прапорщичьих эполетов»⁴⁶⁷), с другой стороны, его симпатии явно на стороне Невского, романтический образ которого тоже не лишён жажды деятельности. Поэтому он согласен с мнением Пирожкова: «жизнь есть постоянное движение; жить – значит действовать».⁴⁶⁸ Но способ его деятельности отличен от Ленина. Его «всегдашняя деятельность» приведёт в Сибирь, на золотые прииски, где он и закончит свой путь.

Таким образом, создавая характеры бывших сокурсников, Ковалевский подчёркивает как социальный аспект (разные сословия дают разные возможности для развития), так и нравственный. Выбор жизненного пути и способов достижения цели не зависит от бедности или богатства, считает Ковалевский. Эгоизм, позволяющий переступить через другого человека, безнравственен.

И точным становится авторский комментарий: *«Братья мои романисты обыкновенно наделяют своих героев с детства определёнными характерами и*

⁴⁶³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 73. С. 44

⁴⁶⁴ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым». С.-Петербург MDCCCXLV (вып. 1-й, 1845 г., стр. 1—176); (вып. 2-й 1846 г., стр. 177—324)

⁴⁶⁵ *Петрашевский М.В.* Статьи из второго выпуска «Словаря иностранных слов» // Петрашевцы: Сборник материалов, ред. П.Е. Щеголева. М.;-Л.; 1927. Т. II. С.15.

⁴⁶⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846, т.75.С. 66

⁴⁶⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846, т.75.С. 66

⁴⁶⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 70

*стараятся выдержать их до конца неизменными: я не имею этого прекрасного преимущества, потому что придерживаюсь слепо практической истины. Сколько раз видим, что характер юноши меняется силою увлечений света! **Человек не рождается положительно добрым или злым. Провидение справедливо. Только исключения в этом случае возможны по воле Провидения, для нас всегда неисповедимого.***⁴⁶⁹

Это рассуждение в духе Руссо подчёркивает ещё одну особенность использования Ковалевским традиций сентиментализма – исключительную роль повествователя.

3.3. Проблема и повествователя

Роль повествователя, организующего действие в фельетонном романе, проявляется на разных уровнях. Начиная от выбора заглавия, места действия (Петербург, центр России, и Сибирь, глубинка, в которой сосредоточены её богатства), прямых авторских характеристик, обращения к читателю, диалога с ним и заканчивая портретом и пейзажем.

Непременным условием изображения героев является пейзаж. Описание природы – способ рассказать о внутреннем мире персонажа. Герои, любимые автором, способны к восприятию красоты природы, чувствуют её, герои отрицательные природы не замечают. Например, Смольнев.

*«В это время северное небо совершало одно из тех **волшебных представлений**, которыми оно иногда тешит праздных людей. Солнце садилось за голубоватую полосу реки, которая виднелась с чердака Смольнева. Спускаясь из-за тучи, оно обливало **топлёным золотом** и край неба и край воды; сливаясь в одно, небо и вода переливались в **радужных красках**, дрожали, колебались, как чудная декорация; тучи были **темны**; только края их горели, а выше над ними опять проталина **чистого неба**, на которое выбрасывало снопами **лучи солнца**, уже **поблёкшие**, утратившие свой яркий блеск, до того, что на них можно было глядеть, не жмуря глаз. Наконец **светлая** полоса горизонта перекрасилась в цвет **алый**, потом в **бледный розовый**, потом **неопределённый, потускнела и стухла**»⁴⁷⁰.*

Весь пейзаж пронизан антиномиями, поэтические эпитеты «волшебные», радужные» сменяются цветами угасания и исчезают совершенно. В центре описания образ «топлёного золота», эта метафора словно проецируется на образ Смольнева, загадочного героя, петербургского «Гобсека», с именем которого связаны судьбы всех героев фельетонного романа «Петербург днём и ночью». Характерно, что восприятие этого пейзажа принадлежит повествователю («Смольнев не сводил глаз с тёмной дали. Он

⁴⁶⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т. 72. С. 76

⁴⁷⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.163

не обращал внимания на закат солнца, который, конечно же не пробуждал ничего в его душе»⁴⁷¹). И этот приём Ковалевский использует неоднократно.

Так же, казалось бы, любит природой «маленький человек» Яжелбицкий, который «наслаждался своим бездействием и глядел на чудную панораму Невы, подёрнутой туманом, как глядел на потолок канцелярской комнаты, дивясь мухи, что ходила по нём вверх ногами». Противопоставление «чудной панорамы Невы» потолку канцелярской комнаты очевидно характеризует как героя, так и автора, при этом «наслаждающийся» «остался в прежнем положении человека, со вниманием глядящего и ничего не видящего»⁴⁷².

Заявленный в заглавии хронотоп («Петербург днём и ночью») неоднократно упоминается в пейзажах. Город, как живое существо, действующее лицо, сопутствующее или участвующее в развитии событий:

«Действительно, ночь была не хорошая. Ветер выл волком и стонал как домовый. На взморье он трепал белые парусы, в городе белесоватые тучи, которые двигались густыми массами на чёрном небе и размётывал их клочками вправо и влево, а в **сади́ке**, что прилегал к **серенькому дому**, **издевался над гибкими берёзами**, то **гну́л** их к земле, то **сбивал трепетные** листочки. Ночь была, какие **сплошь и рядом бывают в Петербурге**, особенно под осень»⁴⁷³. Такая погода предсказывает драматическую развязку, способствует похищению Оборвыша, метафорически указывает на беззащитные существа, живущие в любимом автором «сереньком доме», на долю которых тоже выпадут испытания. «Гибкие берёзы», «трепетные листочки» - над которыми «издевается» ветер – это Ольга и князь, который в очередной раз, воспользовавшись отсутствием Вани, попытается добиться своей цели. А последнее предложение словно является типическим обобщением закономерности происходящего.

«Утро вставало лениво, нехотя; как будто спросонок, как будто ему тошно было глядеть на Петербург. Занимался такой серенький туманный денёк, что если бы не бой часов, да неторопливая беготня по тротуарам разного рабочего народа⁴⁷⁴, начиная от простого подёнщика до бедной чиновницы, смиренно шествующей со своей кухаркой на рынок, если бы не все эти признаки тревожной деятельности, то нельзя было бы узнать,

⁴⁷¹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С. 163

⁴⁷² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.75. С.15

⁴⁷³Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С. 22

⁴⁷⁴ Ср. с А.С. Пушкиным

Встаёт купец, идёт разнщик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином Охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит .

Пушкин А.С. Евгений Онегин. //соч в 3 томах. М.: Художественная литература, 1986,Т. 2. с. 199

что это день: таков он был! В других местах, да и в самом Петербурге, иногда вечер светлее такого новорождённого дня».⁴⁷⁵ Пейзаж в духе «натуральной школы» выражает отношение к происходящему повествователя через романтическое олицетворение утра, которое вовсе не радуется, а антитеза вечера и «новорождённого дня» подчёркивает особенности конфликта. «Сумерки опускались ниже и ниже. Великолепный Петербург важно драпировался в лохмотья своих туманов».⁴⁷⁶ Какая яркая антитеза! Великолепие и лохмотья. В одной метафоре целая картина показного и естественного. Эта мысль продолжается и в философском осмыслении природы в духе Руссо: «Как странно, как непостижимо развивается природа, по-видимому самая грубая! и откуда у ней берутся эти чувства, эти душевные верования! кто научает им!... Кто научает цветок обращать свою головку к солнцу и согласоваться с его течением на небе!...»⁴⁷⁷

На композиционном уровне интересно сопоставление деталей описания места действия в начале повествования и в конце. («Петербург днём и ночью»)

Глава 3, часть 1	Глава 9 и последняя, часть 6
<i>В глухой и отдалённой части города, в глубине двора, стоял маленький деревянный дом, чистенький, хорошенький. К нему примыкал сад; берёзы достигали второго этажа и заглядывали в окна; более смелые стлали свои ветви по крыше; серенький домик улыбался им; ему было весело под их защитой. Внутри домика царствовали также тишь и благодать, не от безлюдья, нет: в нём не отдавалось ни сыростью, ни запустением; тут обитали уже несколько лет одни и те же жильцы, и домик свыкся с ними, и они свыклись с домиком, как бы составляли часть его самого. Посмотрите, как радушно распростёр он свои фронтоны, словно руки для объятий, всё для добрых жильцов: другие посетители в</i>	<i>Помните ли этот серенький домик, чистый, опрятный снаружи; порядок и симметрия в нём были педантские, а этот весёлый садик, который ласкался к нему, а высокие берёзки, укрывавшие его от бурь и непогод; а эту семью, мирную, благодатную! Счастливы текли дни её в неизвестности, в любви, которую она находила в самой себе. Но увы! злая судьба втянула прекрасную мирную семью Бенских в общий водоворот тревожной деятельности и что случилось с нею? Что случилось с сереньким домиком!... Двор порос крапивою,; ступеньки подгнили, обвалились; тёс, которым был обшит дом, во многих местах сорвало, и доски висели, как тряпье старой одежды; светло-серый цвет его превратился в грязный! Внутри было</i>

⁴⁷⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.75. С. 42

⁴⁷⁶ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.75. С. 15

⁴⁷⁷ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.73. С. 23

нѣм за редкость. Слуховое окно наверху открыто всегда, чтоб давать приют бесприютным: сюда влетают и вылетают вереницы голубей, и никто не тревожит их, никто из жильцов не покусится полакомиться их мясом: грех!... голубица – изображение чистоты, а в домике – такие жильцы, у которых чистота души доведена до высочайшей степени.⁴⁷⁸	пусто и сыро. Дождь во многих местах пробивался сквозь крышу и длинные полосы струились вдоль оборванных обоев... Как грустен этот вид запустения!⁴⁷⁹
--	---

В первом эпизоде из 3 главы перед нами идиллия, описанная с любовью и восхищением повествователем – уменьшительно-ласкательные суффиксы, олицетворения, гармония человека и природы; во втором – безжизненность и запустение, отчаяние автора подчёркивается риторическими вопросами, обращением к читателю и восклицательной интонацией. Печальная развязка конфликта романа усиливается на фоне повтора описания этого «серенького дома». Повествователь не безучастный наблюдатель, сочувствием проникнуто всё описание, а обращение к читателю подчёркивает sentimentalный характер восприятия судьбы любимых героев Ковалевского. Использование открытий сентиментализма в описании внутреннего мира человека через пейзаж, портрет обогащает текст психологическими подробностями и становится новым шагом на пути к реализму.

Но есть и другая позиция повествователя по отношению к читателю. Очерковая манера письма, берущая начало в «Путешествиях», проявляется и в его активной позиции в романе. Он вступает в полемику с теми, кто не способен мыслить и чувствовать, кто воспринимает только внешнее развитие событий, и в этом тоже проявляется личность Ковалевского-петрашевца, не равнодушного к социальным проблемам общества.

«Видите ли, читатель, как добросовестно я поступаю с вами, как снисходителен к вашему любопытству, если у вас есть оно к действующим лицам моего рассказа!»⁴⁸⁰ Иронично комментирует принцип многих писателей провести отрицательного героя под личиной «тихого, униженного и даже доброго», а потом такой писатель «выпрямил бы перед вами того же Смольнева во весь его небольшой рост... - вот он, читайте на нём весь длинный ряд преступлений...это было бы очень эффектно».⁴⁸¹ Пародийно описывая этот сюжетный романтический ход, Ковалевский рассуждает с читателем о своих принципах повествования: «Но я рассказываю без дальних затей, и если против всякого с моей

⁴⁷⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.33

⁴⁷⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.76. С.72

⁴⁸⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.162

⁴⁸¹Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.162

стороны намерения проявляется у меня где-нибудь неожиданность приключения или встречи, это потому только, что природа сама любит иногда эффекты и производит их гораздо больше, чем нам кажется; нужно только подсмотреть их, а для этого надобно заглядывать в такие уголки человеческого сердца, куда вам, верно, не захочется смотреть: на то требуется время, труд, а где же вам трудиться! Ваш покой так драгоценен! трудиться надо нам, простым подёнщикам жизни. Берегите себя, почтеннейший читатель; пожалуйста, берегите. А то, чего доброго, у нас не останется ни одного читателя. Хоть мы, в своём гордом заблуждении, именно думаем, что пишем для многих, а не для себя исключительно».⁴⁸²

Такого рода читатель появится через некоторое время в романе Чернышевского «Что делать?» «Проницательный читатель» станет оппонентом повествователя и поможет наиболее ярко высветить насущные проблемы времени. Ковалевский словно готовит почву для литературы 60-х годов.

В романе отразился и личный опыт Ковалевского. Здесь и упоминания о Золотых приисках, открытых месторождениях в Сибири, и очень точное описание процесса карточной игры, с которым хорошо был знаком автор.

Ковалевский называет игру «всепожирающее чудовище веков, для которого недостаточно никаких сокровищ». Приводя в пример опасения англичан по поводу истощения горючего материала на планете из-за развития паровых машин, повествователь сравнивает этот процесс с процессом игры.

«Того же можно ожидать и от игры: всё, что можно превратить в деньги, будет извлечено из общего полезного обороту и исчезнет в водовороте азарта. Быстрые успехи игры превосходят самые замысловатые усовершенствования по части паровой механики, и карточная игра гораздо скорее достигнет своей катастрофы; никто и не думает принимать против неё своих мер, напротив, все, наперерыв, с каким-то отчаянным соревнованием, стремятся к рассмотрению этого душегубительного занятия».⁴⁸³

Красноречивый эпитет очень точно передаёт главное в процессе игры – разрушение души.

Пагубная страсть становится всеразрушающей для Охтина, он готов пожертвовать всем, чтобы найти деньги для очередной игры. А вот описание процесса игры Невского интересно с психологической точки зрения.

«...понтёр был Невский. Он сидел облокотившись и упираясь подбородком на ладони рук; глаза его были устремлены на карту, но не изображали того нетерпеливого

⁴⁸² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72.С.162

⁴⁸³ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С. 149

ожидания, того судорожного трепета сердца, которое отражается или внезапным блеском, или отчаянною неподвижностью. Лицо было холодно. Лоб не сморщен, губы не сжаты, как вообще бывает в напряжённом состоянии. Невский был равнодушен или почти равнодушен, потому что трудно предположить искреннее, совершенное равнодушие в такой игре, какую он теперь вёл. Правда, есть игроки, выдержавшие все **испытания судьбы**, победительно выступившие из-под ея ударов, те, подобно опытным, обгорелым в порохе воинам всегда хладнокровны, расчётливы в деле: они не изменяют себе неосторожным словом, ни движением нетерпения, сидят, вперив взор в антагониста, проникая его насквозь и читая по напряжённому лицу сокровенные мысли его игры: **эти люди идут почти всегда на верную победу**. Другие играют только роль равнодушных, между тем внутри их целая **буря страстей**: эти опасны себе самим. Есть, наконец, люди, которые действительно хладнокровны к выигрышу и к проигрышу. К чему же они играют? Спросите вы... - **А так! Потому что все играют**. Иногда желая испытать сильные ощущения, забыться от однообразия ежедневной жизни и уйти от общества, которое надоело; иногда это бывает минутное увлечение, искушение, которым умеют ловко воспользоваться другие...»⁴⁸⁴

Даже по одному этому отрывку мы видим и предполагаемые объяснения страсти к игре самого Ковалевского, невольные аллюзии с произведениями Пушкина и будущего «Игрока» Достоевского, очевидны такие черты фельетонного романа, как диалог с читателем, предвкушение драматической развязки судьбы главного героя. Точные психологические наблюдения над поведением героя в момент игры в карты позволяют понять, что более серьёзные переживания, чем проигрыш всего состояния, волнуют героя.

Но интересна и психология игры, которую представляет повествователь. У каждого свои причины играть, у каждого свой итог – и в этом проявляется всеохватность и универсальность игры как социального явления.

3.4. Место фельетонного романа Е.П. Ковалевского в истории русской и зарубежной прозы

Анализируя роман-фельетон Е.П. Ковалевского с точки зрения своеобразия жанра, нельзя не отметить влияния зарубежной и русской литературы на его создание. Прежде всего, фельетонный роман «Парижские тайны» Эжена Сю вызывает наибольшее количество параллелей. Об этом писали и современники - В.Г.Белинский, А. Дружинин. Интересное наблюдение об отзыве Валериана Майкова читаем в статье К.А. Чекалова «Российская «Мистеримания» 1840-х годов: парадоксы восприятия романа Эжена Сю». В

⁴⁸⁴ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846 г., т.76. С. 11

статье В. Майкова «Романы Вальтера Скотта» 1847 г. упоминается книга Ковалевского: «Романы Загоскина пользовались у нас таким же успехом, как и все произведения нашей подражательной литературы от мадригалов Тредьяковского до «Петербургских тайн» г. Ковалевского» Здесь имеет место примечательная перемена названия романа – не «Петербург днём и ночью», а «Петербургские тайны»; это явно свидетельствует о том, что книга Ковалевского воспринималась Майковым как русский вариант «Парижских тайн».⁴⁸⁵ Смольнева Чекалов сравнивает не столько с Жаком Ферраном, сколько с Лугарто из «Матильды» Э.Сю. Образ Невского тоже несопоставим с Рудольфом Герольштейнским. Чекалов отрицает слишком явное сходство «с архетипическим текстом», называя явные параллели с Гоголем – «мелкий чиновник Яжелбицын – alter ego Башмачкина из «Шинели», художник Миллер сильно напоминает Чарткова с образом из «Портрета».⁴⁸⁶ Скорее, следует говорить о реминисценциях русской литературы. Влияние традиций сентиментальной литературы просматривается в создании образа Ольги Бенской, а черты Печорина можно увидеть в портретном описании Охтина и характере Невского. Пожалуй, лишь в образах Женни и Лилии-Марии много общего. Обе брошены своими матерями и оказались на дне жизни. Обе обладают ангельской душой, что проявляется и в их внешности.

Лилия-Мария	Женни
<i>В силу какой-то странной аномалии личико Певуны принадлежит к тому целомудренному, ангелоподобному типу...</i> <i>Певунье шестнадцать с половиной лет.</i> <i>У нее чистый, белоснежный лоб и лицо безупречно овальной формы; длинные, слегка загнутые ресницы наполовину затеняют ее большие голубые глаза. Пушок ранней юности покрывает округлые румяные щеки. Ее алый ротик, тонкий и прямой нос, подбородок с ямочкой ласкают взор своим изяществом. На ее нежных, как</i>	<i>Мой добрый ангел-хранитель</i> <i>Я показывал тебе Рафаэлева ангела на картине?.. Рафаэль видел во сне твою улыбку, твой взгляд. И придал их другому лицу.</i>⁴⁸⁸ <i>Видали вы Рафаэлевых ангелов, вложите в них душу Женни, но душу Женни непременно, потому что другой такой души не найдётся, ...</i> <i>Девочка по виду лет тринадцати, худая, бледная, но живая, миленькая. В ситцевом платьице, весьма-весьма поношенном, но всё-таки опрятном.</i>

⁴⁸⁵ Чекалов К.А. Российская «Мистеримания» 1840-х годов: парадоксы восприятия романа Эжена Сю//Известия РАН. Серия литературы и языка, 2014, том 73, № 6. С.21

⁴⁸⁶ Чекалов К.А. Российская «Мистеримания» 1840-х годов: парадоксы восприятия романа Эжена Сю//Известия РАН. Серия литературы и языка, 2014, том 73, № 6. С. 21

⁴⁸⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72. С.142

атлас, висках закругляются две великолепные пепельные косы, которые, оставив на виду розоватые, как лепестки роз, мочки ушей, исчезают под тугими складками ситцевого платка в голубую клетку, завязанного по-простонародному надо лбом. Ее красивая шейка ослепительной белизны охвачена маленьким коралловым ожерельем. Под платьем из коричневого бомбазина, слишком для нее широким, угадывается тонкая, округлая и гибкая, как тростник, талия, дешевенькая оранжевая шаль с зеленой бахромой перекрецивается на ее груди⁴⁸⁷...	Глаза её ясные, голубые, глубокие как небо, но не это, северное небо, на котором нельзя подметить ни одной светлой краски, нельзя уловить ни одной счастливой мысли, глаза... Волосы, прекрасного каштанового цвета, шелковистые, мягкие, такие мягкие, ...⁴⁸⁹
---	---

Портрет Лилии-Марии подчёркивает её непохожесть на мир преступников и отбросов общества. Ангельская внешность, ангельский голос, доброта даже к тому, кто только что обидел её. Всё говорит о романтическом ореоле и какой-то тайне, связанной с её происхождением. Употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, поэтических сравнений (как лепестки роз, как атлас, как тростник) подчёркивают идеальность образа.

Описание Женни у Ковалевского тоже не лишено восхищения. Но он подчёркивает прежде всего душу героини. Через повторы и сравнения заостряет внимание на самых важных деталях, а инверсия придаёт образу поэтические краски. Сравнение с ангелом Рафаэля создаёт яркий изобразительный ряд в воображении читателя и тоже придаёт образу идеальные черты.

Отличие этих героинь связано и с их окружением. Певунья оказалась в руках жестокой Сычихи, затем прошла через тюрьму, оказалась в притоне, а Женни была отдана бедной женщине (Ёлкиной), которая любила её и заботилась, как могла. «Она мне дочь, больше, чем дочь».⁴⁹⁰ Несмотря на нищету, Женни не встала бы на путь Певуньи, так как рядом с ней были любящие её люди – Фриц Миллер и приёмная мать. Очевидно, что образ Женни навеян романом Э.Сю, но Ковалевский показывает судьбу ещё совсем

⁴⁸⁷ Эжен Сю. Парижские тайны. <https://librolife.ru/q1434943>

⁴⁸⁹ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.73. С.56

⁴⁹⁰ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.73. С. 57

ребёнка, тайна происхождения которого раскрывается по всем законам социально-авантюрного романа.

Роман Ковалевского, один из первых в России «опытов оригинального русского романа-фельетона из жизни социальных низов Петербурга»⁴⁹¹, не только был написан под влиянием романа Э. Сю, но и сам оказал влияние на развитие русской литературы. В комментариях к роману Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые» отмечается, что в юности Достоевский мог познакомиться с текстом произведения, так как он публиковался в «Библиотеке для чтения» вместе с романом Жорж Санд «Теверино». Социальный роман-фельетон мог заинтересовать Достоевского проблемами Петербургского дна и жизни высшего общества. Конфликт, заявленный в «Петербурге днём и ночью», был близок Достоевскому как по содержанию, так и по способу воплощения. Отсюда несколько параллелей, связанных с типологическим сходством романов. Ряд интересных наблюдений связаны в комментарии с образом князя, которого можно считать прообразом Валковского, встречается в романе и художник Миллер. Но, пожалуй, наибольший интерес представляет развитие образа Женни и Нелли – Елены.

Женни	Нелли
«Девочка по виду лет тринадцати, худая, бледная, но живая, миленькая. В ситцевом платьице, весьма весьма поношенном, но всё-таки опрятном. Глаза её ясные, голубые, глубокие как небо, но не это, северное небо, на котором нельзя подметить ни одной светлой краски, нельзя уловить ни одной счастливой мысли... Волосы, прекрасного каштанового цвета, шелковистые, мягкие, такие мягкие»⁴⁹²	«Это была девочка лет двенадцати или тринадцати, маленького роста, худая, бледная, как будто только что встала от жестокой болезни. Тем ярче сверкали её большие чёрные глаза. Лево́й рукой она придерживала у груди старый, дырявый платок, которым прикрывала свою, ещё дрожащую от вечернего холода, грудь. Одежду на ней можно было вполне назвать рубищем; густые чёрные волосы были неприглажены и всклоочены»⁴⁹³

Сходство в возрасте и общем впечатлении. Различаются героини внешностью и степенью нищеты. Видно, что Женни окружена заботой, Нелли предоставлена сама себе. Есть детали, которые встречаются в описании героинь во всех трёх произведениях.

⁴⁹¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л., Наука. 1980. т. 3. С. 525

⁴⁹² Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.73. С.56

⁴⁹³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 74

«Парижские тайны»	«Петербург днём и ночью»	«Униженные и оскорблённые»
<i>...хотя стояла зима, на мне не было ни чулок, ни рубашки, одно только поношенное полотняное платье да сабо на ногах</i>	<i>Я в эту ночь кончила чулочки, помнишь, что вязала; утром понесла продавать. Мне стыдно было протянуть руку и показывать их всем проходящим, однако я держала их так, что видны были: никто и не взглянул на них</i>	<i>Поправляясь, она вдруг обнажила свою ногу, и, к величайшему удивлению моему, я увидел, что она была в одних дырявых башмаках, без чулок.⁴⁹⁴</i>

Сближает героинь их детская влюблённость в Ивана Петровича (Нелли), в Миллера (Женни), тайна их происхождения, роль князя в их жизни - Валковского (Нелли), князя Алексея (Женни). Продолжение истории с чулочками напоминает нам ещё одну сцену из будущего произведения Достоевского:

«...под конец уже утра, шёл мимо меня какой-то пожилой человек, такой почтенный по виду, и приказал мне идти за собою, говорил так хорошо и обещал купить чулочки. Я пришла к нему; он обнял меня и поцеловал, потом ещё... да глядел на меня такими глазами, что мне стало страшно; тут я вспомнила твои слова, Фриц, чтобы не очень доверять мужчинам, вырвалась из его рук и убежала, прямо домой: я больше не смела показаться на улице.

- И хорошо сделала, Женни, поцелуй таких людей как тот почтенный, могут загрязнить тебя на всю жизнь»⁴⁹⁵.

Изображение социальных пороков на примере растления незащищённой девочки будет и в «Униженных и оскорблённых» в сцене фактической продажи ребёнка Бубновой, и в сцене с пьяной девочкой в романе «Преступление и наказание».

Трудности, которые испытывает Женни, усугубляются её похищением и опасностями, которые она преодолеет вместе с Оборвышем. Но по законам романа-фельетона всё закончится благополучно, справедливость восторжествует.

Судьба Нелли гораздо реалистичнее и от этого трагичнее. Уже вторая встреча демонстрирует нам не только портрет героини, но и её характер. В этом проявляется психологизм Достоевского, его талант несколькими штрихами передать всю глубину образа. *«...днём она ещё больше удивила меня. Да и трудно было встретить более странное, более оригинальное существо, по крайней мере по наружности. Маленькая, с сверкающими, чёрными, какими-то нерусскими глазами, с густейшими чёрными, всклокоченными волосами и с загадочным, немым и упорным взглядом, она могла остановить внимание даже всякого прохожего на улице. Особенно поражал её взгляд; в*

⁴⁹⁴ Достоевский Ф.М. Униженные и оскорблённые. Пензенское книжное издательство, 1956. С.135

⁴⁹⁵ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1845 г., т.72.С.143

*нём сверкал ум, а вместе с тем и какая-то инквизиторская **недоверчивость** и даже **подозрительность**. Ветхое и грязное её платье при дневном свете ещё больше вчерашнего походило на рубище. < ... > Но, вообще, несмотря на всё безобразие нищеты и болезни, она была даже недурна собою. Брови её были резкие, тонкие и красивые; особенно был хорош её широкий лоб, немного низкий, и губы, прекрасно обрисованные, с какой-то **гордой**, смелой складкой, но бледные, чуть-чуть только окрашенные.»⁴⁹⁶*

Мы не только представляем героиню, мы понимаем, что перед нами личность с непростым характером, у неё тоже есть какая-то тайна, это человек с непростой судьбой, отсюда её недоверчивость и подозрительность. Образ Нелли сложен и глубок. Мы видим и зарождение первого чувства любви, и недетское понимание взаимоотношений Ивана Петровича и Наташи, бескомпромиссность в отношении Смита и Ихменёва. Многие в Нелли не всегда ясно и Ивану Петровичу, иногда он не понимает, что в своей любви к Наташе забывает о страданиях девочки, заставляя её рассказать историю её матери, которая не так давно умерла. Всё это поднимает сюжет об обездоленных и несчастных на новую высоту, отличную просто от натуралистических описаний их страданий. Главное в книгах Достоевского, в отличие от Эжена Сю и Ковалевского, «не развитие действия, не смена событий. Но всегда – психология героев. Читателю важно понять характеры действующих лиц, постичь, почему они действуют так, а не иначе, как приходят к тем или иным поступкам и решениям, что происходит в человеческой душе».⁴⁹⁷

Ниточки от «Петербург днём и ночью» тянутся и к другим произведениям Достоевского. В «Бедных людях» Макар Деушкин, делясь впечатлениями с Варенькой о «Шинели» Гоголя, упоминает характерную деталь: «вот хоть бы и я, где мостовая плоховата, пройду иной раз на цыпочках, что я сапоги берегу!» У Ковалевского, продолжающего традиции Гоголя, читаем: «он слишком бережёт свои сапоги, чтобы предпринять такое дальнейшее путешествие» - иронизируют над «маленьким человеком» Яжелбицким. А смерть Смольнева перекликается с размышлениями перед самоубийством Свидригайлова.

Есть и буквальные параллели у Достоевского с Ковалевским. Роман «Петербург днём и ночью» заканчивается историей возвращения изобретателя-самоучки Пирожкова в «серенький домик». «Вы плачете, Ольга Петровна! Уж не случилось ли чего с маменькой... Да, ведь кажется... маменька ваша... Боже мой, я такой беспамятный... Что

⁴⁹⁶ Достоевский Ф.М. Униженные и оскорблённые. Пензенское книжное издательство, 1956. С. 132

⁴⁹⁷ Долинина Н. Предисловие к Достоевскому. Л.: Дет. Лит., 1980. С. 168

же это? Сон!.. Теперешнее состояние сон... или то был сон...»⁴⁹⁸ Смерть маменьки Ольги, её самой через несколько дней, элегическая концовка романа-фельетона.

«Униженные и оскорблённые» Достоевский завершает следующими строками.

«Наташа взглянула на меня долгим, странным взглядом.

— Ваня, — сказала она, — Ваня, **ведь это был сон!**

— **Что было сон?** — спросил я.

— Все, все, — отвечала она, — все, за весь этот год. Ваня, зачем я разрушила твоё счастье?

И в глазах её я прочёл:

«Мы бы могли быть навеки счастливы вместе!»⁴⁹⁹

Смерть Нелли, болезнь Ивана Петровича – финал тоже очень элегичный.

Таким образом, рассматривая роман-фельетон в контексте русской и зарубежной литературы, можно с уверенностью утверждать, что испытывая влияние Э.Сю, В.Гюго (образ Смольнева), Ковалевский создаёт оригинальное произведение на русском материале, следуя сентиментальным и романтическим традициям, трансформировавшихся в сентиментальный натурализм, не лишённый реалистических черт. Идеи и образы Ковалевского найдут продолжение в лучших образцах русской литературы – романах Ф.М. Достоевского, а образ Пирожкова, например, самоучки-изобретателя, предвосхищает Кулигина из пьесы Островского «Гроза».

⁴⁹⁸ Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846, т.76. С.75

⁴⁹⁹ Достоевский Ф.М. Униженные и оскорблённые. Пензенское книжное издательство, 1956

Заключение

Ковалевский представляет очень интересное явление в литературе 40-х годов. Пути развития русской литературы были разнообразны. Россия расставалась с романтизмом как творческим методом, впитывала реализм Пушкина, воспринимала искания «натуральной школы» и использовала лучшие традиции предшествующей литературы.

Лицо, которое представляет эпоху, находится в центре её общественно-политических и нравственных проблем. Участие в кружке петрашевцев, равнодушное отношение к повседневности проявилось в активной жизненной позиции писателя.

Являясь писателем «второго ряда», Ковалевский, по меткому выражению В.Г. Белинского, стал тем самым «обыкновенным талантом», которые необходимы для богатства литературы, и чем их больше, тем лучше для литературы. На вопрос, нужно ли изучать второстепенных писателей, популярных ранее и забытых сегодня, отвечает история русской литературы. Литература «второго ряда» зачастую оборачивается той «почвой», на которой произрастает «большая литература». Она «предвосхищает художественные открытия «первого ряда».⁵⁰⁰ «Обыкновенные таланты» нащупывают, а то и открывают для разработки те тематические, проблемные пласты, которые позднее будут глубоко вспаханы классикой».⁵⁰¹

В этом контексте исследование жанрового своеобразия произведений Ковалевского позволяет увидеть основные тенденции становления жанров очерков-путешествий, повести и романа.

Е.П. Ковалевский был одним из первых в литературе 40-х годов создателей синкретического жанра травелога, в котором нашли отражение традиции сентиментального, романтического и реалистического путешествия, сочетающего в себе документальность и занимательность, натурфилософию и лирическое повествование. Следуя традициям русской (Н.М. Карамзин) и европейской литературы (А. Дюма), Ковалевский проявляет свою индивидуальность в создании очерков, которые в свою очередь окажут влияние на развитие русской литературы путешествий (Гончаров).

В нарративе Ковалевского присутствуют разные типы жанра повести: историческая, светская, физиологический и нравоописательный очерк, но все они приводят автора к социальным проблемам, которые в 40-годы 19 века особенно актуальны для писателя-петрашевца. Поэтому не случайны точки соприкосновения с Достоевским,

⁵⁰⁰ Французская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М. : Наука , 2006 С. 400

⁵⁰¹ Н.Т. Пасхьян. Федерик Сулье и становление романа-фельетона в XIX в. // С Французская литература 30-40-х годов XIX века: "Вторая проза" : [сборник статей] / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М.: Наука , 2006. С.125

особенно в поэтике сентиментального натурализма, в переключке проблем (воспитания, становления ребёнка, искусства) и способах создания характеров. «Бедные люди», «Неточка Незванова» - вот некоторые из тех произведений, в которых наблюдаем типологическое сходство с повестями Ковалевского.

Роман Ковалевского, один из первых в России «опытов оригинального русского романа-фельетона из жизни социальных низов Петербурга»⁵⁰², не только был написан под влиянием романа Э. Сю, но и сам оказал влияние на развитие русской литературы. Социальный роман-фельетон заинтересовал Достоевского проблемами Петербургского дна и жизни высшего общества. Конфликт, заявленный в «Петербурге днём и ночью», был близок Достоевскому как по содержанию, так и по способу воплощения. Отсюда несколько параллелей, связанных с типологическим сходством романов «Петербург днём и ночью» и «Униженные и оскорблённые».

Рассматривая роман-фельетон в контексте русской и зарубежной литературы, можно с уверенностью утверждать, что испытывая влияние Э.Сю, В.Гюго, Ковалевский создаёт оригинальное произведение на русском материале, следуя сентиментальным и романтическим традициям, трансформировавшимся в сентиментальный натурализм, не лишённый реалистических черт.

Представляет интерес становление творческого метода Ковалевского – синтез сентиментальных, романтических и реалистических компонентов, их соотношение на разных этапах творчества. Ковалевский использует контекст русской и европейской литературы (Жорж Санд, Вальтер Скотт, Э.Сю, В. Гюго), что позволяет рассматривать его произведения в русле интересов читательской публики. Являясь писателем второго ряда, он становится предтечей не только развития массовой литературы, но и даёт идеи для открытия писателям более высокого уровня. Есть все основания для сопоставления произведений И.А. Гончарова «Обыкновенная история» и «Фрегат «Паллада» с повестью «Любовь и эгоизм» и очерками-путешествиями, произведений Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы» и статьёй Ковалевского «Бомбардирование Севастополя», произведения Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и романа «Петербург днём и ночью». Все перечисленные произведения Ковалевского были написаны и опубликованы раньше, чем известные нам произведения писателей так называемого «первого ряда». Это даёт возможность предположить, что Ковалевский верно нащупал магистральные пути развития русской литературы в 40 – гг. 19 века, и в 50-60 г.г. будет следовать этим тенденциям в создании как произведений очерков путешествий «Путешествие во

⁵⁰² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л., Наука. 1980. т. 3. С. 525

внутреннюю Африку» (СПб., 1849) , «Путешествие Китай» (ч. 1 -2, СПб., 1853) , «Китай в 1849 и 1850 годах» («Отечественные записки», 1853, №№ 3, 4), так и в романах «Век прожить не поле перейти» («Отечественные записки», 1857, №№ 2-3), «Граф Блудов и его время» (СПб., 1866).

Список использованных источников и литературы

Произведения Е.П. Ковалевского

1. Егор Ковалевский. Сибирь. Думы. Стихи. Предисловие Александра Родионова.[Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2010/8/ko12.html> (дата обращения: 12.06.2019)
2. Ковалевский Е.П. Собр. соч., т.1-5, СПб., 1871-1872.
3. Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории, СПб., 1841 г.
4. Ковалевский Е.П. Кульджа, Чугучак и города западной границы Китайской империи (из неизданных записок)// Мануфактурные и горнозаводские известия. 1842, №1, № 2
5. Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям, кн. I и II. СПб, 1843
6. Ковалевский Е.П. Арнаут, Яссы и Молдавия// Библиотека для чтения. 1844. Т.62
7. Ковалевский Е.П. Карпатские горы зимой// Библиотека для чтения. 1844. Т.63
8. Ковалевский Е.П. Воспоминания о берегах Нижнего Дуная//Библиотека для чтения. 1844. Т.65
9. Ковалевский Е.П. Историческое обозрение открытия золота в Старом и Новом свете// Библиотека для чтения. 1844. Т.62
10. Ковалевский Е.П. Фанариот. Историческая повесть// Библиотека для чтения. 1844.Т.67
11. Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям, кн. III. Карпаты, СПб, 1845
12. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью//Библиотека для чтения, 1845.Т. 72-73
13. Ковалевский Е.П. Любовь и эгоизм// Библиотека для чтения, 1846. Т.74.
14. Ковалевский Е.П. Путь каравана (из дневника русского офицера при переезде из Семипалатинска в пределы китайских владений)// Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, 1846. Т. 62, № 245.
15. Ковалевский Е.П. Нападение хивинцев на укрепление Ак-Булак в ноябре 1839 г. (из дневника Русского офицера)// Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, 1846 .Т. 62, № 246.
16. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью //Библиотека для чтения, 1846. Т. 75-76.
17. Ковалевский Е.П. Балканы. Ниш // Библиотека для чтения, 1847. Т.80

18. Ковалевский Е.П. Из путешествия во Внутреннюю Африку. Большая Нубийская пустыня // Современник, 1848. т. XII
19. Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие// Библиотека для чтения, 1848. Т. 86
20. Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям, кн. IV// Библиотека для чтения. 1849. Т. 94
21. Ковалевский Е.П. Экспедиция к золотоносным россыпям в верховьях Нила, отправленная египетским пашою под начальством русской службы подполковника Ковалевского// Известия русского географического общества. 1849, вып. 1
22. Ковалевский Е.П. О путешествии в Африку. Записка Ковалевского, читанная на общем собрании Географического общества 12 января 1849 г. //Географические известия, 1849 г., вып. 1
23. Ковалевский Е.П. Негриция// Отечественные записки, 1849. Т. 62
24. Горев Е. Майорша// Библиотека для чтения, 1849. Т. 93.
25. Ковалевский М. Люди странствующие – люди страждущие // Библиотека для чтения, 1849. Т.93.
26. Ковалевский Е.П. Бомбардирование Севастополя // Современник, 1856. т. 57.
27. Ковалевский Е.П. Век прожить не поле перейти//Отечественные записки, 1857. - №№ 2-3
28. Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. - СПб., 1866.

Произведения русских и зарубежных писателей

29. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13-и т. – М.: Наука, 1953-1959. Т. 2, 7, 8, 9, 10
30. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 т. Повести. – М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1959. – Т.3
31. Гончаров А.И. Обыкновенная история //Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – т.1
32. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. Томск : Издательство Томского университета , 1984
33. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972.- Т. 3
34. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Публицистика и письма. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. – Т.28/2

35. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорблённые. Пензенское книжное издательство, 1956.
36. Достоевский Ф.М. Неточка Незванова//Собр. соч. в пятнадцати томах. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. – т.2, с.203-357
37. А.В. Дружинин. Повести. Дневник. Москва. Наука.1986.
38. Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике. [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420oldorfo.shtml (дата обращения: 12.06.2019)
39. Дружинин А.В. Сочинения, СПб,1865.
40. Дюма А., Доза А. Путешествие в Египет. [Электронный ресурс] // <https://www.litmir.me/br/?b=245689> (дата обращения: 17.06.2019)
41. Жорж Санд. Лукреция Флориани. – Л., 1976
42. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Издательство «Правда», 1988.
43. Карамзин Н.М. Бедная Лиза//Русская сентиментальная повесть. Издательство Московского университета. 1979.
44. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Собрание сочинений в 4 т. – М. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – Т.4
45. Плетнёв П.А.. Мелкие критические разборы// Сочинения и переписка П.А. Плетнёва. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1885. Т.2
46. Сенковский О.И. Путешествие во внутреннюю Африку Ковалевского //Библиотека для чтения, 1849, т. 95. С.83-115
47. Эжен Сю. Парижские тайны. [Электронный ресурс]//<https://librolife.ru/g1434943>

Литература, посвященная биографии и творчеству Е.П.

Ковалевского

48. Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Анненков П.В. Литературные воспоминания. – Л.: Academia. 1928. С. 161-605.
49. Анненков П. Егор Петрович Ковалевский. С.Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1868 г.
50. Анненков П.В. Егор Петрович Ковалевский// Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова 1849-1868. Санкт-Петербург, 1877. С. 242
51. Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. Географиз, М., 1956 г.

52. Виленкин В.Л.. Странствователь по суше и морям. (Егор Петрович Ковалевский), М.: Издательство «Мысль», 1969.
53. Даль В.И. Письма к друзьям из похода в Хиву (1967)//Русский архив, 1867, № 3-4
54. Ковалевский П.М. Встречи на жизненном пути// В кн.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928.
55. XXVлет.1859-1884. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным. С.-Петербург, 1884г.
56. Салтыков-Щедрин М.Е. Некролог// Отечественные записки, 1868, № 10.
[Электронный ресурс]<https://lit.wikireading.ru/2993> (дата обращения: 12.06.2019)
57. Фарафонова О.А. «Странствователь по суше и морям» Е.П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога //Критика и семиотика. 2018. №2. С.10-24

Работы по истории и теории литературы

58. Никуличев Ю. Вокруг «замечательного десятилетия»: от чистых идей к проклятым вопросам [Электронный ресурс]//
<http://magazines.russ.ru/voplit/2003/1/nikul.html>. Вопросы литературы 2003, 1
59. Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма/Избранные труды. Поэтика русской литературы.- М.: Наука, 1976
60. Вопросы зарубежной литературы /Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина ; [редкол.: М. Е. Елизарова (отв. ред.) и др.]- М., 1967
61. Глуховская И. И. Сентиментальный натурализм в русской литературе 40-х годов XIX века (проблема метода). Автореферат диссертации
62. Голубков С.А. Семантика и метафизика города. «Городской текст» в русской литературе XXвека. Самара : Изд-во СамГУ, 2010.
63. Григорьев А. Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма / Примеч. В. Л. Комаровича // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Под ред. В. В. Гиппиуса; Отв. ред. Ю. Г. Оксман. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — (Лит. архив). [Т.] 1. — С. 249—256.
64. Гроссман Л. Композиция в романе Достоевского. // Творчество Достоевского, т. II, вып.2, 1928.
65. Гуминский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 184 с.

66. Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов.энциклопедия, 1987. С. 314-354
67. Данилов В. Мелочи литературного прошлого (Теньер в русской литературе)//Русский архив, 1915, № 2. С.164
68. Долинина Н. Предисловие к Достоевскому.- Л., Дет. Лит., 1980. – 254 с.
69. Жиликова Э.М. К вопросу о традициях сентиментализма в творчестве Ф.М. Достоевского 40-х годов. //Проблемы метода и жанра. Вып.3. Томск, изд-во ТГУ, 1976. С.36
70. Жиликова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844-1849). Томск, 1989.
71. Зенкин С. Мечты и мифы Эжена Сю. [Электронный ресурс]: <https://librolife.ru/g1434940>
72. Канунова Ф.З. Повесть как литературный жанр (К формированию теории жанра в русской литературе первой трети XIX в.). // Проблемы метода и жанра. Вып.3. Томск, изд-во ТГУ, 1976. - С. 3-16
73. Канунова Ф.З. Повесть как литературный жанр (К формированию теории жанра в русской литературе первой трети XIX в.)// Проблемы метода и жанра. Вып.3. Томск, изд-во ТГУ, 1976. С. 13
74. Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. Томск, 1998.
75. Козлов, А.Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: монография: Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014.
76. Кузовкина Т. Гоголь и Теньер (К вопросу о том, как изображать действительность)//Лотмановский сборник.3./ Редакторы Л.Н. Киселёва, Р.Г.Лейбов, Т.Н. Фрайман. – М.: ОГИ, 2004. С. 299
77. Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М.:Просвещение, 1982.
78. Купреянова Е.Н. Идеи социализма в русской литературе 30-40 годов // Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969.
79. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Аврора, 1930. С.С.16, 20
80. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – С.- Петербург: Искусство – СПб», 1996. С. 600-608
81. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 501-578.

82. Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. М.: Знание, 1980. 116 с.
83. Михайлов В. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII-XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.
84. Михельсон В.А. «Путешествие в русской литературе». Издательство Ростовского университета. 1974.
85. Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова : К 50-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой: Сборник статей /Том. гос. ун-т; Отв. ред. А. С. Янушкевич. - Томск : Знамя Мира , 1997
86. Орлов П.А. Русская сентиментальная повесть. (Вступительная статья)//Русская сентиментальная повесть. Издательство Московского университета. 1979.
87. Пасхарьян Н.Т. ФедерикСулье и становление романа-фельетона в XIX в. //СФранцузская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос.акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М. : Наука , 2006. С.125
88. Проценко Е.Г. Литература «Путешествий в России в 1840-1850-е г.г. Диссертация канд. Фил. Наук: 10.01.01. Ленинград, 1984.
89. Проценко Е.Г. Литература «путешествий» в России в 1840-1850 годы. Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Ленинград – 1984.
90. Реизов Б.Г. «Униженные и оскорблённые» и проблемы зарубежной литературы //Русская литература, 1972, № 2, с.70-71
91. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Изд. «Наука», Л., 1973
92. Русская повесть как форма времени : [сборник статей /отв. ред. А. С. Янушкевич] ; Том. гос. ун-т.- Томск : Издательство Томского университета , 2002
93. Сапрыкина Е.Ю. Блеск и нищета «больших романов Эжена Сю//Французская литература 30-40-х годов XIX века: «Вторая проза»: [сборник статей]/Рос.акад. наук, Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького; отв. Ред.: А.Д.Михайлов, К.А. Чекалов. М.: Наука, 2006
94. Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. – 7 изд.- СПб, 1909
95. Скибина О.М. Творчество В.Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика. Оренбург, 2003. 214 с.

96. Собрание сочинений Аполлона Григорьева под ред. В. Ф. Саводника., М., 1915, в. 7. Лермонтов и его направление. С. 62—67
97. Стеценко Е.А. История, написанная в пути. (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII-XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, 1999. 312 с.
98. Французская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос.акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М.: Наука , 2006. С.399
99. Фридлендер Г.М.. Реализм Достоевского. Ленинградское отделение издательства «Наука», 1964. С.127
100. Цейтлин А. Становление реализма в русской литературе. (Русский физиологический очерк). Изд. «Наука», М., 1965.
101. Чекалов К.А.. Жанровый поиск раннего Эжена Сю.//Французская литература 30-40-х годов XIX века : "Вторая проза" : [сборник статей] /Рос.акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: А. Д. Михайлов, К. А. Чекалов. М.: Наука , 2006 С. 168-169
102. Чекалов К.А.. Российская «Мистермания» 1840-х годов: парадоксы восприятия романа Эжена Сю. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014, том 73, №6.
103. Шадрина М.Г. Эволюция языка «путешествий»: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 394 с.
104. Шарапова Д.Д. Достоевский и Эжен Сю: «Униженные и оскорблённые»//Вестник Самарского университета, 2016, №1.
105. Шкловский В. За и против. Изд. «Советский писатель», М., 1957

Литература по Отечественной истории

106. Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Пг., 1917. Т.1. Детство и юность (1827-1855 гг.).
107. Петрашевский М.В. Статьи из второго выпуска «Словаря иностранных слов»// Петрашевцы. Сборник материалов. Т.2. Государственное издательство. Москва, Ленинград. 1928.

Справочные, энциклопедические издания и словари

108. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. – СПб.-М., 1882. Т. 3, 4.
109. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 4- М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994,. С. 566
110. Русские писатели 1800-1917.М.: научное издательство «Большая Российская энциклопедия» Фианит, 1992, т.2. С. 577-578

111. Словарь литературоведческих терминов. Москва, «Просвещение», 1974.
112. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. С.-Петербург MDCCCXLV (вып. 1-й, 1845 г., стр. 1—176); (вып. 2-й 1846 г., стр. 177—324)

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: aulen@sibmail.com / ID: 3593602

Проверяющий: aulen@sibmail.com / ID: 3593602

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://users.antiplagiat.ru>

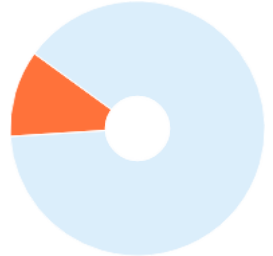
ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 5
Начало загрузки: 14.06.2019 07:52:55
Длительность загрузки: 00:00:06
Имя исходного файла: Жанровое
своеобразие1 - копия
Размер текста: 1331 кБ
Символов в тексте: 339492
Слов в тексте: 45760
Число предложений: 4615

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 14.06.2019 07:53:02
Длительность проверки: 00:00:08
Комментарии: не указано
Модули поиска: Модуль поиска Интернет

ЗАИМСТВОВАНИЯ	ЦИТИРОВАНИЯ	ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
11,02% 	0% 	88,98%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.

Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.

Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.

Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.

Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	6,24%	6,36%	html	http://iknigi.net	27 Фев 2017	Модуль поиска Интернет	202	207
[02]	0,76%	1,27%	Читать книгу Собрание соч...	http://iknigi.net	01 Мар 2017	Модуль поиска Интернет	52	63
[03]	0%	0,86%	Читать книгу Собрание соч...	http://iknigi.net	26 Фев 2017	Модуль поиска Интернет	0	31

Еще источников: 17

Еще заимствований: 4,03%